

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

I ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

*Всероссийская с международным участием конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых*

«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»

*г. Томск
25–29 апреля 2011 г.*

ТОМ III

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

ЧАСТЬ 3

ПСИХОЛОГИЯ, СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ, РЕКЛАМА

Томск
2011

ББК 74.58+65
В 85

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Томского государственного
педагогического университета

I Всероссийский фестиваль науки:

- В 85 Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (г. Томск, 25–29 апреля 2011 г.) : материалы конференции : в 6 т. – Том III : Педагогика и психология. – Ч. 3 : Психология, связи с общественностью, реклама. – Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. – 196 с.

ББК 74.58+65

Научные редакторы:

Л. В. Ахметова, канд. психол. наук, доцент;
Н. К. Грицкевич, канд. пед. наук, доцент;
Е. Е. Витрук, канд. пед. наук, доцент;
Т. Г. Гадельшина, канд. психол. наук, доцент;
Е. П. Молчанова, канд. психол. наук, доцент;
К. В. Петров, канд. ист. наук, доцент;
Н. А. Камарова, канд. филол. наук, доцент

**СЕКЦИЯ
ПСИХОЛОГИЯ**

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАТРОНАТНОЙ СЕМЬЕ

Е. А. Мелкозерова

Томский государственный педагогический университет

До последнего времени политика нашего государства состояла в том, чтобы определить детей-сирот в специализированные учреждения – детские дома, интернаты и т. п. Поиск форм устройства детей данной категории на протяжении XX в. варьировался между детскими городками, коммунами, трудовыми колониями, приютами, детскими домами. Осознание того, что интернатное жизнеустройство неэффективно в социально-психологическом плане и ведет к дезадаптации сирот в будущей жизни, потребовало долгой, тщательной работы в этом направлении. «Практика показывает, – как отмечает Н. В. Присяжная, – что „удаление“ из естественной среды обитания, изоляция детей-сирот от общества и „сверхопека“ учреждения с самого раннего их возраста не способствуют успешности социализации» [1. С. 161].

Сегодня государство заинтересовано в создании таких условий, которые обеспечивают полноценное социальное и личностное развитие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее детей ОБПР). Так, с 2006 г. в рамках реализации комплексных мер по улучшению демографической ситуации в России федеральными и региональными органами государственной власти ведется целенаправленная работа по поддержке института семьи. «Механизм сокращения числа детей-сирот в интернатных учреждениях» найден, это: формы семейного устройства детей вне кровной семьи; непрофессиональные семьи – семья-усыновитель и опекунская семья; профессиональные семьи – приемная семья, патронатная семья и семейная воспитательная группа (СВГ). «Всего в 2009 г. в семьи российских граждан было передано 86,8 тыс. детей (из них 8,9 тыс. – на усыновление; 77,8 тыс. – под опеку (попечительство), в том числе 15,2 тыс. – в приемные семьи; 1,1 тыс. – на патронатное воспитание)» [2. С. 7].

Во многих регионах отработаны механизмы работы с замещающими семьями: подготовки кандидатов в приемные родители (их мотивы), детей; сопровождение и адаптации в семье. За последние годы

выполнены исследования, касающиеся проблем социальной и психолого-педагогической поддержки семей, взявших детей на воспитание И. А. Бобылева, В. К. Зарецкий, Н. П. Иванова, Г. М. Иващенко, М. Н. Левина, В. Н. Ослон, Г. В. Семья, А. Б. Холмгорова и др. На сегодняшний день одной из перспективных семейных форм устройства детей-сирот и детей ОБПР остается патронат.

Патронатное воспитание – гибкая форма устройства ребенка, нуждающегося в государственной защите, в семью патронатного воспитателя при обязательном условии разграничении прав и обязанностей по защите законных интересов этого ребенка между родителями (законными представителями) ребенка, уполномоченной службой (организацией), патронатным воспитателем [3. С. 23]. Не смотря на теоретическую «успешность» патроната с экономической точки зрения (по разным источникам «содержание патроната» гораздо дешевле, чем пребывание ребенка в закрытом учреждении), социальной (трудовой стаж патронатным родителям, льготы, гарантии; социализация детей сирот через призму семейных ценностей) и политической (улучшение демографической ситуации, сокращение числа детских домов), проблемы остаются. Одна из острых проблем – возврат детей в государственные учреждения. Причин тому много, но, самая типичная это конфликты бытового уровня и, конечно, межличностных отношений. Если раньше проблема была в поиске форм устройства сирот, то теперь задан новый уровень – подбор такой семьи, где будет комфортно и ребенку и родителям. Актуальность этой проблемы доказывает появление в настоящее время все больше работ посвященных проблеме межличностных отношений «ребенок-родитель» в замещающих семьях (Г. М. Андреева, П. А. Лунев, Л. А. Петровская, П. А. Пунаев, В. А. Соснин, М. И. Станкин, Я. Яноушек и др.).

Так, Г. М. Андреева подчеркивает: «Существование межличностных отношений внутри различных форм общественных отношений есть как бы реализация безличных отношений в деятельности конкретных личностей, в актах их общения и взаимодействия» [4. С. 3]. В данной статье под межличностными отношениями мы будем понимать «субъективно переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми, проявляющиеся в ходе совместной деятельности и общении. В их основе лежат разнообразные эмоциональные состояния взаимодействующих людей и их психологические особенности» [5].

Именно семья – первый источник формирования межличностных отношений. С приходом в семью приемного ребенка могут возникать проблемы на уроне «родитель – ребенок», когда у родителей идет несоответствие ожидаемому с реальностью. Другой аспект – взаимоотношения приемных детей и кровных. Приемные родители зачастую уделяют слишком много внимания приемным детям, пренебрегая вниманием к родным, либо слишком «придирчивы» к приемным и попустительски относятся к своим. Конечно, все эти проблемы выявляются в первые этапы адаптации жизни ребенка в семье. А как же обстоят дела в семьях, где дети проживают больше 1,5 лет, где период адаптации давно прошел, неужели там все безупречно?

С целью изучения особенностей межличностного общения приемных и кровных детей в патронатной семье было проведено исследование, в котором приняли участие 8 патронатных семей Зырянского района Томской области с кровными детьми и приемными детьми, живущими вместе. Для исследования были подобраны семьи, с возрастом детей 8–12 лет в количестве 16 человек, из них 8 кровных детей (4 мальчика и 4 девочки) и 8 приемных (4 мальчика и 4 девочки). Так же одним из условий являлось – проживание приемных детей в данной семье не менее 1,5 лет. Для исследования были выбраны методики «Фильм-тест» Р. Жилия и проективная методика «Кинетический рисунок семьи».

При интерпретации результатов исследования использовался групповой анализ полученных данных – группы приемных и кровных детей, в соответствии с нормой [5]. Перед исследованием каждому ребенку в целях соблюдения конфиденциальности был присвоен индивидуальный номер.

Т а б л и ц а 1

Показатели шкал по методике Р. Жилия «Фильм-тест»

Шкала / Показатели (среднее по группам в баллах)	Приемные дети	Кровные дети	Границы нормы
1	2	3	4
Отношение к матери	6,75	3,125	5–10
Отношение к отцу	3,5	2,875	1–6
Отношение к обоим родителям	3,25	3,25	1–5
Отношение к братьям и сестрам	2,25	2,625	1–7
Отношение к другим родственникам	0,625	1	0–2

1	2	3	4
Отношение к другу	0,75	0,5	0–3
Отношение к учителю	2,25	2	1–4
Любознательность	4	3,75	1–4
Общение в больших группах детей	3,5	3,875	2–3
Лидерство в группе	3,375	2,5	1–2
Конфликтность, агрессивность	2,25	0,625	1–4
Социальная адекватность	1,875	1,25	2–5
Стремление к уединению	4	1	0–3

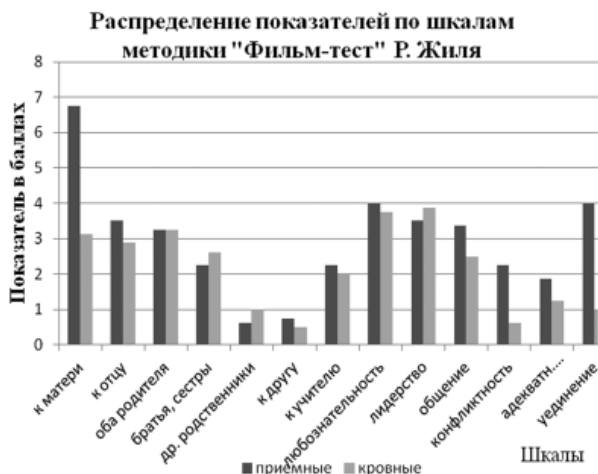

Рис. 1. Распределение показателей по шкалам методики «Фильм-тест»

Исходя из полученных данных (см. рис. 1), можно сделать следующий вывод:

1. Среди показателей взаимоотношений с окружающими у приемных детей преобладает положительное отношение к обоим родителям, но больше к матери (меньше к отцу), чем у кровных детей.

2. В социальной приспособленности у приемных детей присутствуют любознательность, стремление к уединению в большей степени, чем у кровных детей. В это же время по шкале «Социальная адекватность» можно проследить, что у приемных детей присутствует активно-агрес-

сивная реакция, в то время как у кровных детей пассивно-страдательная. Также у приемных детей можно наблюдать сниженные показатели при общении в больших группах детей и в то же время присутствие лидерства в группе.

Таблица 2

Показатели симптомокомплексов по методике «Кинетический рисунок семьи»

	Приемные дети	Кровные дети
Благоприятная семейная ситуация	3,51	3,8
Тревожность	0,16	0,18
Конфликтность	0,5	0,42
Враждебность в семейной ситуации	0,11	0,1
Сумма	4,28	4,5

Из полученных результатов можно сделать вывод о среднеблагополучной семейной ситуации во всех семьях.

При проведении исследования большую роль сыграл метод наблюдения и беседы. В приемных семьях дети свободно общались между собой, с приемными родителями, комфортно чувствуют себя в доме. К приемным родителям обращаются как мама и папа, но иногда по признанию самих родителей обращаются к ним по имени тетя или дядя. Мотив принятия детей в семью во всех семьях – конструктивный – желание помочь детям, но и материальный фактор сыграл роль.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что, некогда полученная депривация (материнская, социальная) у приемных детей дает о себе знать и по прошествии одного года – двух лет пребывания в новой семье. Приемные дети «цепляются» к родителям, доверяют им, они для них становятся авторитетами, и наконец, они дети боятся снова «быть брошенными». В связи с этим возможен конфликт на уровне приемный ребенок – кровный, так как приемные дети хотят быть любимыми и любыми способами вызывают к себе внимание, кровные дети, как правило, начинают ревновать. В заключении хотелось бы отметить, что даже при проживании приемных детей в семье более 1,5 лет, службе сопровождения так же необходима работа по оптимизации и гармонизации межличностных отношений внутри семьи.

Научный руководитель: ст. преп. О. В. Фирсова.

Литература

1. *Присяжная, Н. В.* Социализация воспитанников коррекционных интернатов: формирование личности особого типа / Н. В. Присяжная // Опыт создания и развития эффективных видов поддержки детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа в период жизнеустройства : материалы международной конференции. Томск, 3–4 февраля 2008 г. М. : Благотворительный фонд «Женщины и дети прежде всего», 2008. 264 с.
2. *Инспектор* по делам несовершеннолетних. 2010. № 12.
3. *Программно-методическое* обеспечение опытно-экспериментальной работы по развитию семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и предложения для органов опеки и попечительства по развитию служб по устройству детей на воспитание в семью / И. А. Бобылева [и др.] ; сост. М. Ф. Терновская. Кн. 2 : Нормативная база процессного управления работой органа опеки. М., 2004. 24 с.
4. *Андреева, Г. М.* Социальная психология / Г. М. Андреева. М. : Аспект Пресс, 1997. 376 с.
5. *Федотова, Ю. Ю.* Практическое руководство по применению методики «Фильм-тест» Р. Жилы. Методические указания [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Федотова. Режим доступа: <http://psychlib.ru/mgppu/>

СТАТУС БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ю. В. Миллер, О. А. Белобрыкина
*Новосибирский государственный
педагогический университет*

При всем многообразии существующих в психологии методов исследования личности, к числу недостаточно изученных и применяемых в практической деятельности с полным основанием можно отнести биографический метод.

Развитие биографического метода имеет несомненное значение в комплексном психологическом изучении человека как личности, субъекта деятельности и автора собственной жизни. Несмотря на относительную молодость, он представляет собой достаточно ресурсный метод.

В науке история становления биографического метода берет свое начало в первой четверти XX в. На первых этапах своего развития метод был ограничен ретроспективным описанием прошедших этапов жизни человека или всего жизненного пути исторических персонажей про-

шлого. В дальнейшем в содержание метода были включены анализ актуальных и предполагаемых в будущем событий, а также исследование круга общения субъекта.

Как прикладной аналитический способ работы с текстовыми материалами он начал первоначально применяться в литературоведении, документальной журналистике и мемуаристике. Наибольшую востребованность и широкое применение биографический метод получил в социологии, откуда, собственно, и пришел в психологию. Одной из первых работ, «узаконившей» использование личных документов, писем и автобиографий в анализе социальных процессов, принято считать книгу У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и в Америке». Авторы одними из первых выступили с обоснованием использования биографического метода для интерпретации текстов в социологии [1].

Определение биографического метода как метода «историй жизни», «жизнеописаний», получившее впоследствии широкое распространение, было предложено Н.К. Дензин. Он полагал, что биографический метод представляет переживания и определения одного лица, одной группы или одной организации в той форме, в которой это лицо, группа или организация интерпретируют эти переживания. К материалам жизненной истории он предлагал относить любые записи или документы, включая «истории случая» социальных организаций, которые позволяют объяснить субъективное поведение индивидов и групп. Такими материалами могут выступать письма, автобиографии, газетные сообщения, протоколы различных заседаний (общественные собрания, судебные заседания и др.) и т.п. [2]. Это позволило М. Н. Гернету (1974) в начале 1920-х гг. осуществить социально-психологическое исследование самосвидетельств людей, отбывавших в различное время различные виды наказаний. С этой целью он обратился к анализу биографических дневников и литературных произведений ряда известных писателей – Ф.М. Достоевского, Ф. Ройтера, О. Уайльда, М. Фонтеня и других.

Изучая подростковую преступность, К. Шоу использовал автобиографические заметки правонарушителей, написанные по его просьбе. В качестве дополнительных материалов выступали полицейские и судебные документы, результаты медицинских освидетельствований и пр. Всю совокупность полученных по каждому подростку данных он

рассматривал как «историю отдельного случая», подчеркивая избирательный характер жизнеописания [4].

Один из первых фактов собственно психологического анализа биографии личности представлен в монографии З. Фрейда «Леонардо да Винчи и память его детства», вышедшей в свет в 1910 г., в которой он сделал попытку написания «психобиографии» гениального художника, ученого и изобретателя эпохи Возрождения [5]. Исследование данных личной истории жизни Леонардо З. Фрейд осуществлял в русле разрабатываемой им стратегии изучения психических механизмов, «которые могут быть мобилизованы для того, чтобы повлиять на конкретное состояние, и которые определяют путь достижений или „переходных состояний“ в жизни индивида» [6. С. 27].

Обращаясь к историогенезу биографического метода, можно без преувеличения отметить, что, в сущности, весь психоанализ – и классический, и современный, основан на использовании биографического подхода к изучению личности. Для З. Фрейда и его последователей воспоминания пациентов о прошлой жизни и, особенно о детских впечатлениях, были главным материалом в изучении и коррекции личности. На особую причастность психоанализа к биографическому методу указывает D. Beres, отмечая, что «биографическая реконструкция – это изначальная цель психоаналитического процесса, а психоанализ как генетическая психология, по существу, представляет собой науку биографии» [7. С. 26].

Вслед за З. Фрейдом к использованию психоаналитических методов для реконструкции жизненного пути исторических фигур обратился Э.Г. Эриксон (1996). Им, применительно к исследованию личности, осуществлена интеграция клинического подхода с историческим и социальным анализом. Ему принадлежит заслуга разработки одной из первых форм психобиографии. Э.Г. Эриксон считал, что переходя от истории болезни к истории жизни, психоаналитик обязан расширить сферу своих интересов и принять во внимание деятельность субъекта в контексте возможностей и ограничений внешнего мира. Практически вся, предложенная ученым психоисторическая модель исследования личности, базируется на взаимосвязанных принципах обусловленности бытия человека историческим контекстом, с одной стороны, и действительности психологии личности и психологии эпохи как факторов социальной истории – с другой. Справедливость позиции Э.Г. Эриксона обусловлена исходной историчностью биографического метода, так как, обращаясь

к анализу документов прошлого, каждый исследователь стремится к созданию убедительного исторического объяснения полученных сведений. Кроме того, понимая под историографией реконструкцию прошлого на основе документальных данных, допустимо в качестве одной из ее форм рассматривать «историю жизни» конкретной личности. Являясь основным объектом биографического метода, жизненный путь человека историчен по своей природе. Как и в исторических науках, так и в психологической биографике, основной единицей анализа выступает событие. Именно направленность на воссоздание исторической, развернутой во времени перспективы событий, ряд исследователей рассматривают как фундаментальную особенность биографического метода [9, 10].

Исключительное место в истории становления биографического метода отводится Шарлотте Бюлер. Именно ей принадлежит заслуга организации первого комплексного биографического исследования, охватывающего все возрастные этапы и сферы жизни человека. Обобщая эмпирические данные биографических материалов, она установила наличие закономерности в сроках наступления оптимумов жизни в зависимости от соотношения «ментальных» (духовных) и «витальных» (биологических) установок личности. Анализ значительного количества фактических материалов позволил ей обнаружить наличие различных типов жизненного развития человека. В русле биографического метода Ш. Бюлер была разработана идеалистическая концепция развития человека как процесса постепенного становления и изменения духовных целевых структур самосознания (цит. по [11]).

Г. У. Оллпорт (1998), обобщая зарубежный опыт психологического биографирования, составил перечень мотивов создания личных документов автобиографического характера. В качестве ключевых он обозначал мотивы самооправдания, самовыражения, склонность к порядку и учету, склонность к литературному творчеству, потребность в рефлексии жизни, освобождение от душевного напряжения, покаяние, желание увековечить себя, научный интерес и ряд других.

В отечественной психологии первые сведения о биографическом методе зафиксированы в работах Н. А. Рыбникова (1918; 1920). По его мнению, использование биографического метода играет существенную роль в понимании общего потенциала человека. Особое место он отводил возможностям использования биографического метода для изучения условий достижения успеха в научном творчестве, отмечая, что

потенциально выдающихся людей рождается значительно больше, чем ими фактически становятся. Однако, идеи Н. А. Рыбникова не получили своего дальнейшего развития, а начатые им биографические исследования не были продолжены отчасти потому, что не имели под собой достаточно проработанной концептуально-психологической основы и поэтому казались слишком «субъективными» на фоне доминирующих в те годы объективистских тенденций в психологии. Практически на протяжении пятидесяти лет, после выхода работ Н. А. Рыбникова, в отечественной психологии отсутствовало целенаправленное изучение и самого биографического метода и проведение исследований с его применением. В работах отдельных ученых этого периода встречаются лишь косвенные указания на биографический метод.

Большое значение для формирования теоретических основ биографического метода сыграли в 1950-е г. работы С. Л. Рубинштейна, посвященные экзистенциальным проблемам человека [15]. Однако собственно возрождению интереса к биографическому методу в отечественной психологии способствовали исследования, начатые в 1968 г. Б. Г. Ананьевым и продолженные его учениками – Н. В. Логиновой, Н. М. Владимировой, Л. А. Головей и другими.

Обращаясь к анализу научного творчества мыслителей прошлого, Б. Г. Ананьев указывал на необходимость выявления структуры их личности, условий и этапов становления их взглядов, учета особенностей конкретной биографии, в связи с тем, что идеи каждого творца отражают его индивидуально-личностные характеристики. Именно благодаря трудам Б. Г. Ананьева психологической науке были возвращены имена многих русских ученых, разрабатывавших проблемы человекознания. В его работах представлен объективный анализ научного вклада В. Ф. Чижа, А. Ф. Лазурского, впервые рассматриваются взгляды А. И. Галича, П. Любовского, Д. М. Велланского, В. Ф. Одоевского и других русских мыслителей, стоящих у истоков отечественной психологической мысли.

Биографический метод в психологии представляет собой способ исследования, диагностики, коррекции и проектирования жизненного пути личности. С точки зрения Н. А. Логиновой, «биографический метод оперирует данными об объективных событиях и субъективных переживаниях личности в разных жизненных обстоятельствах, на основе чего позволяет делать умозаключения *о характере, самосознании,*

жизненной направленности, таланте и жизненном опыте личности. Все эти структуры относятся к личностно-биографическим и не могут быть поняты в отрыве от реального жизненного пути человека, а, следовательно, без биографического метода» [17. С. 104].

Современные варианты и модификации биографического метода, основанные на изучении личности в контексте истории и перспектив развития ее индивидуального бытия и взаимоотношений со значимыми другими, направлены по преимуществу на реконструкцию жизненных программ и сценариев развития личности, пространственно-временной организации ее деловой, семейной, духовной жизни, природной и социальной среды. Использование биографического метода предполагает получение информации, источником которой являются автобиографические методики (опросники, интервью, тесты, спонтанные и спровоцированные автобиографии, кривые продуктивности и диаграммы жизненных измерений), свидетельства очевидцев (опрос близких людей, воспоминания современников), изучение продуктов деятельности (дневники, мемуары, письма) [18, 19].

А. М. Улановский (2008) рассматривает биографический подход как теорию, стратегию и метод качественного исследования. Характеризуя специфику биографического метода, ряд исследователей указывают на его несомненную принадлежность к генетическим методам. В силу своей ретроспективности биографический метод отчасти может заменить лонгитюд, особенно при отсутствии возможности непосредственно и ежегодного фиксировать показатели развития человека на длительном отрезке времени [10, 19]. По мнению Э. Ю. Соловьева (1981), Н. А. Логиновой (2001), биографический метод, направленный на исследование реального процесса жизнедеятельности личности, отличается «естественностью». Биограф, как и наблюдатель, не вмешивается в ход событий. Поэтому биографические факты могут рассматриваться в качестве жизненных показателей личностных структур.

И. Ф. Девятко рассматривает биографический метод как разновидность этнографического метода, имеющего дело с анализом «индивидуального случая» [21]. В. Н. Дружинин (2003) относит биографический метод к разновидности архивного метода. Содержательная и смысловая направленность сближают биографический метод с герменевтикой и нарративом. Так, психологическая герменевтика занимается истолкованием переживаний, конкретных индивидуальных психологических

фактов, которые могут быть зафиксированы в биографии (автобиографии) личности [23]. Биографический метод так же предполагает анализ и интерпретацию не только объективной стороны жизни человека, но и его переживаний, особенностей внутреннего мира, отношения к событиям жизненного пути [2, 15]. Специфика отношения к отдельным событиям жизни, в свою очередь, представляет собой один из ключевых показателей в нарративе [24]. Очевидно, что вне биографического контекста выявить их не представляется возможным. Содержательно нарратив представляет собой вербальное изложение, фиксирующее процессуальность самоосуществления как способ бытия повествовательного текста. Термин «нарратив» был заимствован из историографии, где появляется при разработке концепции «нарративной истории», рассматривающей исторические события, как возникшие не в результате закономерных исторических процессов, а в контексте рассказа об этих событиях и неразрывно связанные с их интерпретацией. Как отмечают В.Ф. Журавлев, Ф.И. Барский, фокусом нарративного исследования часто становятся дискурсы, преломляющиеся в конкретных историях человеческой идентичности (жизненных историях (life-story) или я-нарративах (self-narrative)). В эмпирической исследовательской деятельности это делает актуальным обращение к биографическому и квазibiографическому материалу, к разного рода речевой продукции или любым проявлениям человека, которые можно рассматривать как некоторый текст [24, 25]. Смысловой акцент психологический составляющей биографии (автобиографии) роднит биографический метод с психосемантическим [26, 27].

Очевидно, что столь разнообразная содержательная, функциональная и информационная нагрузка биографического метода позволила ему найти широкое применение в различных науках – философии, литературоведении, истории, социологии, этнологии, психологии, и, в частности, в таких ее отраслях, как общая, возрастная, дифференциальная, социальная, историческая, медицинская, включая их прикладные области. Следует отметить, что практически вся современная история психологии базируется на биографическом подходе. Как справедливо замечает Н.А. Логинова, «обращает на себя внимание разнообразие конкретных форм и целей применения биографического метода. (Поэтому можно говорить о биографических *методах*, во множественном числе.)» [17. С. 107].

Изучение биографических явлений действительно имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Постигая закономерности жизнедеятельности и жизненного пути, человек может лучше представить себе оптимальный вариант собственного развития, определить свой жизненный путь. Понимание роли личности в планировании и осуществлении жизненного пути способствует, по мнению А. А. Кроник и Р. А. Ахмерова, более ответственному отношению к нему, стремлению ставить серьезные жизненные цели и достигать их осуществления [18].

По сути, статус биографического метода сегодня достаточно определен – это один из наиболее комплексных методов эмпирического исследования и диагностики, используемых в русле и естественно-научной, и гуманитарной парадигмы. Исходя из классификаций методов, предложенных В. И. Слободчиковым и Е. И. Исаевым (1995), В. Н. Дружининым (2003), его с полным основанием можно отнести к типу общенаучных и конкретно-научных методов. Преодолев порог ограничений, вводимых его применением как дополнительного, биографический метод, обладая всеми достоинствами обсервационно-идеографической группы методов, вполне обоснованно может претендовать на ведущее место как самостоятельный исследовательский, прикладной и практический метод психологии.

Литература

1. Улановский, А. М. История и векторы развития качественных исследований в психологии / А. М. Улановский // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 2. С. 129–139.
2. Denzin, N. K. Introduction: The discipline and practice of qualitative research / N. K. Denzin, Y. S. Lincoln // The handbook of qualitative research. Second edition / ed. by N. K. Denzin and Y. S. Lincoln. Thousand Oaks, CA, 2000. P. 1–28.
3. Гернет, М. Н. Избранные произведения / М. Н. Гернет ; отв. ред. А. Б. Сахаров. М. : Юридическая литература, 1974. 639 с.
4. Шоу, К. Техника изучения отдельных дел. Значение собственного жизнеописания подростка-делинквента / К. Шоу // Социология преступности (современные буржуазные теории) / ред. Б. С. Никифорова. М. : Прогресс, 1966. С. 114–127.
5. Фрейд, З. Ш. Леонардо да Винчи. Воспоминание детства / З. Ш. Фрейд. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1990. 48 с.
6. Дилтс, Р. Стратегии гениев. Т. 3 : Зигмунд Фрейд, Леонардо да Винчи, Никола Тесла / Р. Дилтс ; пер. с англ. Е. Н. Дружининой. М. : Независимая фирма «Класс», 2011. 384 с.
7. Beres, D. The contribution of psychoanalysis to the biography of the artist. A commentary on Methodology / D. Beres // Int. J. Psychoanal. 1959. № 40.

8. Эриксон, Э.Г. Идентичность: юность и кризис / Э.Г. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
9. Соловьев, Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования / Э.Ю. Соловьев // Вопросы философии. 1981. № 7, 9.
10. Логинова, Н.А. Некоторые итоги развития биографического метода в психологии в XX веке / Н.А. Логинова // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 2. С. 67–81.
11. Логинова, Н.А. Шарлотта Бюлер – представитель гуманистической психологии / Н.А. Логинова // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 154–158.
12. Оллпорт, Г.У. Личность в психологии / Г.У. Оллпорт. М. : Ювента ; СПб. : ПЦ «Ленато», 1998. 345 с.
13. Рыбников, Н.А. Биографический метод / Н.А. Рыбников. М. : Государственное издательство, 1918. 18 с.
14. Рыбников, Н.А. Биографии и их изучение / Н.А. Рыбников. М. : Государственное изд-во, Биографический институт, 1920. 48 с.
15. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. СПб. : Питер, 2003. 512 с.
16. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. М. : Наука, 1977. 380 с.
17. Логинова, Н.А. Биографический метод в свете идей Б.Г. Ананьева / Н.А. Логинова // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 104–112.
18. Кроник, А.А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути / А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров. М. : Смысл, 2003. 284 с.
19. Бурлачук, Л.Ф. Психология жизненных ситуаций / Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова. М. : Российское педагогическое агентство, 1998. 263 с.
20. Логинова, Н.А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности / Н.А. Логинова. Алматы : Изд-во Казахского ун-та, 2001. 172 с.
21. Девятко, И.Ф. Методы социологического исследования / И.Ф. Девятко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. 208 с.
22. Дружинин, В.Н. Экспериментальная психология : учебник для вузов / В.Н. Дружинин. СПб. : Питер, 2003. 319 с.
23. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика / А.А. Брудный. М. : Лабиринт, 2005. 336 с.
24. Журавлев, В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях / В.Ф. Журавлев // Социология. 1993–1994. № 3–4. С. 34–43.
25. Барский, Ф.И. Нарративный подход в психологии: случай «неклассической» парадигмы / Ф.И. Барский // Поверх барьеров: человек, текст, общение : тезисы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2006. С. 35–38.
26. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. СПб. : Питер, 2005. 480 с.
27. Улановский, А.М. От семантики образа к идеям конструктивизма (Послесловие) / А.М. Улановский // Многомерное сознание: психосемантическая парадигма // В.Ф. Петренко. М. : Новый хронограф, 2010. С. 427–438.
28. Слободчиков, В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.

ВЛИЯНИЕ ТРЕНИНГА НА РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

А. В. Мишанькина

Томский государственный педагогический университет

Формирование коммуникативной компетентности у студентов является одним из необходимых факторов становления их как профессионалов. Задача вуза – дать студентам правильное представление о коммуникативных свойствах личности, которые необходимы высококвалифицированному специалисту, и за годы обучения сформировать, усовершенствовать эти качества. Одной из начальных ступеней в профессиональном становлении человека является его поступление в вуз и выбор специальности: гуманитарной, либо технической. И в силу специфики преподаваемого материала и организации учебного процесса студенты технических специальностей зачастую бывают беспомощны в области межличностных отношений, компетентной коммуникации с другими людьми. Тем самым не только человек самостоятельно должен развивать и изучать правила взаимодействия с другими людьми, но и университет должен поддерживать развитие и формирование у студентов способности к коммуникативному общению с помощью различных общественных мероприятий, например, социально-психологических тренингов.

В самом общем плане компетентность в общении предполагает развитие адекватной ориентации человека в самом себе – собственном психологическом потенциале, потенциале партнера, в ситуации и задаче.

Таким образом, формирование коммуникативной компетентности человека является актуальной проблемой современного общества, решение которой имеет важное значение, как для каждого конкретного человека, так и для общества в целом. В своей же работе я делаю акцент на социально-психологический тренинг, как наиболее эффективный метод формирования коммуникативной компетентности у студентов технического вуза. На мой взгляд эффективность тренинга определяется тем, что он позволяет обеспечить индивидуальную направленность подготовки слушателей к конкретной деятельности.

Основы тренинга коммуникативной компетентности подробно рассмотрены в работах Г.А. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Ю.Н. Емельянова, Л.А. Петровской, А.И. Хараша и др. Авторы отмечают, что в социально-психологическом тренинге развитие коммуникативной компетентности происходит не естественным путем, а с помощью специальных приемов, заключающихся в создании особых ситуаций действия. Тренинг коммуникативной компетентности заключается в выработке социально-психологических умений, связанных с овладением процессами взаимосвязи, взаимовыражения, взаимопонимания, взаимоотношений, взаимовлияний.

Цель исследования: проследить специфику использования тренинга в развитии коммуникативной компетентности студентов технического вуза.

Методическая база исследования: в исследовании принимали участие студенты двух групп 3-го курса теплоэнергетического факультета ТПУ. Общее количество испытуемых – 50 чел.

Используемая методика: тест-опросник КОС.

Т а б л и ц а 1

**Оценка сформированности коммуникативных способностей
у студентов технического вуза**

Оценка	Группа			
	Контрольная		Экспериментальная	
	Чел.	%	Чел.	%
5	0	0	0	0
4	1	4	2	8
3	4	16	2	8
2	7	28	9	36
1	13	52	12	48

Среди студентов контрольной группы оценка 5 не выявлена, оценку 4 получил 1 чел. (4%), оценку 3 – 4 чел. (16%), оценку 2 – 7 чел. (28%), оценку 1 – 13 чел. (52%).

Среди студентов экспериментальной группы оценки 5 также не выявлено, оценку 4 получили 2 чел. (8%), оценку 3 – также 2 чел. (8%), оценку 2 – 9 чел. (36%), оценку 1 – 12 чел. (48%).

Таким образом среди студентов контрольной группы преобладает количество студентов с низким уровнем коммуникативных способностей, также среди студентов экспериментальной группы преобладает количество студентов с низким уровнем коммуникативных способностей.

Таблица 2

**Оценка сформированности коммуникативных способностей
у студентов технического вуза после проведения тренинга**

Оценка	Группа			
	Контрольная		Экспериментальная	
	Чел.	%	Чел.	%
5	0	0	0	0
4	1	4	5	20
3	3	12	7	28
2	9	36	6	24
1	12	48	7	28

Среди студентов контрольной группы оценки 5 не выявлено, оценку 4 получил 1 чел. (4%), оценку 3 – 3 чел. (12%), оценку 2 – 9 чел. (36%), оценку 1 – 12 чел. (48%).

Среди студентов экспериментальной группы после тренинга оценки 5 так и не выявлено, оценку 4 получили 5 чел. (20%), оценку 3 – 7 чел. (28%), оценку 2 – 6 чел. (24%), оценку 1 – 7 чел. (28%).

Таким образом, можно сделать вывод, что изменения в контрольной группе после повторного исследования не значительны, также у большинства студентов преобладает низкий уровень коммуникативных способностей.

Что касается студентов экспериментальной группы, то изменения после проведения тренинга заметны, большинство студентов имеют не только низкий, но и средний уровень коммуникативных способностей. Также значительное количество студентов имеют высокий уровень. То есть показатели высокого и среднего уровня возросли, когда в свою очередь показатели ниже среднего и низкого уровня уменьшились.

За то время пока в экспериментальной группе проводился тренинг, в контрольной группе произошли некоторые незначительные изменения коммуникативных способностей. В первом исследовании оценка 1 была

у 52 % процентов испытуемых, во втором исследование она уменьшилась до 48 %. За счет этого увеличилась оценка 2 и вместо 28 % испытуемых стала встречаться у 36 %. Также уменьшилась оценка 3 и вместо 16 % стала 12 %, оценка 4 не изменилась, также встречается у 4 % испытуемых. Оценка 5 вновь не выявлена.

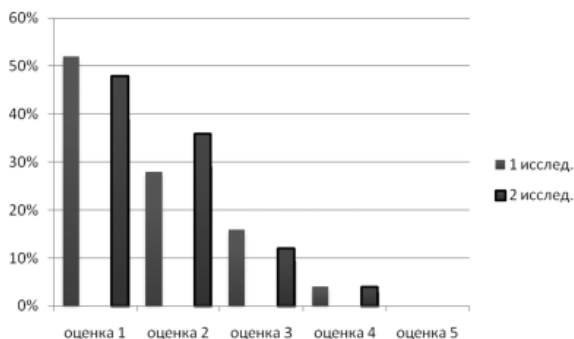

Рис. 1. Процент испытуемых контрольной группы с различными оценками КОС в первом и втором исследовании

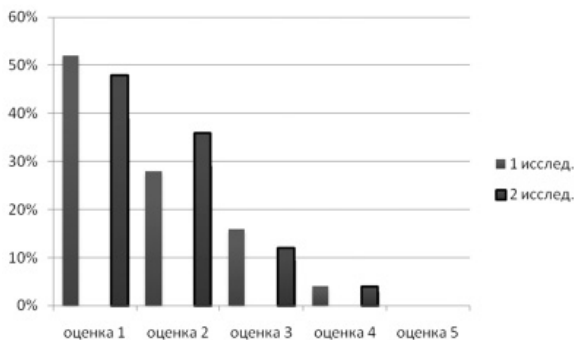

Рис. 2. Процент испытуемых экспериментальной группы с различными оценками КОС в первом и втором исследовании

После проведения тренинга значительно изменились показатели испытуемых экспериментальной группы. Если до тренинга оценка 1 была у 48 % испытуемых, то ее встречаемость после тренинга уменьшилась до 28 %. То же самое произошло с оценкой 2: до тренинга она была равна

26%, то после тренинга стала встречаться 24% испытуемых. Что касается оценок 3 и 4, то они наоборот возросли. Если до тренинга оценка 3 встречалась у 8% испытуемых, то после тренинга стала встречаться у 28% испытуемых. Оценка 4 встречалась у 8% испытуемых до тренинга и после тренинга частота ее встречаемости возросла до 20%.

Таким образом, сравнение результатов диагностики по методике КОС до и после тренинга позволяет говорить о том, что коммуникативные способности студентов после тренинга оказались на более высоком уровне в сравнении с тем, что были до тренинга.

Изменения коммуникативной компетентности у студентов технического вуза в экспериментальной группе были проверены на достоверность с помощью t -критерия Стьюдента.

Т а б л и ц а 3

**Достоверность изменений КОС у студентов экспериментальной группы
до и после тренинга по t -критерию Стьюдента**

	До тренинга	После тренинга
Среднее арифметическое	11	8
S	11	14
m	0,44	0,56
t Стьюдента	3	

Примечание: t -критическое при $\alpha = 0,05 = 2,065$ и при $\alpha = 0,01 = 2,861$.

Вывод: найденное t эмпирическое равно 3, т.е. больше критического при уровне значимости 0,01, следовательно, различия существуют и тренинг оказал влияние на изменение коммуникативной компетентности студентов технического вуза.

Т а б л и ц а 4

**Достоверность изменений КОС у студентов контрольной группы
при первом и повторном исследовании по t -критерию Стьюдента**

	Исследование	
	Первое	Повторное
Среднее арифметическое	8	9
S	14	9,68
m	0,56	0,38
t Стьюдента	-1,04	

Вывод: найденное t эмпирическое равно $-1,04$, т.е. меньше критического значения при уровне значимости $0,05$, следовательно, никаких существенных изменений в контрольной группе не произошло, пока проводился тренинг в экспериментальной группе.

Тем самым можно сделать вывод, что сравнение изменений по методике КОС показало, что в контрольной группе за то время, пока в экспериментальной группе проводился тренинг, показатели коммуникативных способностей стали чуть ниже, но статистически снижение показателей не доказано. В отличие от этого, в экспериментальной группе в результате проведения тренинга процент испытуемых с высоким уровнем развития коммуникативных способностей значительно увеличился, и достоверность этих изменений доказана статистически. Следовательно, тренинг действительно считается достаточно эффективным методом по развитию коммуникативной компетентности у студентов технического вуза и его обязательно нужно включать в программу студентов технической специальности.

Научный руководитель: д-р мед. наук, профессор М. М. Аксенов.

Литература

1. Бакли, Л. Теория и практика тренинга / Л. Бакли, Дж. Кейпл. СПб. : Питер, 2002. 160 с.
2. Батаршев, А. В. Психодиагностика способности к общению или как определить организаторские и коммуникативные качества личности / А. В. Батаршев. М. : Владос, 1999. 118 с.
3. Зотова, И. Н. Коммуникативная компетентность как аспект социализации личности студента в условиях информатизации общества / И. Н. Зотова // Актуальные социально-психологические проблемы развития личности в образовательном пространстве XXI века. Кисловодск, 2006. 109 с.
4. Иванов, В. Д. Социально-перцептивно-коммуникативный тренинг как эффективный фактор формирования коммуникативной компетентности студентов вуза / В. Д. Иванов. Челябинск : ЮУГУ, 2003. 143 с.
5. Кабардов, М. К. Языковые и коммуникативные способности и компетенция / М. К. Кабардов, Е. В. Арцишевская // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 43–48.
6. Методы практической социальной психологии: диагностика, консультирование, тренинг / под ред. Ю. М. Жукова. М. : Аспект-Пресс, 2004. 116 с.

ИМЕЕТ ЛИ ЗАПАХ ЦВЕТ? (АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ)

Н. Москаленко, А. Павлова
Рубцовский институт АлтГУ

Несомненно, в жизни каждого человека цвет играет огромную роль. Окружающий нас мир, чрезвычайно многообразен и красочен. Основа ориентирования человека в окружающем мире – цвет. Самое главное воздействие цвета на человека – двоякое воздействие, при котором глаз человека может быть очарован красотой цвета или же, наоборот, испытывать раздражение. Человек всю свою жизнь проводит в какой-то среде, и каждому предмету в этой среде присущи свои цвета. Большинство из нас отдает предпочтение лишь определенным цветам, это зависит от психологического состояния, от физиологических особенностей ваших глаза, от окружающей обстановки, а также от жизненных обстоятельств, пола, возраста. С самого детства цвет окружает нас со всех сторон, учит распознавать и отличать предметы, учит ориентироваться в мире по ярким цветам и не отпускает нас до самой смерти. Но со временем, когда мы вырастаем, то начинаем подходить к цвету с той целью, чтобы научиться изучать, создавать и воспроизводить его. С помощью цветов у человека вырабатывается определенная связь с окружающим миром. Наверное, не существует ни одной профессии и сферы деятельности человека, в которой ему не пришлось бы решать вопросы, связанные с цветом, вплоть до бытовых. Как отмечал И. В. Гёте: «Для всего, за исключением человеческого тела, цвет значит едва ли не больше, чем форма: именно по цвету, мы распознаем многие предметы, либо именно благодаря цвету, они нас привлекают» [1. С. 179].

У каждого из нас свое восприятие цвета, каждому хочется понять его смысл. Цвет также играет огромную роль в психологии. Для адекватного восприятия мира человеку природой были даны пять органов чувств и психологи утверждают, что в восприятии цвета участвуют практически все эти органы. Воздействуя на зрение, цвет вызывает у нас различные ассоциации, поэтому кажется, что цвет воздействует не только на глаза, но и на все органы чувств. Но не смотря на то, что действие каждого органа неопределимо по применению, наверное, каждый согласится, что зрение является самым главным из них.

В современной психологии цвет рассматривается с проблемой психической природы действительности. Цвет в произведении несет с собой массу интересного. Существуют такие люди, у которых чувство цвета тесно связано с окружающими предметами. Так, например, в произведении П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» жизнь главного героя Жана Батиста Гренуя, его восприятие цвета тесно связано с окружающим его запахом. Различные цветовые ощущения вызывают различные предметы. Восприятие цвета может часто меняться в зависимости от состояния наблюдателя.

Вся личная шкала любимых цветов может меняться в течение всей жизни. Цвет служит средством общения. Иногда цвет сильно влияет на наше настроение и поведение, при этом мы даже не замечаем этого. Отмечают связь между переживаниями и цветом: «Красный цвет, – писал В. Кандинский, – может вызвать душевную вибрацию, подобную той, какую вызывает огонь, так как красный цвет есть в то же время цвет огня. Теплый красный цвет действует возбуждающим образом; такой цвет может усилиться до болезненной мучительной степени, может быть, так же и вследствие его сходства с текущей кровью. Красный цвет в таком случае пробуждает воспоминание о другом физическом факторе, который, безусловно, болезненным образом действует на другие» [2. С. 43].

В нашем исследовании мы ставили себе цель – выявить, какие цветовые ассоциации возникают при представлении того или иного запаха. Для ассоциативного эксперимента были выбраны 23 наименования запахов, представленные в произведении П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы». В эксперименте приняли участие 54 студента Рубцовского института АлтГУ. Им было предложено соотнести тот или иной запах с тем или иным цветом. Эксперимент показал, что

1. Запах грязных простыней: серый (33), черный (9), желтый (4), коричневый (1), красный (1), белый (1).

2. Запах жженого сахара: коричневый (51), черный (6), желтый (6), оранжевый (4), красный (2), серый (1).

3. Запах волос: коричневый (20), черный (8), белый (8), серый (5), рыжий (2), фиолетовый (2), синий (1), розовый (1), голубой (1), желтый (1), все цвета радуги (1).

4. Утренний запах: белый (14), зеленый (10), голубой (7), желтый (5), серый (2), оранжевый (1), алый (1), бирюзовый (1), каштановый (1).

5. Запах свежее испеченного хлеба: желтый (21), белый (10), коричневый (6), серый (3), оранжевый (2), бежевый (2), молочный (2), золотистый (2), красный (1), синий (1), черный (1), бирюзовый (1).

6. Запах серы: серый (19), желтый (12), коричневый (7), черный (5), стальной (2), зеленый (2), оранжевый (2), белый (1), красный (1).

7. Запах говяжьего жира: белый (18), коричневый (6), желтый (3), розовый (2), красный (2), серый (2), бежевый (1), черный (1), фиолетовый (1), мутно-бурый (1).

8. Запах свежести: голубой (18), белый (13), зеленый (6), синий (5), оранжевый (2), желтый (2), салатный (1).

9. Запах сладкого лимона: желтый (46), оранжевый (2), белый (1), красный (1), зеленый (1).

10. Запах пудры: розовый (16), белый (8), персиковый (8), бежевый (6), телесный (5), серый (4), красный (2), фиолетовый (1), оранжевый (1), коричневый (1), молочный (1).

11. Запах майского утра: зеленый (24), оранжевый (5), желтый (4), розовый (4), синий (3), голубой (3), белый (3), серый (2), золотой (1), черный (1), разноцветное (1).

12. Запах дорожной пыли: серый (38), черный (5), белый (2), коричневый (2), матовый (1).

13. Запах лугов: зеленый (43), желтый (4), голубой (1), золотой (1), розовый (1), красный (1), бежевый (1), все цвета (1).

14. Запах воды: голубой (25), синий (15), бирюзовый (3), белый (3), желтый (1).

15. Запах мертвых камней: серый (25), черный (18), коричневый (7), зеленый (2), белый (1), оранжевый (1), синий (1).

16. Запах улиц: серый (31), черный (5), зеленый (3), красный (2), голубой (2), белый (2), желтый (1), оранжевый (1), фиолетовый (1).

17. Запах моря: синий (28), голубой (12), бирюзовый (7), белый (2), черный (1), зеленый (1).

18. Запах ветра: белый (22), голубой (9), синий (6), серый (4), зеленый (2), желтый (1), серый (1), бирюзовый (1).

19. Запах бархата: красный (20), бордовый (11), черный (4), фиолетовый (4), белый (3), розовый (2), синий (2), алый (1), желтый (1), вишневый (1), зеленый (1).

20. Запах незаметности: серый (20), черный (17), белый (13), прозрачный (7), оранжевый (1), голубой (1).

21. Запах шелка: белый (16), красный (10), розовый (4), черный (3), серый (2), коричневый (2), алый (2), телесный (1), сиреневый (1), синий (1), лиловый (1), бордовый (1).

22. Аромат девушки: розовый (25), белый (8), красный (3), персиковый (2), желтый (2), телесный (2), фиолетовый (2), зеленый (2), голубой (2), черный (1).

23. Запах выпущенной крови: красный (35), алый (4), бордовый (3), черный (3), серый (1), голубой (1), малиновый (1), фиолетовый (1).

Полученные результаты можно назвать «базовыми» наименованиями цвета, в которые входят спектральные цвета радуги (красный, синий, оранжевый, желтый, зеленый, фиолетовый), а также неспектральные цвета (коричневый, розовый) и ахроматические цвета (серый, белый, черный). Большинство дефиниций цветов базируется на сравнении с естественными объектами, в качестве эталонов цвета выступают как объекты неживой природы (небо, море, ветер, улица), так и реалии флоры (лимон). Наличие параллельных сравнений объясняется тем, что цветовой признак, приписываемый запахам, действительно является их основным признаком: красная кровь, желтый лимон. Различные переносные значения цветов обусловлены реальным сходством и смежностью явлений, а также способностью к аналогии, к обобщению и перенесению свойств одних явлений на другие, сходные с ним явления.

Таким образом, можно предположить, что некоторые запахи имеют устойчивые цветковые ассоциации, характерные для большинства респондентов. Это связано прежде всего с тем, что ощущения человека имеют очень сложную структуру, совмещая в себе осязательные, зрительные, слуховые, обонятельные модальности, что отражено в понятии синезтезии («явлении, которое состоит в том, что какой-либо раздражитель, действуя на соответствующий орган чувств, помимо воли субъекта вызывает не только добавочное ощущение или представление, характерное для другого органа чувств» [3. С. 363]).

Цвет, который окружает человека, может многое о нем рассказать. Нужно лишь просто приглядеться к этому человеку, взглянуть на цвет тех предметов, которые его окружают, предметы быта, одежды, интерьера, что появились у него по собственному желанию. В подтверждение этому можно привести слова Платона: «...у каждой вещи есть звучание, очертания, а у многих и цвет» [4. С. 661].

Научный руководитель: канд. филол. наук, доцент Э. П. Леонтьев.

Литература

1. Гёте, И. В. Об искусстве / И. В. Гёте ; пер. с нем. А. К. Санина. М. : Искусство, 1975.
2. Кандинский, В. О духовном в искусстве / В. Кандинский. М. : Архимед, 1992.
3. Психология : словарь. М. : Политиздат, 1990.
4. Платон. Собр. соч. : в 4 т. / Платон. М. : Мысль, 1990. Т. 1.

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Ю. В. Никитина

Томский государственный педагогический университет

В последние годы в психологии активно обсуждается проблема соотношения понятий поведения и деятельности по отношению человека и животного.

Деятельность можно определить как специфический вид активности человека, направленный на познание и творческое преобразование окружающего мира, включая самого себя и условия своего существования. В деятельности человек создает предметы материальной и духовной культуры, преобразует свои способности, сохраняет и совершенствует природу, строит общество, создает то, что без его активности не существовало в природе.

Творческий характер человеческой деятельности проявляется в том, что благодаря ей он выходит за пределы своей природной ограниченности, превосходит свои же генотипически обусловленные возможности. Вследствие продуктивного, творческого характера своей деятельности человек создал знаковые системы, орудия воздействия на себя и на природу. Пользуясь этими орудиями, он построил современное общество, города, машины, с их помощью произвел на свет новые предметы потребления, материальную и духовную культуру и, в конечном счете, преобразовал самого себя.

Исторический прогресс за последние несколько десятков тысяч лет своим происхождением обязан именно деятельности, а не совершенствованию биологической природы людей. Современный человек живет в окружении таких предметов, ни один из которых не является чистым творением природы. Ко всем таким предметам, особенно на работе

и в быту, оказались в той или иной степени приложенными руки и разум человека, так что их можно считать материальным воплощением человеческих способностей. В них как бы опредмечены достижения разума людей. Усвоение способов обращения с такими предметами, включение их в деятельность выступает как собственное развитие человека. Всем этим человеческая деятельность отличается от активности животных, которые не производят ничего подобного: ни одежды, ни мебели и т. д. Для удовлетворения своих потребностей животные пользуются только тем, что им предоставила природа. Иными словами, деятельность человека проявляется и продолжается в творениях, она носит продуктивный, а не только потребительский характер.

Деятельность человека принципиально отличается от активности животных и в другом отношении. Если активность животных вызвана естественными потребностями, то деятельность человека в основном порождается и поддерживается искусственными потребностями, возникшими благодаря присвоению достижений культурно-исторического развития людей настоящего и предшествующего поколения. Это – потребности в познании (научном и художественном), творчестве, в нравственном самосовершенствовании и т. д.

Формы и способы организации человеческой деятельности также отличается от активности животных. Почти все они связаны со сложными двигательными умениями и навыками, которых нет у животных, – умениями и навыками, приобретенными в результате сознательного целенаправленного организованного обучения. Уже с раннего детства ребенка специально обучают по-человечески пользоваться предметами домашнего обихода, различными инструментами, которые преобразуют заданные от природы движения конечностей. Они начинают подчиняться логике предметов, с которыми человек имеет дело. Возникает предметная деятельность, которая отличается от естественной активности животных.

Система движений, совершаемых животными, обусловлена анатомо-физиологическим устройством организма. С предметами человеческой материальной культуры животные обращаются так, как если бы они были обычными природными предметами, без учета их культурного назначения и способа употребления людьми. У человека сами движения рук и ног преобразуются, подчиняясь правилам культуры использования предметов, т. е. становятся искусственными, более совершенными и социально обусловленными.

Животные только потребляют то, что им дано природой. Человек, напротив, больше создает, чем потребляет. Если бы его деятельность, так же как и активность животных, носила в основном потребительский характер, то нескольким десяткам поколений не удалось бы за исторически сравнительно короткий срок достигнуть такого прогресса, создать грандиозный мир духовной и материальной культуры. Все это – благодаря деятельностному характеру человеческой активности. Подведем итоги. Главные отличия деятельности человека от активности животных сводятся к следующему:

1. Деятельность человека носит продуктивный, творческий и созидательный характер. Активность животных имеет потребительскую основу, она в результате ничего нового по сравнению с тем, что дано природой, не дает.

2. Деятельность человека связана с предметами материальной и духовной культуры, которые используются им или в качестве предметов удовлетворения потребностей, или в качестве средств удовлетворения потребностей как таковые не существуют.

3. Деятельность человека преобразует его самого, его способности, потребности, условия жизни. Активность животных практически ничего не меняет ни в них самих, ни во внешних условиях жизни.

4. Человеческая деятельность в ее разнообразных формах и средствах реализации есть продукт истории. Активность животных выступает как результат их биологической эволюции.

5. Предметная деятельность людей с рождения им не дана. Она задана в культурном предназначении и способе использования окружающих предметов. Такую деятельность необходимо формировать и развивать в обучении и воспитании. То же относится и к внутренним, психическим структурам. Активность животных изначально задана, генотипически обусловлена и разворачивается по мере естественного анатомо-физиологического созревания организма [1].

В настоящее время психологи, исследуя проблему деятельности и поведения, стали все больше обращать внимание на эксперименты Вольфганга Келера. Вольфганг Келер родился 21 января 1887 г. в порту г. Ревал. Он рос в среде учителей, медицинских сестер и других ученых, что воспитало в нем непрерывный, в течение всей его жизни, интерес к науке и искусству, особенно к музыке. По истечению школьных лет, Келер продолжил учебу в университете в Тюбингене (1905–1906),

в университете Бонна (1906–1907) и университете Берлина (1907–1909). С 1910 г. началась научная карьера Келера. Он работал в Институте Психологии во Франкфурте, где познакомился с Куротом Кофкой и Максом Вертгеймером. Совместно они создали новое направление в психологии – гештальтпсихологию. В 1913 г. Келер получил приглашение от Прусской Академии Наук возглавить экспериментальную станцию по изучению антропоидов (крупных обезьян) на острове Терениф (Канарские острова), где он работал в течение семи лет [2].

Изучая умственные способности шимпанзе на примерах из возможностей решения различных задач, Келер проводил эксперименты, с использованием простейших приспособлений: клетки с редкими прутьями, палки, с помощью которых можно было доставать удаленные бананы, и ящики, на которые могли забираться обезьяны. В соответствии с взглядами гештальтпсихологии на проблему восприятия, Келер интерпретировал результаты исследований поведения животных в терминах целостности ситуации и взаимосвязей между отдельными стимулами. Например, он изучал проблему, посвященную решению задач реструктурирования перцептивного поля. В одном из опытов за пределами клетки помещался банан, к которому была привязана веревка, протянутая к животному. В этих условиях обезьяна без колебаний тянула за веревку и доставала банан. Келер сделал вывод, что для шимпанзе решение такой проблемы в целом оказалось несложным. Однако когда в направлении банана протягивалось несколько веревок, обезьяна не знала, за которую надо потянуть в первую очередь, чтобы получить желанное лакомство. Это указывало Келеру на то, что решение этой проблемы не могло быть ясно осознанным с самого начала [3].

В другом опыте банан помещался вне клетки на недоступном для обезьяны расстоянии. Если при этом палка находилась между прутьев клетки прямо напротив банана, то оба предмета воспринимались как элементы одной ситуации, и шимпанзе с помощью палки легко доставали лакомство. Но если палка помещалась в дальнем конце клетки, то тогда оба предмета (банан и палка) с меньшей легкостью рассматривались принадлежащими одной ситуации. В этом случае для решения проблемы было необходимо проведение реструктурирования перцептивного поля. Еще в одном эксперименте банан также размещался за пределами клетки, но при этом обезьяне давали две полые бамбуковые палки, каждая из которых по отдельности была слишком коротка, чтобы дотя-

нуться до лакомства. Чтобы дотянуться до банана, необходимо было насадить одну палку на другую. При этом для достижения цели животное должно было суметь разглядеть новый вид взаимосвязи двух коротких палок. Келер направлял все свое внимание на индивидуальные качества наблюдаемых шимпанзе и на характерные различия между ними. Он не устанавливал никакого формального плана своих исследований, не выполнял никаких измерений ни до, ни после опытов, не проводил статистическую обработку полученных результатов и не делал сравнений с контрольными группами. Келер просто описывал свои наблюдения поведения обезьян в тех ситуациях, которые он сам для них создавал [4].

Из экспериментов Келера можно сделать вывод, что поведение животного, так же как и человека, является обдуманной и целенаправленной. Животные так же проявляют некую сообразительность. Переосмысление работ Вольфганга Келера современными психологами, заставляет задуматься об интерпретации психологических категорий поведения и деятельности, степень из различия или сходства.

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Л. В. Ахметова.

Литература

1. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. М., 1982.
2. Биография Вольфганга Келера [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/keler_volfgang/
3. Эксперименты В. Келера с шимпанзе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://intropsy.ru/Biography>
4. Эксперименты с шимпанзе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-131.html>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ С РАЗНЫМ СОЦИОМЕТРИЧЕСКИМ СТАТУСОМ

М. Н. Николаева

Томский государственный педагогический университет

Напряженная, неустойчивая социальная, экономическая, экологическая, идеологическая обстановка, сложившаяся в настоящее время

в нашем обществе, обуславливает рост различных отклонений в личностном развитии и поведении растущего поколения. Особую тревогу вызывают прогрессирующая отчужденность, повышенная тревожность, духовная опустошенность, цинизм, жестокость, агрессивность, что часто приводит к неспособности эффективно адаптироваться в социуме и детерминирует возникновение отклоняющегося поведения. Наиболее остро этот процесс проявляется в подростковом возрасте [2. С. 84].

В отечественной и зарубежной психологии и педагогике существует множество определений понятия отклоняющегося поведения: его называют девиантным, асоциальным, неадекватным, саморазрушающим, социально неадаптированным [4. С. 33]. Изучением отклоняющегося поведения занимались такие педагоги и психологи, как А. Н. Леонтьев, К. К. Платонов, И. С. Кон, А. В. Петровский, Д. П. Блонский, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин. Девиантное поведение, понимаемое как нарушение социальных норм, приобрело в последние годы массовый характер и поставило разрешение этой проблемы в центр внимания социологов, социальных и клинических психологов, медиков, работников правоохранительных органов, педагогов.

Объяснение причин, условий и факторов, детерминирующих рост подобных социальных явлений в подростковой среде, предполагает поиск ответов на ряд фундаментальных вопросов, среди которых вопросы о сущности категории «норма», «групповая норма» и об отклонениях от нее [1. С. 132]. В настоящее время, в связи с изменениями, происходящими в обществе, определение «нормы» представляет некоторые сложности. Для подростковых групп характерны свои нормы и правила, которые могут отличаться от норм общепринятых. Для членов группы с разным социометрическим статусом нормы поведения также будут различными.

Социометрический статус – это один из основных факторов положения личности в подсистеме личных отношений, который характеризуется уровнем эмоционального предпочтения (приемлемости) данного индивида по сравнению с остальными членами группы. Подростки, занимающие разный социометрический статус в группе, имеют разные представления о нормах поведения и обязательности их исполнения, что наводит на вопрос о наличии взаимосвязи социометрического статуса и отклоняющегося от нормы поведения, а также на то, что подростки с разным социометрическим статусом имеют разные психологические особенности [3. С. 123].

В настоящее время существует достаточно большое количество исследований, посвященных вопросу групповой дифференциации. Исследователями получены эмпирические данные, раскрывающие особенности положения личности в сообществе в зависимости от ее статуса, при этом особое внимание уделялось, прежде всего, проблеме определения причин высокого или низкого положения человека в группе. Данным вопросом занимались Л. В. Артемьева, А. В. Киричук, Я. Л. Коломинский, В. С. Мухина, Т. А. Репина, Дж. Андерсон, Н. Керр, Л. Мессе, Т. Саттлер, и др. [5. С. 58]. Однако в вышеупомянутых исследованиях не было уделено достаточного внимания исследованию влияния высокого социометрического статуса на уровень девиантного поведения подростков, а также выявлению психологических особенностей подростков, склонных к девиантному поведению с разным социометрическим статусом.

Целью нашего эмпирического исследования являлось выявление влияния высокого социометрического статуса на уровень девиантного поведения подростков и определение психологических особенностей подростков, склонных к девиантному поведению с разным социометрическим статусом.

Исследование проводилось на базе «МОУ СОШ с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла» № 58 г. Томска среди учеников 8 «А» класса. В нем принимали участие 19 подростков 14–15 лет, из них 9 мальчиков и 10 девочек. По результатам экспертных оценок учителями старших классов и психологом школы, стаж работы которых превышает 5 лет, изучаемые подростки имеют склонность к девиантному поведению, а некоторые из них состоят на учете в детской комнате милиции.

В ходе работы использовались: метод опроса, качественный и корреляционный анализ результатов исследования с применением методики «Социометрии Дж. Морено», экспертного анализа уровня девиантного поведения подростков, формулы Пирсона, 16-факторного опросника Р. Кеттела.

По результатам проведенной социометрии Дж. Морено были определены лидеры класса – 7 подростков с высоким социометрическим статусом – «1 группа», 5 подростков со средним социометрическим статусом – «2 группа» и 7 подростков с низким социометрическим статусом – «3 группа». По десятибалльной шкале экспертами определена степень склонности подростков к девиантному поведению с помощью

экспертных оценок. Для установления зависимости уровня девиантного поведения от высокого социометрического статуса использовалась формула Пирсона. Расчет критерия показал, что взаимосвязь между двумя показателями достоверна при $\alpha < 0,05$. Следовательно, мы получили статистически достоверную взаимосвязь между уровнем девиантного поведения и высоким социометрическим статусом в 95% случаев. Полученный коэффициент корреляции говорит о том, что между уровнем девиантного поведения и высоким социометрическим статусом существует обратно пропорциональная зависимость: чем ниже социометрический статус, тем выше уровень девиантного поведения. Таким образом, одним из направлений психологической профилактики и коррекции девиантного поведения является развитие высокого социометрического статуса в группе риска.

На следующем этапе исследования были определены психологические особенности подростков, склонных к девиантному поведению с разным социометрическим статусом при помощи 16-факторного опросника Р. Кеттела. Подростки, склонные к девиантному поведению с высоким социометрическим статусом имеют следующие психологические особенности («1 группа»): высокие показатели по факторам А (аффектотимия (циклотемия)), В (высокий интеллект), Е (доминантность), F (беспечность), Н (смелость), L (подозрительность), М (мечтательность), Q₁ (радикализм), Q₂ (самодостаточность, самостоятельность). Подростки, склонные к девиантному поведению с высоким социометрическим статусом имеют следующие психологические особенности («2 группа»): «2 группа» имеет средние показатели по всем факторам черт личности. По факторам L (доверчивость), О (гипертимия, самоуверенность), Q₂ (социабельность, зависимость от группы), Q₃ (импульсивность, низкий самоконтроль поведения), Q₄ (нефрустрированность, расслабленность) группа имеет показатели на 0,2–1 стенов меньше средних показателей. Подростки, склонные к девиантному поведению с высоким социометрическим статусом имеют следующие психологические особенности («3 группа»): «3 группа» имеет высокие показатели по факторам С (эмоциональная устойчивость), I (мягкосердечность, нежность), N (проницательность), О (гипотимия), Q₃ (контроль желаний).

Таким образом, результаты проведенного эмпирического исследования подтверждают наличие психологических особенностей и различий у подростков, склонных к девиантному поведению, занимающих разные

социометрические статусы в группе сверстников, а именно: подростки, занимающие высокий социометрический статус более импульсивны, расслабленны, самоуверенны, смелы, подозрительны; подростки с низким социометрическим статусом – фрустрированы, социабельны, робки, озабочены, эмоционально неустойчивы, отчуждены, более склонны к ярко выраженным формам девиантного поведения; у подростков со средним социометрическим статусом значимых общегрупповых качеств не выявлено, так как средний показатель всех факторов по 16-факторному опроснику Р. Кеттела имеет средние значения.

Полученные в ходе исследования эмпирические данные могут найти применение в практической деятельности психологов, занимающихся проблемами отклоняющегося поведения в подростковом возрасте и причин его вызывающих.

Научный руководитель: ст. преп. О. В. Фирсова.

Литература

1. Гилинский, Я. Социология девиантного поведения / Я. Гилинский. СПб. : Питер, 2009. 507 с.
2. Змановская, В. Девиантное поведение личности и группы / В. Змановская. СПб. : Питер, 2011. 352 с.
3. Колесникова, И. Девиантное поведение / И. Колесникова. М. : Феникс, 2007. 224 с.
4. Проблема делинквентности личности в зарубежной научной литературе / И. И. Саламатина // Педагогическое образование и наука. 2006. № 4. С. 33–36.
5. Сачкова, М. Е. Статусные отношения в подростковых ученических группах / М. Е. Сачкова // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 58–63.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ МАТЕРЕЙ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Э. Н. Ольшевская

*Международный гуманитарно-экономический институт,
г. Минск, Республика Беларусь*

В настоящее время отмечается тенденция роста неполных семей, что делает актуальным изучение ее структуры, психологических особенностей. Основными факторами формирования неполных семей, как

известно, являются разводы, не компенсируемые последующим вступлением в брак, или раздельное проживание супругов; овдовения из-за преждевременной смерти одного из родителей; внебрачные рождения при условии одиночества родителя. В подавляющем большинстве случаев единственным родителем и кормильцем в семье остается мать, поэтому часто такие семьи называют «материнскими». Проблемы и трудности в неполной семье могут быть связаны с ухудшением их экономического положения, негативным образом неполной семьи в общественном сознании, нарушением половой социализации детей, проблемами в их воспитании.

Существует ряд работ, которые отражают различные аспекты неполных семей, материнства в неполных семьях, материнства вне брака (Баранова И. Т., 2007, Давыдова Н. А., 2010, Нусхаева Б. Б., 2007, Целуйко В. М., 2006). В них представлены результаты исследования психологических особенностей неполных семей, влияние неполной семьи на личность ребенка. Неполная семья становится группой повышенного риска в области развития детско-родительских отношений и это нашло свое отражение в соответствующей литературе.

Что касается динамики психических состояний одинокой матери, то, практически отсутствуют исследования, посвященные изучению различных аспектов эмоциональной сферы одиноких матерей. В исследовании беременных женщин, ожидающих ребенка в ситуации незарегистрированного брака, т. е. в потенциально неполной семье показано, что у них более высокий уровень тревожности (Уразаев А. М., Попова Ю. Н., Мамышева Н. Л., Мануйлова О. А., 2002). Авторы связывают это с отсутствием юридически формализованной системы устойчивости семейных отношений в период беременности как важного фактора социализации для формирования личностной сферы и психики женщины [1].

В. М. Целуйко указывает на неудовлетворенность актуальных психологических потребностей у одиноких матерей, их психологическое неблагополучие, отрицательно сказывающееся на воспитании детей [2].

На наш взгляд, изучение психологического состояния одинокой матери, ее эмоциональной сферы позволит социально-психологическим службам подбирать и реализовывать в работе с неполными семьями адекватные социальные технологии, будет способствовать совершенствованию помощи и поддержки матерям-одиночкам исходя из их проблем, и актуального психического состояния.

Целью исследования явилось сравнительное изучение психических состояний матерей из полных и неполных семей.

Характеристика выборки: было сформировано две группы испытуемых. Первую группу составили матери из полных семей, всего 30 человек. Вторую группу испытуемых составили матери-одиночки, при этом не состоящие в гражданском браке, всего 30 человек. Для исключения влияния других переменных, выборки были уравнены по возрасту. Возраст матерей обеих выборок от 30 до 45 лет.

Методы исследования: для реализации цели и задач исследования был использован метод психологического тестирования (методика определения уровня депрессии Зунге в адаптации Т.И. Балашовой, методика измерения уровня тревожности Тейлора в адаптации Т.А. Немчиновой, методика определения уровня невротизации Вассермана, методика определения интегральных форм коммуникативной агрессивности В.В. Бойко), методы математической статистики – *t*-критерий Стьюдента.

Результаты исследования:

1. Изучение депрессивного состояния у женщин показало, для большинства матерей характерно состояние без депрессии (73 % матерей из полных семей и 70 % матерей-одиночек). Установлено одинаковое соотношение матерей с легкой депрессией ситуативного или невротического генеза (по 27 % в каждой группе женщин). 3 % одиноких матерей отличаются замаскированной депрессией.

2. Высокий уровень тревожности характеризует 30 % матерей из полных семей и 70 % матерей-одиночек. Средний уровень тревожности с тенденций к высокому, отмечен среди 50 и 20 % испытуемых соответственно. Средний уровень тревожности с тенденцией к низкому, диагностирован у 20 % матерей из полных семей, и у 10 % матерей из неполных семей. Низкий уровень тревожности не выявлен среди женщин.

Таким образом, общей тенденцией у матерей является повышенная тревожность, которая, как правило, сопровождается раздражительностью, нетерпеливостью, обидчивостью, подозрительностью, может негативно сказываться на общем эмоциональном фоне матерей.

3. Изучение уровня невротизации матерей двух групп не выявило значимых различий. 47 % матерей из полных семей и 53 % одиноких матерей имеют выше среднего уровень невротизации. У них проявляются такие эмоциональные переживания как тревожность, напряженность, беспокойство, растерянность, раздражительность, безынициативность.

Средний уровень невротизации характерен для 10% матерей из полных семей и 7% – у матерей-одинок. 43% матерей из полных семей и 40% матерей-одинок характеризуется низким уровнем невротизации. Низкий уровень невротизации свидетельствует об эмоциональной устойчивости, о положительном фоне переживаний, об инициативности, о чувстве собственного достоинства, независимости, социальной смелости и легкости в общении. Это выступает положительным эмоциональным фоном общения с окружающими.

4. Исследованием было установлено, что матери, одиноко воспитывающие детей, отличаются от матерей из полных семей более выраженной неспособностью тормозить агрессию ($t = -3,634, p = 0,001$), неумением переключать агрессию ($t = -2,245, p = 0,032$). Для них в большей степени характерна провокация агрессии у окружающих ($t = -2,860, p = 0,007$). Высокий уровень провокация агрессии у одиноких матерей выражается в их язвительности, резкости и категоричности в общении, стремлении как-то задеть другого человека. Такое поведение наряду с несговорчивостью и упрямством может рассматриваться как вызывающее поведение, за которым стоит неуверенность в себе, способ скрыть свою тревогу. В ходе исследования также выявлен более высокий уровень коммуникативной агрессивности у матерей из неполных семей ($t = -2,516, p = 0,017$).

Таким образом, на уровне статистической значимости доказана гипотеза: для матерей-одинок характерен более высокий уровень коммуникативной агрессивности, у них в меньшей степени развита способность тормозить и переключать агрессивные импульсы, больше выражена провокация агрессии у окружающих. В то же время исследование не выявило достоверных различий в уровне депрессивности, тревожности и невротизации между матерями из полных и неполных семей.

Полученные результаты можно объяснить следующим образом: более высокий уровень коммуникативной агрессивности одиноких матерей связан с фрустрацией таких потребностей, как потребность в безопасности, в любви, в заботе о себе. Озабоченность будущим, неуверенность в себе, необходимость доказывать социальному окружению свою материальную и психологическую состоятельность приводит к росту таких видов коммуникативной агрессивности как провокация агрессии у окружающих, а также отрицательно влияет на способность тормозить и переключать агрессивные импульсы.

Литература

1. *Уразаев, А. М.* Формирование социального и психологического портрета современных молодых женщин в период репродуктивной активности / А. М. Уразаев, Ю. Н. Попова, Н. Л. Мамышева, О. А. Мануйлова // Вестник ТГПУ. 2002. Вып. 3 (31). С. 25–37.
2. *Целуйко, В. М.* Родители и дети: психология взаимоотношений в семье / В. М. Целуйко. Мозырь : Содействие, 2006. 224 с.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ СО СЛОЖНЫМИ СТРУКТУРНЫМИ ДЕФЕКТАМИ

Ю. Д. Пинчук, Е. В. Воробьева

*Томский государственный педагогический университет
Сибирский государственный медицинский университет*

Работа с семьей – важная составная часть социально-психологической помощи детям-инвалидам. Детишки черпают в своих близких силы для преодоления болезненных состояний, выполнения малоприятных медицинских процедур и манипуляций, необходимых для поддержания их самочувствия. К сожалению, помощь семьям у нас обычно ограничивается незначительной финансовой поддержкой. Однако психологическая реабилитация – не менее важная часть социальной работы с детьми-инвалидами, и нуждаются в ней не только сами ребята, но и их родители.

Проблемы семьи ребенка с особенностями развития затрагиваются в работах многих авторов (Т. Г. Богдановой, Н. В. Мазуровой, В. А. Вишневого, Т. А. Добровольской, А. И. Захарова, И. Ю. Левченко, Р. Ф. Майрамяна, И. И. Мамайчук, А. И. Раку, М. М. Семаго, А. Р. Шарипова, В. В. Юртайкина и др.). Однако данные исследователи рассматривают решение проблемы в рамках психолого-педагогического подхода, в центре которого находится аномальный ребенок. С позиций данного подхода работа с семьей ребенка-инвалида сводится к тому, чтобы дать родителям квалифицированную помощь специалистов, направленную на усвоение необходимого минимума знаний и навыков в работе по преодолению имеющихся у ребенка проблем.

Оптимальным может считаться такое поведение взрослых, которое позволяет детям-инвалидам быстрее адаптироваться к своему положению, приобрести черты, компенсирующие их состояние. Эгоистическая любовь родителей, стремящихся оградить своих отпрысков от всех возможных трудностей, мешает их нормальному развитию. Дети-инвалиды остро нуждаются в родительской любви, но не любви-жалости, а любви альтруистической, учитывающей интересы ребенка. Ребенку предстоит дальнейшая не самая легкая жизнь, и, чем более самостоятельным и независимым он будет, тем легче сможет перенести все трудности и невзгоды. Прежде всего, круг получаемых родителями знаний, касается характера внутрисемейных отношений, поскольку основной проблемой, имеющей важнейшее значение для воспитания ребенка-инвалида, является отношение родителей к его дефекту. В соответствии с уровнем знаний, культуры, личностных особенностей родителей и ряда других факторов возникают различные типы реагирования, а соответственно и поведения в связи с появлением в семье ребенка-инвалида. Их положение можно охарактеризовать как внутренний (психологический) и внешний (социальный) тупик. Качественные изменения, имеющие место в семьях данной категории, могут проявляться на нескольких уровнях.

Характеристика семей, имеющих детей с отклонениями в развитии. Система социально-педагогической помощи должна быть направлена не на подмену семьи, а на развитие ее собственных ресурсов и инициативы, так как только превращение семьи в активного субъекта социально-педагогической деятельности является решающим фактором эффективности процессов реабилитации и интеграции ребенка. Во многом это зависит от типа внутрисемейных отношений и стиля семейного воспитания. По этим признакам семьи, имеющие детей со значительными отклонениями развития, можно дифференцировать на четыре группы.

Первая группа родители с выраженным расширением сферы родительских чувств. Характерный для них стиль воспитания – гиперопека. Родители имеют неадекватные представления о потенциальных возможностях своего ребенка, у матери отмечается гипертрофированное чувство тревожности и нервно-психической напряженности. Стиль поведения взрослых членов семьи характеризуется сверхзаботливым отношением к ребенку.

Вторая группа характеризуется стилем холодного общения – гипопротекцией, снижением эмоциональных контактов родителей с ребен-

ком, проекцией на ребенка со стороны обоих родителей или одного из них собственных нежелательных качеств. Родители фиксируют излишнее внимание на лечении ребенка, предъявляя завышенные требования к медицинскому персоналу, пытаясь компенсировать собственный психический дискомфорт за счет эмоционального отвержения ребенка.

Третья группа характеризуется стилем сотрудничества – конструктивная и гибкая форма взаимоотношений родителей и ребенка в совместной деятельности. Как образ жизни, такой стиль возникает при вере родителей в успех своего ребенка и сильные стороны его природы.

Четвертая группа репрессивный стиль семейного общения, который характеризуется родительской установкой на авторитарную лидирующую позицию. Как образ отношений проявляется в пессимистическом взгляде на будущее ребенка, в постоянном ограничении его прав, в жестких родительских предписаниях, неисполнение которых наказывается. В этих семьях от ребенка требуют неукоснительного выполнения всех заданий, упражнений, не учитывая при этом его двигательных, психических и интеллектуальных возможностей. За отказ от выполнения этих требований нередко прибегают к физическим наказаниям (Хелен, Сингер, Каплан).

Модели семейного воспитания ребенка-инвалида. В отношении родителей к дефекту ребенка, определяющем стратегию и тактику его воспитания, можно выделить несколько моделей.

Модель «охранительного воспитания» связана с переоценкой дефекта, что проявляется в излишней опеке ребенка с отклонениями в развитии. В этом случае ребенка чрезмерно балуют, жалеют, оберегают от всех, даже посильных для него дел. Взрослые все делают за ребенка и, имея благие намерения, по существу делают его беспомощным. Ребенок не овладевает простейшими навыками самообслуживания, не выполняет требования старших. Таким образом, модель «охранительного воспитания» создает условия для искусственной изоляции ребенка-инвалида от общества и приводит к развитию эгоистической личности с преобладанием пассивной потребительской ориентации. Иной крайностью являются взаимоотношения в семье, основанной на модели «равнодушного воспитания», которая приводит к возникновению у ребенка чувства ненужности, переживания одиночества. В семье с подобной моделью воспитания ребенок становится

робким, забитым, теряет присущие детям доверчивость и искренность в отношениях с родителями. У детей воспитывается умение приспосабливаться к окружающей среде, равнодушное недоброжелательное отношение к родным, взрослым и другим детям.

Неконструктивные модели семейного воспитания ребенка с отклонением в развитии создают предпосылки для возникновения вторичных отклонений в его психическом развитии, которые оказывают значительные влияния на интеллектуальное и личностное развитие ребенка. Лишь адекватная оценка отклонений в развитии ребенка со стороны родителей служит основой и базисом для успешного воспитания его личности. Кроме того, надо учитывать, что большинство семей, в которых воспитывается ребенок с отклонениями в развитии, имеют более низкий уровень образования и профессиональной квалификации, следовательно, не могут способствовать полноценному интеллектуальному и социальному развитию ребенка. К тому же, проблемы семьи ребенка с особенностями развития рассматриваются, как правило, через призму проблем самого ребенка. При этом считается, что достаточным ограничиться методическими рекомендациями по обучению и воспитанию ребенка с особенностями, исключая воздействие на самих родителей, не учитывая их личностные особенности.

Программа психолого-педагогической помощи родителям. Сущность данной программы заключается в том, что помочь родителям ребенка-инвалида перестроить жизненные ценности путем приобщения к работе с ребенком через максимально полное личное участие в его развитии и формирование новой установки на восприятие своих проблем и проблем своего ребенка. Для этого необходимо повысить психолого-педагогическую культуру родителей, это возможно путем индивидуальных консультаций родителей со специалистами. А так же психологическая помощь родителям при установлении здорового контакта с ребенком. Кроме того необходимо личное участие родителя в процессе занятий по формированию необходимых навыков.

Содержание предлагаемой комплексной программы включает три блока.

1 блок является диагностическим:

- диагностика семейных отношений;
- выявление взаимосвязи между особенностями поведения родителей и трудностями в адаптации детей-инвалидов.

2 блок содержит работу по просвещению родителей:

- медико-социальные проблемы жизнедеятельности лиц с отклонениями в развитии;
- психолого-педагогические и социальные проблемы данной категории лиц;
- роль семейного воспитания в формировании у толерантных установок общества на восприятие лиц с отклонениями в развитии.

3 блок программы направляется на коррекцию конструктивного взаимодействия родителей с детьми, имеющими отклонения в развитии:

- моделирование ситуации конструктивного общения, подкрепление поведения ребенка, эмоциональный контакт с ребенком.

4 блок помощь родителям путем терапевтических методов:

- методы арт-терапии;
- релаксация, транс;
- рефлексия своего образа родителя.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение развития детей со сложными структурными дефектами должно опираться на:

- знание структуры дефекта;
- выявление особенностей семейного воспитания;
- обучение родителей навыками конструктивного взаимодействия с детьми;
- развитие навыков самоподдержки и психического равновесия у родителей;
- выработку верного стиля воспитания, который поможет развитию ребенка;
- просветительскую работу с родителями, знакомство с необходимой литературой.

Литература

1. «Особенная» семья – «особенный» ребенок. Книга для родителей детей с отклонениями в развитии. М. : Советский спорт, 2003. 232 с.
2. Павлий, Т.Н. Иные подходы к использованию ресурса семьи в профилактике деструктивного самоопределения личности ребенка с особенностями развития / Т.Н. Павлий // Дефектология. 2010. № 3. С. 11–21.
3. Фирсова, Е. Ю. Особенности детско-родительских отношений в семьях с умственно отсталых школьников / Е. Ю. Фирсова // Специальная психология. 2009. № 3. С. 53–59.
4. Моржина, Е.В. Формирование навыков самообслуживания на занятиях и дома / Е.В. Моржина. М. : Теревинф, 2006. 40 с.

ОДИНОЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Н. Е. Полынянкина

Томский государственный педагогический университет

Проблема одиночества всегда волновала человечество, занимая умы ученых, писателей, философов. В последнее время этой проблеме посвящаются все новые и новые работы, исследующие сущность одиночества, причины его возникновения, характерные проявления и влияние на разные категории людей в разные периоды жизни. Для кого-то одиночество – творческое состояние, период осмысления и познания себя, для другого – это отчаяние и оторванность от жизни, как кажется бесконечное прибывание во тьме, где ничего не хочется. Вряд ли найдется человек, который никогда не испытывал состояния одиночества. В течение жизни мы переживаем много моментов, которые сопровождаются одиночеством – теряем друзей, любимых, близких людей, не видим дальнейшего пути.

Современные темпы жизни характеризуются значительными структурными и динамическими изменениями в социальной, экономической и политической жизни, что приводит к расслоению общества, повышению напряженности в социальных отношениях и способствуют социальной разобщенности людей. В этих условиях поиск путей конструктивного решения проблем одиночества приобретает особую актуальность. В наибольшей мере изменения, происходящие в обществе, затрагивают пожилых людей и подростков как наименее социально защищенные группы.

Этимологически слово «одиночество» происходит от *греч.* монос, что означает «остаться одному», «быть без других».

В латинском языке есть слово «solitudo», означающее «покинутость», «быть без кого-то, кого в данный момент не хватает». В свою очередь *лат.* sol us происходит от sed-dus, что означает «оставаться сидящим на одном месте, когда другие ушли».

В русском языке существовали два понятия: одиночество и одиночество. Под одиночеством, в первую очередь, понималось согласие, единство и единение. Одиночество же было заимствованным словом и понималось как житие одному, без друзей, без товарищей. Слово «одинокый» имело значение «уединенный, отдельный, где мало жизни, сам по себе». «Одиночиться» означало «дичиться или прятаться от людей, искать одиночества» [1].

В настоящее время под одиночеством понимают социально-психологическое явление, эмоциональное состояние человека, связанное с отсутствием близких, положительных эмоциональных связей с людьми и/или со страхом их потери в результате вынужденной или имеющей психологические причины социальной изоляции. В рамках этого понятия различают два различных феномена – позитивное (уединенность) и негативное (изоляция) одиночество, однако чаще всего понятие одиночества имеет негативный характер [2].

Многие исследователи рассматривают одиночество как универсальный человеческий опыт, возникающий из факта человеческого существования. Они выделяют типичные для нашего времени факторы, детерминирующие содержательные характеристики сегодняшнего одиночества: изменение структуры современной семьи; необходимость высокой пространственной мобильности; расшатывание религиозных традиций; появление недоверия к государственным и экономическим структурам; технологизацию и компьютеризацию современного общества [3]. Выделяют ряд измерений одиночества [4]. Одно из измерений – космическое, наиболее сложное. Космическое измерение применяется для обозначения, по крайней мере, трех различных форм самовосприятия:

- 1) постижения себя как цельной реальности, благодаря которому человек соотносится с природой и космосом;
- 2) причастности к мистическим, таинственным аспектам жизни, предельно близким к Богу или к глубинам бытия;
- 3) веры человека в уникальность своей судьбы или причастности к великим историческим целям. Космическое одиночество присутствует там, где есть хотя бы один из этих аспектов; другие выражения космического одиночества могут заключать в себе два или даже три указанных аспекта.

Культурное измерение одиночества хорошо описано в произведении художественной литературы. Яркий тому пример – «Степной волк»

Германа Гессе (1929). Человек, изображенный в романе, символизирует дилемму многих, кто оказался между двумя культурами – старой и новой. Его одиночество становится невыносимым, потому что он терпит неудачу в поисках пристанища в ком-то другом. Это не то одиночество, которое можно излечить любовью или дружбой, оно требует отношений другого рода. Культурное одиночество проявляется также в малых группах, когда люди ощущают, что их связь с собственным культурным наследием прервана или что общепринятая культура неприемлема для их внутреннего мира. Данный тип одиночества существует в обществах, где происходят бурные социальные изменения.

В качестве причин одиночества выделяют [5]:

- низкую самооценку, которая приводит к избеганию контактов с другими людьми из-за страха подвергнуться критике;
- слабые навыки общения способствуют возникновению одиночества;
- неудачный опыт;
- потерю близкого человека;
- кризисные периоды жизни.

Первые признаки одиночества можно отметить у детей 7–9 лет. Наиболее ярко признаки одиночества проявляются в подростковом возрасте, когда идет становление личности. Признаки одиночества отчетливо проявляются и в более поздние этапы онтогенеза, а именно в возрасте 30–35 лет и 61–71 годов у мужчин, 55–74 – у женщин [6, 7].

Таким образом, теоретический анализ литературы показал, что одиночество – это интересная и многогранная проблема, в решение которой еще много пробелов.

Научный руководитель: канд. биол. наук, доцент Е. В. Гребенникова.

Литература

1. Покровский, Н. Е. Лабиринты одиночества / Н. Е. Покровский. М., 1989. 45 с.
2. Психология : словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Ярошевского. М., 1990. 436 с.
3. Лазарев, А. Одиночество там не считают несчастьем! / А. Лазарев. М., 2005. С. 27.
4. Овчинникова, Ю. Г. К проблеме кризиса идентичности / Ю. Г. Овчинникова // Вестник МГУ. 2000. № 2. С. 23.
5. Петрунec, В. П. Нелегкий шаг к юности / В. П. Петрунec. М., 1984. С. 38–52.
6. Малышева, С. В. О диагностике и коррекции переживаний одиночества у подростков / С. В. Малышева // Вестник МГУ. 2003. № 3. С. 61–68.
7. Дубровина, И. В. Психология / И. В. Дубровина. М., 2006. 464 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОТКЛОНЕНИЙ В РАЗВИТИИ И ПОВЕДЕНИИ

В. А. Постоева, С. В. Борzych

Томский государственный педагогический университет

Томский государственный

архитектурно-строительный университет

Центральная проблема психологии состоит в выяснении соотношения созревания и «влияний извне», биологического и социального, в развитии психики ребенка. В отечественной теории и практике до недавнего времени доминировали представления об отклонениях в психическом развитии ребенка преимущественно в силу органического дизонтогенеза, в то время как факторам социального влияния отводилась второстепенная роль, что упрощало понимание взаимодействия биологической и социальной детерминации в генезисе отклонений в развитии [8].

Исследования последних десятилетий подчеркнули роль биогенетических механизмов, одновременно выявив ее возможные ограничения. Для контроля развертывания огромного количества нейронов, синапсов и их сложных нейрогуморальных взаимодействий в геноме человека имеется лишь 40 тыс. генов. Исходя из этих важных открытий, Борис Мефодьевич Величковский постулирует, что есть большое количество возможностей для внегенетического (эпигенетического) развития [1].

Роберт Солсо замечает по поводу дискуссий о роли природы и среды, что биология определяет голос, а воспитание и учение – высказывания [7].

Отношения между личностью и окружающим ее миром неоднозначны и очень сложны. Для Льва Семеновича Выготского человек представляется зависимым от социальной ситуации развития, от других людей, которые ее создают [2].

В социальных условиях жизни человека, по убеждению Эриха Фромма, кроются причины нарушений развития. Уже такие обстоятельства среды, как питание, «тепло и нежность» при воспитании ребенка, внимание и количество поощрений, свобода передвижения и возможность самовыражения в игре и других формах общения, оказывают прямое воздействие на рост мозга, усложнение строения коры больших полушарий. Для нормального роста человека, развития у него синдрома

жизнелюбия необходимы специальные социально-психологические условия, при отсутствии которых человек превращается в ограниченное существо с «синдромом враждебного отношения к жизни» [3].

Неблагоприятные условия среды, рано возникшие, длительно действующие и оказывающие травмирующее действие на психику ребенка, могут привести к стойким сдвигам его нервно-психической сферы, нарушению сначала вегетативных функций, а затем и психических.

Факторами риска в возникновении серьезных отклонений в физическом и психическом развитии детей являются социально-психологические, как, например, неблагоприятный психологический климат в семье и школе, «нервные» родители, стили воспитания и др.

Негативное воздействие различных форм психической депривации на детей и подростков может провоцировать возникновение отклонений в развитии. Глубина и тяжесть депривационных нарушений индивидуально различается в зависимости от времени наступления депривационного воздействия, его продолжительности и интенсивности.

Проявления психической депривации включают всю шкалу психических отклонений и изменений личности: от незначительных эмоциональных нарушений до очень сильных отклонений в развитии (нарушения интеллектуального и личностного развития, деформации личности, психические расстройства).

Давид Иосифович Фельдштейн пишет, что в современное время создалась парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что невостребованность интеллекта у ретардированных детей приводит не только к задержке общего интеллектуального развития, но к интеллектуальной депривации, или умственному голоду – состоянию, которое, в свою очередь, ведет к склонности к делинквентному поведению, наркомании, чрезмерному увлечению компьютерными играми и другим патологическим зависимостям [9].

Немаловажным фактором, вызывающим нарушения личностного развития, являются характер, ценности, нормы, ориентиры, смыслы той социальной группы, частью которой является ребенок. Социальная группа (семья, школа) может усиливать те черты и формы поведения, которые ей соответствуют, и ослаблять нежелательные.

Ольга Николаевна Усанова подчеркивает, что негативные семейные влияния усугубляют деструктивные тенденции развития детей с ограниченными возможностями здоровья и жизнедеятельности.

Характерно, что социально-психологические параметры образа жизни многих исследуемых российских семей отличаются высокой степенью конфликтности, проявлением по отношению к детям бесконтрольности и равнодушия [5, 8].

По данным федеральной службы государственной статистики в России насчитывается 42 млн семей, 22 млн семей проживают за чертой бедности, каждая шестая из общего количества семей – молодая, 24 млн семей имеют несовершеннолетних детей.

Треть детей, проживающих в Российской Федерации, находятся в зоне социального риска.

Данные сборника «Дети в России – 2009», составленным Федеральной службой государственной статистики и Детским фондом ООН (Юнисеф), охватывают период с 1995 по 2008 г. и позволяют ознакомиться с динамикой различных показателей. По данным сборника, в стране снижается общее количество детей – с 1995 г. их численность уменьшилась с 38 млн до 26. На 2008 г. число детей, у которых родители лишены родительских прав, увеличилось в 2,3 раза и составило примерно 74 тыс.

Статистика преступлений, совершенных против детей, также неутешительна: в 2008 г. более 126 тыс. несовершеннолетних стали жертвами преступных посягательств. Для сравнения, в 2000 г. их количество составляло 104 тыс. Согласно фактологическим данным, большинство случаев жестокого физического обращения с детьми приходится в первые два года их жизни [4].

Филип Райс приводит данные, согласно которым существует взаимосвязь между конфликтами в семье и склонностью подростков к совершению правонарушений, а также снижением их школьной успеваемости, низким уровнем профессиональных устремлений. Развод родителей заставляет подростка по-новому взглянуть на себя и на своих родителей. Чтобы восстановить самоуважение, пострадавшее в результате распада семьи, а также справиться со стрессом, вызванным домашними конфликтами, дети разведенных или живущих порознь родителей чаще, чем дети из крепких семей, совершают поступки, связанные с риском для их здоровья [3].

Существует ряд средовых системных факторов, которые влияют на развитие девиантного поведения у подростков и молодых людей. К ним относятся личностные особенности родителей, антисоциальное

поведение в семье, недостаток семейных ресурсов, которые давали бы родителям время и энергию эффективно взаимодействовать со своими детьми [3, 5, 6].

Супружеские конфликты, воспитание в неполных семьях, низкие доходы или плохое соседское окружение, социальные нормы, которые допускают агрессию и насилие, – все может способствовать развитию отклонений в поведении, хотя следует указать, что не во всех семьях с такими нарушенными моделями поведения дети отличаются склонностью к девиации и насилию.

В настоящее время социальные программы защиты детства и материнства реализуются во многих странах мира, в том числе и в России.

Для предупреждения отклонений в развитии у детей необходимо оказывать полноценную социальную помощь различным группам населения, находящимся в зоне социального риска (молодым семьям, имеющим детей, матерям, воспитывающим ребенка без мужа, безработным родителям).

Литература

1. Величковский, Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания : в 2 ч. / Б. М. Величковский. М. : Смысл, 2006. Ч. 1–2.
2. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. М. : Смысл; Эксмо, 2003.
3. Гонеев, А. Д. Основы коррекционной педагогики / А. Д. Гонеев. М. : Академия, 2007.
4. Дети в России // ЮНИСЕФ : сб. статей. Росстат. М. : ИИЦ «Статистика России», 2009.
5. Постоева, В. А. Проблема социального сиротства / В. А. Постоева // Молодежь. Культура. Духовность : материалы международного симпозиума 27–28 марта 2002 г. Новосибирск : Из-во ЦНТИ, 2002.
6. Селигман, М. Обычные семьи, особые дети. Системный подход к помощи детям с нарушениями в развитии / М. Селигман. М. : Тервинф, 2007.
7. Солсо, Р. Когнитивная психология / Р. Солсо. СПб. : Изд-во «Питер», 2007.
8. Усанова, О. Н. Специальная психология / О. Н. Усанова. СПб. : Из-во «Питер», 2008.
9. Фельдштейн, Д. И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития / Д. И. Фельдштейн // Вопросы психологии. 2010. № 3.

ОСОБЕННОСТИ КОРРЕКЦИИ ВНИМАНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗПР

Т. В. Ревина

Томский государственный педагогический университет

Дошкольное детство – период наиболее интенсивного формирования познавательной деятельности и личности в целом. Если интеллектуальный и эмоциональный потенциал ребенка не получает должного развития в дошкольном возрасте, то в последствии не удастся реализовать его в полной мере. Особенно это касается детей с задержкой психического развития [6].

В настоящее время увеличивается количество детей с ЗПР. Проблема воспитания и обучения дошкольников с отклонениями в развитии является одной из наиболее важных и актуальных проблем коррекционной педагогики. Очевидно, что основным фактором, обуславливающим развитие психики ребенка, с проблемами в развитии, его социальную реабилитацию и адаптацию, является организованное в сензитивный период коррекционное воздействие [1]. Термин «задержка» подчеркивает несоответствие уровня психического развития возрасту, и одновременно в значительном количестве случаев временный характер отставания, которое с возрастом тем успешнее преодолевается, чем раньше дети с данной патологией попадают в адекватные для них условия воспитания и обучения [5].

Цель исследования – изучить особенности внимания у детей дошкольного возраста, имеющих задержку психического развития, апробировать коррекционную программу, направленную на коррекцию внимания у детей дошкольного возраста с задержкой психического развития.

Проблемами развития внимания, его свойств и видов занимались такие ученые как, Л.С. Выготский, В.С. Мухина, Р.С. Немов, С.Л. Рубинштейн и многие другие. Внимание – это сосредоточенность и направленность психической деятельности на определенный объект, что предполагает повышение уровня сенсорной, интеллектуальной и двигательной активности [3]. Внимание имеет основные свойства, такие как: концентрация (проявляется в способности внимания собраться,

ограничиться, сконцентрироваться на чем-либо одном, отвлекаясь от всего остального в данный момент времени), объем (количественно-качественная характеристика, которая определяется количеством предметов, которые человек способен удержать в сфере своего внимания), распределение (способность человека удерживать в центре внимания определенное число объектов одновременно), устойчивость (общая направленность внимания в процессе деятельности) и переключение (перестройка внимания, перенос его с одного объекта на другой) [6].

В данной исследовательской работе был взят один подход, при составлении коррекционно-развивающей работы для детей дошкольного возраста с ЗПР. Подход – Льва Семеновича Выготского, по которому процесс образования в целом опирается не только на сформировавшиеся функции, но и на формирующиеся. По мнению Л. С. Выготского, важнейшей задачей коррекционного обучения является – постепенный и последовательный перевод зоны ближайшего развития в зону актуального развития ребенка. Целью коррекционной работы, по Л. С. Выготскому, должна выступать ориентация на всестороннее развитие ребенка с проблемами в развитии как обычного, попутно осуществляя исправление и сглаживание его недостатков. Так же в своей работе мы опираемся на классификацию Клары Самойловны Лебединской, которая исходя из этиологического принципа, выделила четыре основных варианта задержки психического развития: конституционального генеза, соматогенного генеза, психогенного генеза и церебрально-органического генеза. Данные варианты в настоящее время используются наиболее продуктивно в оказании коррекционной помощи детям в специальных учреждениях. Данная классификация является важной, при составлении коррекционной программы, так как в данном исследовании принимали участие дети дошкольного возраста, имеющие задержку психического развития разного генеза [2].

Исследование было проведено на базе Муниципального дошкольного образовательного учреждения детского сада компенсирующего вида № 30. В исследовании принимали участие 10 дошкольников (6 мальчиков, 4 девочки), имеющих задержанное психическое развитие разного генеза. Возраст испытуемых 5–6 лет.

Данное психолого-педагогическое исследование состоит из трех этапов. На первом этапе проводится психологическая диагностика детей дошкольного возраста, имеющих норму и ЗПР разного генеза. В дан-

ном психологическом исследовании используется рисуночный метод, который включает в себя четыре методики: методика Н. И. Гуткиной «Домик», целью которой является определение уровня развития произвольного внимания у детей 5–7 лет, выявление умения ориентироваться в своей работе на образец, копировать его; «Треугольники», под модификацией А. А. Осиповой цель данной методики состоит в определении переключаемости произвольного внимания, данная методика предназначена для детей 5–7 лет; методика, под модификацией А. А. Осиповой «Запомни и расставь точки», которая позволяет диагностировать объем внимания ребенка 5–7 лет, а так же методика С. Д. Забрамной «Проставь значки», целью которой является оценка переключения и распределения внимания ребенка, в возрасте от 5 до 7 лет [4].

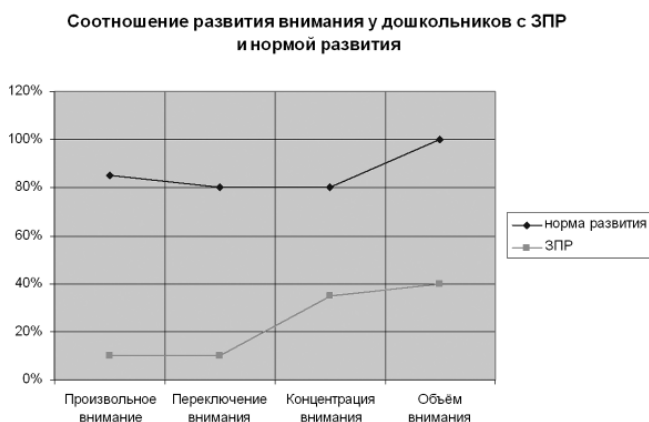

Рис. 1

По результатам данной диагностики было выявлено, что у детей дошкольного возраста с нормой психофизического развития не наблюдается значительных нарушений в развитии таких свойств внимания, как переключаемость, распределение, объем, уровень развития произвольного внимания и концентрация произвольного внимания, а так же необходимо отметить, что дети 5–7 лет умеют ориентироваться в своей работе на данный им образец, принимают помощь со стороны взрослого, удерживают в памяти данную им инструкцию, правильно выполняют ее, замечают свои ошибки и самостоятельно их исправляют. У детей

дошкольного возраста с ЗПР, наблюдается нарушение или отставания в развитии всех свойств внимания: переключаемости, распределения, концентрации и объема. Детям трудно удерживать инструкцию в памяти, часто переспрашивают, плохо ориентируются в своей деятельности на заданный образец, не замечают сделанных ошибок, помощь от взрослого плохо воспринимается. Данные о соотношении развития внимания у дошкольников с ЗПР и нормой развития наглядно представлены на рис. 1.

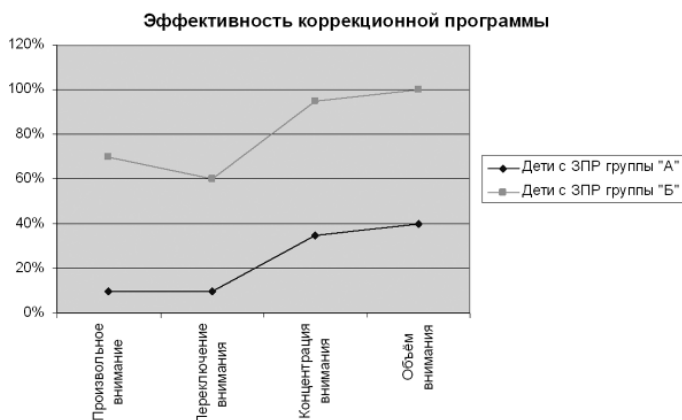

Рис. 2

На втором этапе происходит разделение детей дошкольного возраста, имеющих ЗПР на две группы: А и Б. И во второй группе (Б) проводится программа коррекционно-развивающих занятий, направленная на коррекцию и развитие внимания ребенка дошкольного возраста с ЗПР. В коррекционной работе использовались следующие методики: дидактические игры, подвижные игры, рисуночная терапия, физкультминутки, упражнения на релаксацию. Используется групповая и смешанная формы проведения занятий, так как именно в группе детей можно плодотворно провести игру, что является ведущей деятельностью данного возрастного этапа. Время проведения одного занятия – 25 минут. Занятие проводится 2 раза в неделю. Это обусловлено тем, что для детей дошкольного возраста такая продолжительность занятий является оптимальной, не вызывает переутомления.

На третьем, заключительном, этапе снова проводится психологическая диагностика обеих групп (А и Б), с целью получения результатов, касаемых эффективности проведенной психокоррекционной работы по коррекции и развитию внимания ребенка дошкольного возраста с ЗПР. На данном этапе используются тот же набор методик, что и при первоначальной психодиагностике («Домик»; «Треугольники»; «Запомни и расставь точки»; «Проставь значки»). Исходя из психодиагностического исследования, можно отметить, что у группы детей, прошедших коррекционно-развивающую работу, наблюдается средний уровень развития произвольного внимания, ребята ориентируются в своей работе на образец, могут удерживать инструкцию. Так же, у детей наблюдается достаточное развитие распределения и концентрации произвольного внимания. Переключаемость внимания находится на среднем уровне развития. А такое свойство, как объем у данной категории детей находится на высоком уровне своего развития. Эффективность коррекционной работы наглядно отображена на рис. 2.

Таким образом, можно отметить, что при использовании психокоррекционной программы мы видим улучшение развития таких свойств внимания, как: переключение, распределение, концентрация и объем. Так же, данная программа помогает в развитии произвольности внимания.

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Е. П. Молчанова.

Литература

1. *Актуальные проблемы диагностики задержки психического развития детей* / под ред. К. С. Лебединской. М. : Педагогика, 1999. 128 с.
2. *Выготский, Л. С.* Психология развития человека / Л. С. Выготский. М. : Эксмо, 2003. 136 с.
3. *Соколова, Е. Е.* Общая психология : учебник для студ. вузов. М. : Академия, 2005. 352 с.
4. *Осипова, А. А.* Диагностика и коррекция внимания / А. А. Осипова. М. : ТЦ Сфера, 2004. 104 с.
5. *Защиринская, О. В.* Психология детей с задержкой психического развития / О. В. Защиринская. СПб. : Речь, 2004. 432 с.
6. *Семенюк, Л. М.* Хрестоматия по возрастной психологии / Л. М. Семенюк. М. : Институт практической психологии, 2006. 304 с.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕЛЕКЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОТОВНОСТИ РЕБЕНКА К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ

А. И. Рехлова, О. А. Белобрыкина
*Новосибирский государственный
педагогический университет*

Социокультурные изменения, которые произошли в нашем государстве в 1991 г., потребовали от правительства пересмотра устройства большинства сфер социальной жизни населения, в том числе и образования. По сути, реформирование образовательной системы, которое началось 20 лет назад, продолжается до сих пор. Трансформации подверглись разные ступени образования, включая дошкольное и младшее школьное образование. Однако, вплоть до настоящего времени в рамках обозначенных ступеней не сформулировано содержание и критерии преемственности между ними. В частности, наблюдается формализация функций по определению готовности ребенка к школе и стало повсеместно распространенным явлением обучение чтению и письму детей уже в старшем дошкольном возрасте, несмотря на его противоречие задачам дошкольного периода детства (Л. С. Выготский, В. Т. Кудрявцев, О. М. Дьяченко, Н. Е. Веракса, А. Н. Веракса). По сути, современная школа сняла с себя обязательство «учить ребенка учиться» (Д. Б. Эльконин, Б. Д. Эльконин, В. С. Мухина, Т. Е. Ермолова, С. Ю. Мещерякова, Н. И. Ганошенко и др.) и учение как ведущий вид деятельности младшего школьника беспрепятственно сместился на дошкольную ступень образования. Именно этим, на наш взгляд, обусловлено возникновение проблемы «школьной селекции», ставшей столь распространенной в процессе реализации системы отбора детей при поступлении в первый класс.

Следует отметить, что проблема школьной селекции в отечественной психологии и педагогике не нова и занимает умы ученых вот уже более 100 лет, в результате чего имеет богатую историю и отработанный механизм. Ее актуализация непосредственно обусловлена стремительными темпами развития научно-технического прогресса и активным накоплением знаний. По мнению С. Степанова, одной из причин

возникновения проблемы школьной селекции является введение всеобщего образования именно вследствие быстро развивающегося индустриального общества [8]. В нашей стране апогеем разделения детей по уровню их умственного развития были 1920–1930-е гг., ознаменовавшиеся всеобщим распространением наиболее перспективной, с точки зрения того времени, науки – педологии.

Изначально педология задумывалась как комплексная наука о ребенке, включающая в себя знания из таких областей, как психология, педагогика, генетика, физиология, медицина. Однако, интенсивное развитие педологии привело не столько к ожидаемым результатам, сколько к возникновению глобального противоречия между теорией и практикой.

Триумфальное шествие педологии в Российском образовании завершилось не менее стремительно, чем ее распространение. 4 июля 1936 г. вышло в свет известное постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», после чего использование тестов в советской психологической науке надолго прекратилось [9].

Советский Союз распался, система образования изменилась, однако, как справедливо отмечает С. С. Степанов (2002), «золотая середина» между жесткой селекцией и всеобщей уравниловкой не найдена до сих пор. Причем, наблюдается «постепенный переход от грубых форм деления детей на „чистых“ и „нечистых“ к более тонким и дифференцированным формам селекции. В то же время сам факт сортировки детей явно или неявно означает ограничение образовательных возможностей для определенного сегмента выборки, то есть дифференциация легко выливается в дискриминацию» [8].

Примечательно, что в мировом сообществе проблема доминирования тестового контроля (знаний, психических функций, личностных особенностей и пр.) не менее остра и дискуссионна, чем в России. По мнению У. Крэйна, «...стандартизированные тесты требуют, чтобы все учащиеся достигли конкретного уровня мастерства к определенной дате – требование, делающее невозможным обучение с самостоятельной скоростью» [10. С. 495–496].

М. К. Акимов и А. М. Раевский, осуществляя анализ актуальных проблем современной психодиагностики, указывают в качестве основополагающих: уровень квалификации специалистов, использующих диагностические методики; использование диагностических методов, включая право их приобретения и последующего использования

лицами, имеющим соответствующую квалификацию; обеспечение тайны результатов обследования (в плане посягательства на тайну личности); конфиденциальность (как проблема сохранения тайны); сообщение результатов обследования; социально-психологические основания этического кодекса психолога-диагноста [11]. Именно эти проблемы как частный случай психодиагностической ситуации, чаще всего, по мнению Н. Я. Селеверстовой (2000), Е. Г. Юдиной (2001), О. А. Белобрыкиной (2007), возникают в системе отбора детей в первый класс. Однако, на наш взгляд, центральным аспектом психодиагностики при приеме детей в школу является смысловой: «Зачем?». До тех пор, пока специалисты и, в первую очередь, психологи, не дадут ответа на вопросы о том, для каких целей необходимо тестирование школьной готовности ребенка, на основе каких критериев и показателей определяется школьная готовность, каким образом будут учитываться и использоваться диагностические результаты, в том числе и для определения образовательного маршрута ребенка, и т. п., селекционный подход на начальной ступени школьного образования будет процветать.

«Школьная готовность» ребенка представляет собой системное, целостное образование, в структуре которого особое значение принадлежит именно психологическому компоненту. Причем, как было показано Л. С. Выготским (2003), готовность к школьному обучению формируется в ходе самого обучения. Иначе говоря, до тех пор, пока ребенок не начал обучаться в логике программы, готовности к обучению как целостной структуры у него быть не может. По мнению Л. С. Выготского, полноценно готовность ребенка складывается к концу первого полугодия первого года обучения в школе. Следовательно, неправомерно и недостаточно информативно измерение готовности к школьному обучению по формальному уровню умений и навыков, таких как чтение, письмо, счет, так как, владея ими, ребенок может еще не иметь соответствующих механизмов умственной деятельности.

Важно отметить, что в соответствии с законодательством Российской Федерации оценка готовности ребенка к школе носит в большей мере рекомендательный, а не запретительный для ребенка и обязательный для образовательного учреждения характер. Так, Закон РФ «Об образовании» (п. 1. ст. 52) и «Типовое положение об образовательных учреждениях» (п. 59), утвержденное постановлением Правительства РФ от 19 марта 2001 г. № 196, предусматривают право родителей (законных

представителей) детей на выбор общеобразовательного учреждения и формы получения образования. Кроме того, какой-либо отбор детей на конкурсной основе нарушает п. 3 ст. 5 Закона РФ «Об образовании». Следовательно, решение о том, насколько ребенку необходима диагностика его школьной готовности, принимают родители, а не представители образовательного учреждения – психологи или администраторы, педагоги и т. п.

Следует отметить, что в исключительных случаях оценка (естественно, с согласия родителей) особенностей развития ребенка важна для решения вопроса о необходимости комплексного сопровождения его в образовательной среде, в том числе и с целью оценки соответствия образовательных нагрузок его возможностям. В связи с этим чрезвычайно важно подобрать адекватный, сообразный специфике ребенка, диагностический комплекс для определения его «индивидуального образовательного маршрута». Однако, не секрет, что вплоть до настоящего времени психологи чаще всего обращаются к диагностике преимущественно интеллектуальных показателей и определения школьных навыков (ЗУНов) будущих первоклассников. Такой подход не просто не правомерен, но и чрезвычайно узок, так как не отражает развернутой картины особенностей развития ребенка. Кроме того, на основе данного подхода можно осуществить исключительно только селекцию детей, но невозможно определить «индивидуальный образовательный маршрут» каждого ребенка, который предполагает выявление, в первую очередь, потенциала (зона ближайшего развития, по Л. С. Выготскому), тенденций развития личности ребенка, его склонностей и интересов. Как показано Е. Е. Кравцовой (1991), М. М. Семаго (2004), оценка готовности ребенка к началу школьного обучения имеет, как правило, двух-четырёхуровневую градацию: «готов к началу регулярного обучения – условно готов – не готов» и т. п., в то время как большинство имеющихся диагностических комплексов не рассчитаны на индивидуальный анализ состояния готовности ребенка.

Заметим, что важность определения «индивидуального образовательного маршрута» возрастает в связи с востребованной в современных условиях возможностью выбора образовательных программ детских садов и начальной школы, которые, как показывает практика, не всегда отвечают требованию их преемственности. Поэтому, в одних школах (например, гимназиях, лицеях), делая основную ставку на детей,

умеющих читать, писать и решать задачи, брошенными «на произвол судьбы» оказываются отдельные дети с несформированными школьными навыками. В других же – с точностью до наоборот. И в том, и в другом случае учителю чрезвычайно трудно обучать первоклашек с полярной подготовкой педагогических ЗУНов. Кроме того, программа дошкольного образования не предполагает обучения детей чтению, письму и решению арифметических задач – это приоритетная функция и одна из задач начальной школы. Отсюда и одна из распространенных проблем учителей начальных классов – переучивание детей, которых в детском саду или дома неправильно научили читать. И таких детей в условиях современной образовательной системы достаточно много. Они – своего рода резерв для пополнения классов коррекционного и компенсирующего обучения, так называемый «педагогический брак», полученный не столько по причине непрофессионализма педагогов, сколько вследствие отсутствия преемственности программ детский сад – школа и несогласованности требований к уровню подготовки детей к обучению в школе.

Очевидно, что селективный отбор детей при поступлении в школу исходно противоречит индивидуальному подходу, провозглашенному в качестве основного педагогического принципа реализации образовательного процесса в современных условиях.

В реальной практике почти каждый учитель и каждая школа стремятся к отбору наиболее способных и перспективных учеников. В этом случае внимание акцентируется скорее на престиже и успешности самого образовательного учреждения, чем на индивидуальности каждого конкретного ребенка. Поэтому и оказывается чрезвычайно жизнеспособным принцип, реализуемый в большинстве современных образовательных учреждений: «Ребенок для школы, а не школа для ребенка». Или, как справедливо замечает М. Сартан, «школа подбирает не программу под ребенка, а ребенка под программу. И, похоже, что по-другому она (пока?) не умеет. Как швейная фабрика выпускает костюмы нескольких стандартных размеров, рассчитанные на усредненную фигуру, так и школа может лишь создать некоторое количество программ – разных, но все равно рассчитанных на обобщенного ученика. И благая идея подбора индивидуального (в той или иной степени) образовательного маршрута под ученика оборачивается подбором учеников под маршрут» [18]. Естественно, о гуманной направленности такого подхода рассуждать не приходится. Зарубежный аналог подоб-

ного «движения за высокие стандарты» в образовании и размышления о его вероятных результатах представлены в работе У. Крейн [10]. Как это не парадоксально, но в условиях современного образования основным заказчиком к его содержанию являются не дети, которые приходят в школу получать эти самые знания, а общество (точнее, правительство) с его актуальными социально-экономическими запросами. Совершенно справедливо отмечают А. Г. Асмолов и Г. А. Ягодин, «обучение в школе – это снабжение ответами без поставленных учеником вопросов» [19. С. 13]. Наиболее показательным примером этой тенденции является введение системы ЕГЭ. По утверждению А. Г. Асмолова и Г. А. Ягодина, в подобной системе уже изначально задано возникновение феномена выученной беспомощности.

Подводя краткий итог, отметим, что проблема школьной селекции при определении готовности ребенка к школьному обучению – междисциплинарная, многосторонняя и противоречивая по своему содержанию. Однако основная причина трудностей в ее разрешении заключается в очевидном расхождении теории и практики: с одной стороны ведется активная политика гуманизации образования, тогда как с другой – наблюдается тотальная дегуманизация общества в целом. Выход из сложившейся ситуации нам видится не в очередной декларации гарантий каждому ребенку качественного образования – индивидуальной программы, позволяющей раскрыть именно его уникальные способности, но в создании реального механизма их реализации.

Литература

1. *Выготский, Л. С.* Психология развития человека / Л. С. Выготский. М. : Смысл; ЭКСМО, 2003. 1136 с.
2. *Кудрявцев, В. Т.* Смысл человеческого детства и психическое развитие ребенка / В. Т. Кудрявцев. М. : Смысл, 1997. 320 с.
3. *Дьяченко, О. М.* Как развивается дошкольник? О чем нужно помнить психологам, педагогам и родителям / О. М. Дьяченко, Н. Е. Веракса, А. Н. Веракса. М. : Чистые пруды, 2007. 32 с.
4. *Эльконин, Д. Б.* Психическое развитие в детских возрастах : избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. 416 с.
5. *Эльконин, Б. Д.* Кризис детства и основания проектирования форм детского развития/ Б. Д. Эльконин // Вопросы психологии. 1992. № 3–4.
6. *Мухина, В. С.* Возрастная психология: детство, отрочество, юность / В. С. Мухина. М. : Академия, 2000. 624 с.

7. Ермолова, Т.Е. Особенности личностного развития дошкольников в предкризисной фазе и на этапе кризиса 7 лет / Т.Е. Ермолова, С.Ю. Мещерякова, Н.И. Ганошенко // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 50–60.

8. Даниличева, Н.А. Очерки истории школьной психодиагностики / Н.А. Даниличева. СПб. : Гуманистика, 2004. 144 с.

9. Степанов, С. Школьная селекция: пробы и ошибки / С. Степанов // Школьный психолог. 2002. № 8.

10. Крэйн, У. Эпилог: теория развития и движение за высокие стандарты обучения / У. Крэйн // Теории развития. Секреты формирования личности. СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. С. 486–498.

11. Акимова, М.К. Социальные и этические аспекты психологической диагностики. Этический кодекс психолога-диагноста / М.К. Акимова, А.М. Раевский // Психологическое обследование детей дошкольного и младшего школьного возраста: тексты и методические материалы / ред.-сост. Г.В. Бурменская. М. : УМК «Психология», 2003. С. 51–58.

12. Селеверстова, Н.Я. Психодиагностика ребенка: за и против / Н.Я. Селеверстова // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 14–22.

13. Юдина, Е.Г. Психолого-педагогическая диагностика в системе дошкольного образования: проблемы и перспективы / Е.Г. Юдина // Обруч. 2001. № 4. С. 1–6.

14. Белобрыкина, О.А. Предшкольное образование: quo vadis (камо грядеши)? / О.А. Белобрыкина // Проблемы современной школы и пути их решения : материалы все-рос. с международ. участием конф. / науч. ред. С.И. Ануфриев, Л.В. Ахметова. Томск : ТЦНТИ, 2007. С. 43–55.

15. Кравцова, Е.Е. Психологические проблемы готовности детей к обучению в школе / Е.Е. Кравцова. М. : Педагогика, 1991. 152 с.

16. Семаго, М.М. Диагностико-консультативная деятельность психолога образования / М.М. Семаго, Н.Я. Семаго. М. : Айрис-пресс, 2004. 288 с.

17. Сартан, М. С ног на голову / М. Сартан // Школьный психолог. 2002. № 8.

18. Асмолов, А.Г. Образование как расширение возможностей развития (от диагностики отбора – к диагностике развития) / А.Г. Асмолов, Г.А. Ягодин // Вопросы психологии. 1992. № 1–2. С. 6–13.

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Е.М. Семёнова, С.Л. Усова

*Филиал Российского государственного социального
университета в г. Минске (Республика Беларусь)*

В течение последних трех десятилетий проблема сохранения психологического здоровья педагога в образовательном учреждении стала особенно острой. Повышаются требования со стороны общества к лич-

ности педагога, его роли в образовательном процессе. Такая ситуация потенциально содержит в себе увеличение нервно-психического напряжения человека, что приводит к возникновению невротических расстройств, психосоматических заболеваний.

Профессиональный труд воспитателя отличает высокая эмоциональная загруженность, он постоянно включен в разнообразные быстротеменяющиеся социальные ситуации, на которые должен мобильно и конструктивно реагировать. Кроме этого, при встрече с непредвиденными ситуациями воспитатель должен думать, прежде всего, о том, как разрешить ситуацию с наименьшими последствиями для детей, которые находятся под его ответственностью. И, как следствие этого, с увеличением стажа работы педагоги испытывают «педагогический кризис», «истощение», «выгорание», используют неверные психологические защиты для преодоления стрессовых ситуаций.

Исследования, проведенные психологами (Г. Ф. Заремба, Э. И. Киришбаум, О. В. Кузьменкова, Н. А. Подымов, Т. С. Яценко и др.), показывают, что неадекватные психологические защиты препятствуют установлению оптимальных контактов с детьми, взаимодействию в целом. Педагоги дошкольных учреждений в силу специфики данной профессии достаточно интенсивно используют психологические защиты, которые ограждают их от травмирующих факторов и имеют свое своеобразие.

Профессия педагога дошкольных учреждений имеет отличительные признаки: работа с маленькими детьми, приоритет руководства игровой, бытовой, продуктивной видами деятельности детей и деятельностью общения, каждодневные контакты с руководством и родителями воспитанников, усиленное внимание со стороны контролирующих органов, частые проверки и т. п. Ситуации общения с детьми, с заведующей и родителями нередко выступают для воспитателя как стрессогенные факторы, актуализирующие функционирование соответствующих защит, поэтому для воспитателей характерны не только и не столько внутриличностные защиты, сколько защиты межличностного характера.

Возможно, изучение совладающего (копинг) поведения воспитателей дошкольных учреждений может помочь выявить такие психологические защиты, которые разрушительно воздействуют на личность и психологическое здоровье педагогов, на модель взаимодействия с детьми.

С точки зрения психоаналитической концепции, копинг – это гибкое целенаправленное дифференцированное поведение, ориентированное

на реальность. Механизмы защиты представляют собой дисфункциональные проявления, приводящие к невротическим и психотическим расстройствам [1]. Данное поведение является ригидным, вынужденным, недифференцированным и искажающим реальность. Таким образом, копинги являются адаптивными формами поведения, а механизмы защиты – дезадаптивными.

Впервые термин копинг (*coping*) был использован Л. Мерфи в 1962 г. в исследовании способов преодоления детьми трудностей, связанных с возрастными кризисами. Сейчас копинг рассматривается как приспособляемость, которая определяется тремя компонентами:

- способностью и умением организма адекватно реагировать на внешние воздействия;
- мотивацией – желанием приспособливаться к условиям окружающей природы;
- способностью поддерживать психическое равновесие. Копинг-поведение понимается как *сознательное преодоление стрессовых ситуаций* (сосуществующие с бессознательными механизмами психологической защиты).

Т.Л. Крюкова определяет совладающее поведение как целенаправленное социальное поведение, позволяющее субъекту справиться с трудной жизненной ситуацией (стрессом) способами, адекватными личностным особенностям ситуации, – через осознанные стратегии действий [2]. Это сознательное поведение направлено на активное изменение, преобразование поддающейся контролю ситуации, приспособление, если ситуация не поддается контролю. При таком понимании совладающее поведение важно для социальной адаптации здоровых людей. Стратегии поведения в кризисных ситуациях формируются по трем основаниям: в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах. Огромное влияние на формирование копинг-стратегий оказывают *копинг-ресурсы* личности – совокупность условий, способствующих преодолению стресса. Выделяют следующие виды ресурсов: физические (здоровье, выносливость); социальные (индивидуальная социальная сеть, социально-поддерживающие системы); психологические (убеждение, устойчивая самооценка, общительность, интеллект, мораль, юмор) и материальные ресурсы (деньги, оборудование).

В нашем исследовании принимали участие педагоги дошкольных учреждений образования (46 человек). Выявлено, что ведущей стратеги-

ей у респондентов является *копинг, ориентированный на решение задач*. Данный тип совладания связан с рациональным анализом проблемы, проявляется в самостоятельном анализе случившегося, мобилизации ресурсов для решения проблемы. Он является активной стратегией поведения. Далее по частоте использования и по значимости стратегиями являются: *эмоционально-ориентированный копинг* и *копинг, ориентированный на избегание*.

50% испытуемых выбрали *эмоционально-ориентированный копинг* (эмоциональное отношение к ситуации). Это свидетельствует о том, что когда педагог не может практически преобразовать проблему, уйти от источника опасности и страданий, он прибегает к фокусирующимся на эмоциях стратегиям – стратегиям психологической борьбы со своими негативными эмоциями. Эти приемы неконструктивны в том смысле, что не устраняют проблемы, но все же они адаптивны, поскольку облегчают психологическое состояние. Неконструктивными стратегиями поведения являются также различные способы психологической защиты вплоть до вытеснения проблемы из сознания, импульсивное поведение, эмоциональные срывы, агрессивные реакции. 50% испытуемых используют *копинг, ориентированный на избегание*, что является пассивной стратегией (избегание, подавление мыслей и чувств, связанных со стрессовой ситуацией), в этом случае проблема остается нерешенной. Пассивное преодоление предполагает использование различного арсенала механизмов психологической защиты, которые направлены на снижение эмоционального напряжения, а не на изменение стрессовой ситуации.

В зависимости от степени конструктивности совладающих стратегий они могут способствовать или препятствовать успешности преодоления профессиональных стрессов. «Здоровое» преодоление является активным и сознательным.

Литература

1. Маликова, Т.В. Психологическая защита: направления и методы : учеб. пособие / Т.В. Маликова, Л. А. Михайлов, В.П. Соломин, О.В. Шатрова. СПб. : Речь, 2008. 231 с.
2. Крюкова, Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни : дис. ... д-ра психол. наук / Т.Л. Крюкова. Кострома : РГБ, 2006. 219 с.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СКЛОННОСТЬ К ВИКТИМНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ

Е. С. Семенчук

*Филиал Российского государственного социального
университета в г. Минске (Республика Беларусь)*

Сложные и противоречивые коллизии последних десятилетий выдвинули на первый план ряд проблем, связанных с безопасностью личности. Основная идея этой работы – определить внутреннюю угрозу личному благополучию, которая в той или иной степени представлена в каждом человеке.

В силах каждого человека повысить свою личную защиту, обрести внутренний покой и уверенность, осознать свою самооценку и, тем самым, стать менее уязвимым к действию разнообразных внешних агрессивных факторов. К сожалению, не всегда, казалось бы, априорные ценности уважения и внимательного отношения друг другу и к себе самому усваиваются с детства. Асоциальное окружение, негуманное воспитание, низкая культура педагогов, особенно в младших классах, способствуют тому, что подросток с самого детства привыкает к мысли о том, что все вокруг сильнее, а он слабый, значит они имеют больше прав, а ему, видимо, просто не повезло.

Подростковый возраст – один из самых «острых» периодов самоутверждения. В 10–14 лет мало кто осознает иные пути самоутверждения, кроме как за счет проявления своей силы на том, кто не может дать отпор. Суть решения всех описанных проблем кроется в индивидуальном сознании каждого человека, пока он сам не будет уверен в своем праве на культурное к себе отношение. Задача социальных наук и психологии в том числе – показать человеку способы или хотя бы возможность решения проблем взаимодействия. Не увидев и не поняв, что причина проявления агрессивности окружающих по отношению к нему, возможно, кроется в нем самом, человек обретает стабильность и получает возможность конструктивного решения личностных и социокультурных проблем.

Сегодня под виктимностью понимают совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, индивидуально-психо-

логических и психофизиологических детерминант, способствующих дезадаптивному стилю реагирования субъекта, приводящему к нарушению физического или психоэмоционального здоровья. Виктимизацию, в свою очередь, стоит понимать как динамическую категорию, обеспечивающую проявление виктимности личности, т. е. процесс реализации присущей личности виктимности. Виктимным называют поведение, провоцирующее неосторожное, неправильное, аморальное поведение, реализующееся в совокупности социально одобряемых и неодобряемых условий.

Основными индивидуально-психологическими детерминантами виктимности подростков выступают низкая самооценка, экстернальный локус контроля, отсутствие ощущения социальной поддержки, а также выраженная эмпатия, высокая тревожность. К выраженным социальным детерминантам виктимности подростков относятся негативные стратегии семейного воспитания (директивность, враждебность, радикализм, непоследовательность в воспитании), негативное влияние средств массовой информации, низкий социально-экономический статус семьи. Системообразующими факторами виктимизации являются авторитарные и бессистемные стратегии семейного воспитания и отсутствие у подростка социальной поддержки.

Основная цель нашего исследования состояла в выявлении взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и склонностью к виктимному поведению у девиантных подростков. Дополнительно мы исследовали степень склонности к одиночеству и проследили взаимосвязь этого показателя со смысложизненными ориентациями и склонностью к виктимному поведению у девиантных подростков. В качестве гипотез нашего исследования выступали предположения о наличии взаимосвязей между смысложизненными ориентациями и склонностью к виктимному поведению у девиантных подростков. В эмпирическом исследовании приняли участие 60 подростков, состоящих на учете у социального педагога в школах г. Минска.

В качестве психологического инструментария исследования мы использовали методику Д. А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации», методику определения склонности к виктимному поведению О. О. Андронниковой и методику определения степени склонности к одиночеству (фрагмент теста А. Личко «Определение акцентуаций характера»). При статистической обработке результатов мы использовали метод

описательных статистик и непараметрические методы (ранговая корреляция Спирмена).

В ходе обработки вышеназванных методик мы получили следующие данные:

1. Большинство опрошенных девиантных подростков (87%) показали результат ниже нормы по шкале методики «СЖО» «Цели». Это означает, что в целом, респонденты данной категории испытывают трудности в целеполагании в жизни. Но данный признак можно отнести к нормальному свойству для подростков.

2. По шкале «Процесс» методики «СЖО» большая часть испытуемых девиантных подростков (98%) показали результаты ниже нормы, что говорит об их неудовлетворенности своей жизнью, особенно ее эмоциональной составляющей.

3. По шкале «Результат жизни» методики «СЖО» 97% испытуемых девиантных подростков показали результат выше нормы, что говорит о восприятии ими своей жизни как высокорезультативной. Данный признак выглядит особо интересным в сочетании с низкими показателями по шкале «цели» данной методики. Очевидно, что испытуемые подростки, прежде всего, в силу возраста не осознают до конца понятия «цель в жизни». Это может объясняться тем, что испытуемые девиантные подростки постоянно «ищут драйва» в жизни и такой стиль поведения и привел их к постановке на внутришкольный учет.

4. Данные по шкале «Локус контроля „Я“» методики «СЖО» распределились следующим образом: 98% процентов испытуемых девиантных подростков по данной шкале показали результат ниже нормы. Это означает, что они не склонны принимать на себя ответственность за события, происходящие в их жизни.

5. Данные по шкале «Локус контроля „Жизнь“» методики «СЖО»: 92% испытуемых девиантных подростков показали результат ниже значений нормы. Это означает, что у большей части испытуемых отсутствует понятие «ответственность за поступки», что подтверждается и данными по шкале «Локус-контроля „Я“».

6. Данные по интегрирующей шкале «Осмысленность жизни» методики «СЖО»: отношение к жизни 73% испытуемых девиантных подростков нельзя назвать разумным с позиции зрелого человека. Это означает, что они мало задумываются о целях в жизни, об их реализации и о своей ответственности за поступки. Есть основания полагать,

что такое отношение к жизни в подростковом возрасте можно назвать вполне нормальным, так как только на этом этапе развития человек начинает мыслить категориями «цель в жизни», «ответственность».

Результаты анализа данных по многофакторной методике О. О. Андрониковой «Определение степени склонности к виктимному поведению», позволили нам сделать следующие выводы:

1. 57% испытуемых девиантных подростков показали средний уровень агрессивного поведения. Можно предположить, что именно такая модель поведения и послужила причиной постановки на внутришкольный учет респондентов нашей основной выборочной совокупности.

2. Большинство (68%) опрошенных девиантных подростков обнаружили склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению. Это означает, что испытуемым девиантным подросткам, в целом, свойственен такой тип поведения, однако он не сильно выражен.

3. 63% испытуемых показали результат выше нормы по шкале «склонность к гиперсоциальному поведению». В целом, можно сказать, что испытуемые девиантные подростки склонны к гиперсоциальному поведению.

4. Большая часть испытуемых (52%) показали средний уровень склонности к зависимому и беспомощному поведению. Это говорит о том, что респонденты могут иметь ролевую позицию жертвы (им присущи робость, скромность, внушаемость, конформность).

5. Испытуемым в средней степени свойственны неосмотрительность, неумение правильно оценивать жизненные ситуации, они могут быть склонны к спиртному, неразборчивы в знакомствах.

В целом, полученные нами результаты свидетельствуют о том, что девиантные подростки достаточно часто попадают в неприятные или даже опасные для здоровья и жизни ситуации. Причиной этого является внутренняя предрасположенность к готовности действовать определенными, стереотипными моделями поведения.

В ходе эмпирического исследования с использованием непараметрических методов мы подтвердили гипотезы о наличии статистически достоверных взаимосвязей между смысложизненными ориентациями виктимным поведением у девиантных подростков. Корреляционный анализ полученных данных обнаружил наличие статистически достоверных взаимосвязей между смысложизненными ориентациями и показателями виктимного поведения подростков.

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод о том, что существует статистически достоверная взаимосвязь между наличием и (или) отсутствием целей в жизни девиантных подростков и степенью их реализованной виктимности ($R = -0,39$; $p < 0,01$). Связь имеет обратный характер. Это может означать, что чем выше степень склонности к одиночеству подростков девиантного поведения, тем менее наполнена осмысленными целями их жизнь. Однако, показатель осмысленности жизни может означать в данном случае, лишь нормальную для подросткового возраста личностную незрелость испытуемых и изучение осмысленности жизни в каждом конкретном случае может изучить школьный психолог в беседе. Кроме того, также это может означать и обратное – чем менее осмыслена жизнь испытуемых, тем более они чувствуют свое одиночество. Также существует статистически достоверная взаимосвязь между ощущением насыщенности жизни подростков и степенью их реализованной виктимности ($R = -0,42$; $p < 0,01$). Связь имеет обратный характер. Это означает, что при возрастании показателя насыщенности жизни уменьшается показатель наличия четких целей в жизни. Можно предположить, что как только подростки девиантного поведения начинают получать от жизни желаемый уровень эмоциональной насыщенности, тем меньше они задумываются о своих целях в будущем. Поиск новых ощущений в жизни, возможно, и привел их на внутришкольный учет.

Кроме того, мы установили наличие статистически достоверной взаимосвязи между ощущением девиантных подростков собственной власти над обстоятельствами жизни и степенью их реализованной виктимности ($R = -0,35$; $p < 0,01$). Найденная взаимосвязь носит обратный характер, т. е. чем выше подростки девиантного поведения оценивают свои силы контролировать собственную жизнь, тем ниже уровень их реализованной виктимности. Вывод очевиден: человека, который уверен в своих силах и планах, сложно поместить в роль жертвы насмешек, жестокого обращения, неуважительного отношения, и сломать, убедить в собственной никчемности, а значит, сделать более виктимным.

Также нами выявлена взаимосвязь между общим показателем осмысленности жизни девиантных подростков и степенью их реализованной виктимности ($R = -0,46$; $p < 0,01$). Направление данной связи можно обозначить как обратное. Из этого следует, что при повышении показателей осмысленности жизни у подростков может наблюдаться понижение степени реализованной виктимности. Отсюда можно сделать теоре-

тический вывод о том, что чем осознаннее цели жизни испытуемых, тем сложнее их поставить в ситуацию жертвы – внутренняя позиция, которую дает осмысленность жизни в целом препятствует формированию «слабой» позиции жертвы. Таким образом, мы подтвердили выдвинутую нами гипотезу о наличии статистически достоверных взаимосвязей между смысловыми ориентациями девиантных подростков и их степени склонности к виктимному поведению. Очевидно, что настоящее исследование требует продолжения в более детальном изучении вопросов смысловых ориентаций и виктимного поведения у девиантных подростков.

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Е. М. Семёнова.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ К ФОНОСИМАНТИКЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ НА ПЕРВОЙ СТУПЕНИ ОБУЧЕНИЯ

Е. К. Сенаторова

Томский государственный педагогический университет

Обучение японскому языку представляет собой сложное лингвокультурологическое явление, вызывающее трудности как у студентов факультета иностранных языков, так и у студентов не языковой направленности обучения. Как один из самых сложных языков в мире, японский предъявляет особые требования к организации процесса обучения и длительности срока обучения. Попадая на первую ступень курсов обучения японскому языку студенты сталкиваются с одним из сложнейших процессов адаптации в их учебной практике. Помимо того, что фоносемантика языка значительно отличается от русского, стоит учитывать, что преподавание ведется носителем языка, как следствие непосредственно на японском языке. Именно поэтому нами была разработана анкета и проведено исследование на основе анкетирования и наблюдения психологической адаптации к фоносемантике японского языка русскоязычных студентов на первой ступени обучения.

Чтобы понять насколько велика разница между русским и японским языками необходимо рассмотреть систему изучения любого языка. У каждого языка есть два главных раздела лексика (сюда относится и фонетика) и грамматика, т. е. чтобы изучить язык необходимо научиться на нем правильно говорить и писать. Русский язык относится к языкам кириллического алфавита, а японская письменность состоит из трех основных частей: кандзи (иероглифов, заимствованных из Китая), и двух слоговых азбук, созданных в Японии на основе кандзи катаканы и хираганы. Большинство слов записываются иероглифами: числительные, существительные, глаголы, прилагательные, наречия, некоторые местоимения, в то время как служебные части речи преимущественно записываются хираганой. Слова могут состоять из одного иероглифа, двух, трех и даже четырех. В лексической составляющей между русским и японским языками много сходства. В японском языке существует пять основных гласных «а», «и», «у», «э», «о» и их смягченные формы, с которыми формируются слоги – иероглифы, на этом строится речь. В русском языке примерно так же строится речь, но важным отличием в этом случае является отсутствие закрытых слогов в японском языке. Для того чтобы поступить в высшее учебное заведение японскому абитуриенту необходимо сдать тест на 3 тысячи иероглифов. На первой ступени обучения японскому языку русскоязычные студенты изучают алфавиты хирагана и катакана, а так же знакомятся с простыми общепринятыми кандзи.

Исходя из поставленной цели, первым шагом будет ознакомиться с процессом адаптации в учебной деятельности. Адаптация – это процесс, при котором организм приспосабливается к условиям внешней среды. Необходимо отметить, что адаптация не только дает возможность личности приспособиться к новым условиям, но и сформировать новые способы поведения для преодоления имеющихся трудностей и успешной деятельности, которые имеют индивидуальный характер и складываются по мере накопления и совершенствования опыта. Если же адаптация не происходит, личность испытывает дополнительные затруднения в освоении предмета и условий деятельности. Любое обучение является делом не из легких. Одной из важнейших предпосылок успешной учебной деятельности является своевременная адаптация к условиям обучения [2. С. 95]. Первая неудача порой приводит к разочарованию, утрате перспективы, отчуждению, пассивности. От успешно-

сти учебной адаптации зависит дальнейший ход обучения иностранному языку. От того, как долго по времени происходит учебная адаптация, зависят текущие и предстоящие успехи студентов.

Психологическое понимание адаптации сводится к установлению состояния равновесия субъекта и среды, их взаимного воздействия и характеризуется усвоением субъектом форм поведения и ценностных ориентаций [2. С. 96]. Реализация процесса психологической адаптации обеспечивается сложной многоуровневой функциональной системой, на разных уровнях которой регулирование осуществляется преимущественно психофизиологическими механизмами.

К группе субъективных критериев психологической адаптации относят: удовлетворенность процессом обучения; удовлетворенность коллективом и сложившимися в нем отношениями; проявление учащимися активности в учебной деятельности; мотивационные и типологические характеристики; особенности эмоциональных состояний.

Таким образом, для исследования адаптации русскоязычных студентов были выделены следующие критерии:

1. Уровень мотивации – показывает заинтересованность студента в достижении цели курса обучению японского языка.

2. Удовлетворенность учебной деятельностью – характеризует степень успешности деятельности студента, уровень его работоспособности, уровень удовлетворенности в потребности изучения языка.

3. Особенности эмоционального состояния – учитывает состояние здоровья студента, отсутствие выраженных признаков усталости, стресса, эмоциональной деструкции.

4. Контакт с преподавателем – показывает уровень включенности студента в образовательный процесс, а так же степень понимания им информации подаваемой преподавателем. При этом понимается скорее уровень логического и психологического контакта студента с преподавателем.

В соответствии с приведенными выше критериями психологической адаптации студентов, изучающих японский язык, была разработана анкета, включающая в себя 21 вопрос. Вопросы анкеты дифференцированы по четырем шкалам согласно критериям.

С целью выявления мотива изучения студентами японского языка (шкала № 1) были предложены следующие анкетные вопросы:

1. Почему вы решили изучать японский язык?

2. Как вы считаете, пригодятся ли вам полученные знания японского языка и культуры, когда вы закончите обучение на курсах японского языка? И почему?

Качественный анализ ответов на эти вопросы показал, что мотивами изучения японского языка студенты назвали: «нравится японская культура и язык» – 58 % испытуемых, «желание посетить Японию для туризма или обучения» – 42 %. Дополнительно побочными мотивами были названы так же «просмотр передач на японском языке», «чтение книг в оригинале» и «общение с японцами через Интернет». При этом в ответах на второй вопрос студенты посчитали, что японский язык пригодится им по окончании обучения для «поездки в Японию» – 58 % испытуемых, а «изучить и узнать понравившуюся культуру и язык» в итоге осталось мотивом только для 8 % испытуемых.

Оправдана ли актуальность изучения языка ради посещения страны? В современном мире не обязательно знать язык страны, куда едешь путешествовать, достаточно знаний, например, английского языка. Если же разбираться с мотивом «любовь к японской культуре и языку», то следует учитывать, что данный мотив описывает ситуативный показатель и не характеризует конечную цель обучения. Главная составляющая мотивации – это смысл, то, зачем мы занимаемся той или иной деятельностью. Если у обучающегося построен смысл учения языку на ситуативных впечатлениях, то он так ничему и не научится.

Об уровне удовлетворенности учебной деятельности испытуемых можно говорить исходя из ответов на следующие вопросы (шкала № 2):

1. Насколько легко вам дается обучение?

2. Оцените сложность обучения японскому языку на курсах ТГПУ у носителя языка по десятибалльной шкале, где 1 будет соответствовать «просто», а 10 баллов «очень сложно».

3. Из каких источников вы получаете необходимую для учебы информацию?

4. Как много вы успеваете понять и запомнить во время занятия?

Качественный анализ ответов студентов показал, что 66 % опрошенных на первый вопрос ответили «обучение дается сложно, но пока все получается», при этом такой же процент испытуемых оценил уровень сложности обучения японскому языку на 7–8 баллов, по десятибалльной шкале. При ответе на третий вопрос 91 % респондентов отметили только два источника информации необходимой для обучения: «лекции

курса» и «Интернет». Как и на любых курсах обучения языкам, на курсах японского лекционные занятия являются для студентов доминирующим фактором в получении и усвоении необходимой информации. Именно на занятиях студенты получают практику разговорной речи, аудирования, ведения диалогов на японском языке. Но им так же необходимо пользоваться дополнительными литературными источниками для самостоятельной работы: работать с учебником, художественной литературой, словарями и т. п. При ответе на четвертый вопрос 74% респондентов написали, что понимают и запоминают во время занятия большую часть сказанной преподавателем информации. Но результаты наблюдения показывают, что большая часть группы испытывает затруднения при формулировке ответа на вопрос преподавателя. Из анализа ответов респондентов можно сделать вывод, что к пятому занятию в целом они довольны своей учебной деятельностью и успеваемостью.

Чтобы описать особенности эмоционального состояния (шкала № 3) студентов во время лекций было проведено наблюдение, учитывающее активность студентов, реагирование на вопросы преподавателя, позы студентов, эмоциональную стабильность во время учебного занятия. В ходе которого были получены следующие результаты. Большая часть группы испытуемых включена в процесс обучения: долгое время (более 20 минут) удерживается поза активного слушателя, ответы на вопросы преподавателя с минимальной задержкой, выполнение задания непосредственно после его постановки, запись информации параллельно со словами преподавателя без потери нити повествования. При этом эмоциональное состояние студентов нельзя назвать уравновешенным, а скорее носит стрессовый характер: присутствует лицевая экспрессия, навязчивые движения (покачивания головой вслед словам преподавателя). В случае возникновения какого-либо затруднения наблюдается ступор, закрытая поза, смущение, после чего у студента столкнувшегося с проблемой концентрация внимания смещается на его психическое состояние и он в пределах 5 минут или более не может включиться в процесс обучения. Учитывая, что во время психологической адаптации, все системы организма начинают работать более интенсивно, это состояние обозначается, как напряженное. Если при этом не превышает нагрузку на адаптационные системы, то такое напряжение, перестройка приведут к новому уровню физиологической адаптации, то есть реакциям, наиболее отвечающим потребностям данной ситуации. При повышении

адаптационных возможностей функциональные системы начинают работать в неблагоприятных режимах. Исходя из анализа полученных данных, можно сделать вывод, что эмоциональный фон испытуемых подвержен деструкции во время изучения языка на занятии.

Для определения особенностей контакта с преподавателем были использованы следующие анкетные вопросы (шкала № 4):

1. Все ли сказанное преподавателем во время занятия вам понятно?
2. Если возникают затруднения или высказывания преподавателя вам непонятны, как вы поступаете?
3. Какие взаимоотношения на ваш взгляд сложились у вас с преподавателем?

4. Вас устраивают сложившиеся с преподавателем взаимоотношения?

При этом учитывалось что, контакт преподавателя со студентами бывает логический, психологический и нравственный. Логический контакт – это контакт мысли преподавателя и студентов. Психологический контакт заключается в сосредоточенности внимания студентов в восприятии и понимании ими указанного материала, а также во внутренней мыслительной и эмоциональной активности в ответ на действия преподавателя и поступающую от него информацию. Нравственный контакт обеспечивает сотрудничество преподавателя и студентов. При отсутствии этого контакта, например в условиях конфликта, познавательный процесс либо затруднен, либо вовсе невозможен. В ответах на второй вопрос 75% респондентов понимают не все, что говорит преподаватель и сталкиваясь с затруднениями предпочитают переспрашивать преподавателя, чтобы разрешить возникшее недопонимание, но во время наблюдения не было зафиксировано ни одного случая обращения к педагогу за разъяснением непонятной информации. Это показывает, что процесс установления нравственного контакта между преподавателем и студентами задерживается. По мнению всех опрошенных студентов, изучающих японский язык, сложившиеся у них взаимоотношения с преподавателем можно охарактеризовать как рабочие, при этом такой тип взаимоотношения их абсолютно устраивает, и никаких претензий к преподаванию у студентов нет. Исходя из анализа полученных данных, можно сделать вывод, что у студентов с преподавателем сложился психологический и логический контакт.

Всего в исследовании участвовало 12 студентов в возрасте от 19 до 24 лет, 10 из которых были женского пола и 2 представителя мужско-

го пола. Испытуемыми были студенты ТГПУ, ТГУ и ТПУ факультетов информатики, изобразительного искусства, клинической психологии, иностранных языков. Исследование проводилось в сентябре 2010 г., т. е. во время прохождения студентами первой ступени курсов японского языка в ТГПУ.

Исследование психологической адаптации к фоносемантике японского языка русскоязычных студентов на первой ступени обучения показало, что процесс адаптации у студентов проходит тяжело, имеет тенденцию к задержке, что влечет за собой неустойчивость эмоционального фона личности, низкий уровень успешности собственно учебной деятельности студентов.

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Л. В. Ахметова.

Литература

1. Алпатов, В. М. О языковой картине мира японцев / В. М. Алпатов // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 133–141.
2. Калуженина, Т. А. Субъективные критерии адаптации студентов первого курса к условиям обучения в вузе / Т. А. Калуженина // Психология в экономике и управлении. Экономическое образование, социализация и самоопределение. 2009. № 2. С. 95–98.
3. Максименко, Н. А. Экспериментальная технология обучения выступления на японском языке студентов начального этапа / Н. А. Максименко // В мире научных открытий. 2010. № 3, ч. 4. С. 71–77.
4. Птицын, И. Ф. К вопросу формирования вторичной языковой личности (на материале обучения японскому языку и культуре) / И. Ф. Птицын // Современные проблемы науки и образования. 2007. № 3. С. 37–43.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ У ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

А. А. Сехно

*Филиал Российского государственного социального
университета в г. Минске (Республика Беларусь)*

В последние годы в нашу жизнь прочно вошел термин «толерантность». Соотнося между собой понимание толерантности в разных куль-

турах, в разных исторических временах, обнаруживается, что в основе трактовки данного понятия – уважение каждого человека, признание за ним права быть иным. Общее содержание понятия толерантности не исключает того, что в разных языках в зависимости от исторического опыта народов оно имеет различные смысловые оттенки. В английском языке толерантность – «готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь», во французском – «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов». В китайском языке быть толерантным значит «позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других». В арабском толерантность – «прощение, снисхождение, мягкость, снисходительность, сострадание, благосклонность, терпение... расположенность к другим», в персидском – «терпение, терпимость, выносливость, готовность к примирению».

Психологический смысл толерантности наиболее полно отражен в англо-русском психологическом словаре: приобретенная устойчивость; устойчивость к неопределенности; этническая устойчивость; предел выносливости человека; устойчивость к стрессу; устойчивость к конфликту; устойчивость к поведенческим отклонениям [1].

В «Философском энциклопедическом словаре» толерантность определяется как «терпимость к иного рода взглядам». Таковая является «признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другой точкой зрения и не избегает духовной конкуренции». Это пояснение свидетельствует об активной позиции личности в таких процессах, как:

- осознание и признание своего «Я» (позиций, взглядов, мировоззрения) и позиции другого (гностический уровень);
- определение тактики поведения и диалога с другими (конструктивный уровень);
- взаимодействие с другими при абсолютной автоматизации (быть с другими и сохранять свое «Я») (деятельностный уровень);
- анализ результатов взаимодействия (аналитико-результативный уровень) [2].

В процессе проведения нашего эмпирического исследования мы выявляли наличие взаимосвязи толерантности и уровня эмоционального выгорания. В исследовании приняло участие 48 педагогов-психологов дошкольных образовательных учреждений г. Минска.

Термин «эмоциональное выгорание» впервые введен в оборот американским психологом Фреденбергом. В 1974 г. он описал феномен, который наблюдал у себя и своих коллег (истощение, потеря мотивации и ответственности) и назвал его запоминающейся метафорой – выгорание. До сих пор им обозначается психическое состояние людей, интенсивно и тесно общающихся с другими. Изначально Фреденберг занес в эту группу специалистов, работающих в кризисных центрах и психиатрических клиниках, позже она объединила все профессии, предполагающие постоянное, тесное общение («человек – человек»).

Другой основоположник идеи выгорания – Кристина Маслач – социальный психолог, определила это понятие как синдром физического и эмоционального истощения, включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе, утрату понимания и сочувствия по отношению к клиентам или пациентам.

Основные симптомы СЭВ:

- ухудшение отношений с коллегами и родственниками;
- нарастающий негативизм по отношению к пациентам (коллегам);
- злоупотребление алкоголем, никотином, кофеином;
- утрата чувства юмора, постоянное чувство неудачи и вины;
- повышенная раздражительность – и на работе, и дома;
- упорное желание переменить род занятий;
- рассеянность;
- нарушение сна;
- обостренная восприимчивость к инфекционным заболеваниям;
- повышенная утомляемость, чувство усталости на протяжении всего рабочего дня.

Феномен «эмоционального выгорания» был детализирован Маслач, Пельманом и Хартманом в 1982 г., в результате чего выделился его синдром. Последние из авторов, обобщив многие определения «выгорания», выделили три главных компонента: эмоциональное и/или физическое истощение, деперсонализация и сниженная рабочая продуктивность [3].

Эмоциональное истощение проявляется в ощущениях эмоционального перенапряжения и в чувстве опустошенности, истощенности своих эмоциональных ресурсов. Человек чувствует, что не может отдавать работе с таким же воодушевлением, как раньше.

Деперсонализация связана с возникновением равнодушного и даже негативного отношения к людям, с которыми работает специалист,

циничного отношения к труду и объектам своего труда. В частности, в социальной сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам, приходящим для лечения, консультации, получения образования и т. д. Контакты с ними становятся формальными, обезличенными. Возникающие негативные установки могут иметь поначалу скрытый характер и проявляться во внутренне сдерживаемом раздражении, которое со временем прорывается наружу и приводит к конфликтам.

Редукция профессиональных достижений – это возникновение у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней. Проявляется это в негативном восприятии себя как профессионала, недовольстве собой, негативном отношении к себе как к личности и, главное, формальном выполнении профессиональных обязанностей.

Наше эмпирическое исследование проводилось с использованием следующих диагностических методик: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатов, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова) и опросника психического выгорания для работников социальных профессий (В. Е. Орёл, И. Г. Сенин).

По результатам обработки полученных данных, высокий уровень толерантности показали 16% испытуемых, низкий – 0% испытуемых и 84% респондентов показали средний уровень толерантности.

По опроснику психического выгорания были выявлены следующие результаты: у 6% опрошенных наблюдаются чувства усталости и эмоциональной пустоты, депрессивного настроения и только 3% опрошенных могут продуктивно работать длительное время, не испытывая усталости.

У 91% психологов выявилось нежелание взаимодействовать с окружающими людьми. По шкале «редукция профессиональных достижений» у 100% психологов, принявших участие в опросе, выявлен интерес к работе. Это говорит об их высокой творческой активности и продуктивности работы.

С целью выявления взаимосвязи между изучаемыми явлениями использовался расчет ранговой корреляции Спирмена в системе Statistica 6.0. Исходя из полученных результатов, можно констатировать наличие статистически значимой положительной взаимосвязи между деперсонализацией и толерантностью ($r = -0,40$; $p < 0,05$), т. е. чем ниже уровень толерантности, тем выше показатели деперсонализации. Также

выявилась статистически значимая взаимосвязь между редукцией профессиональных достижений и толерантности ($r = 0,35$; $p < 0,05$), которая объясняет, что при повышении уровня толерантности личности появляется тенденция к динамике редукции профессиональных достижений.

Такие результаты можно объяснить тем, что люди с высоким уровнем толерантности характеризуются стремлением проанализировать возможные пути избегания межличностного конфликта за счет поиска конструктивного компромисса и адекватного распределения ответственности за последствия каких-то совместных действий уже на этапе их планирования в сфере межличностных взаимоотношений и взаимодействий за счет личностного преодоления психологических и, прежде всего, смысловых барьеров, социальных стереотипов, приводящих к неприятию права другого на инакомыслие. Это может привести к нивелировке мнений, неспособности содержательно и четко отстаивать правоту своей точки зрения, социальному конформизму. В последующем это может проявляться в негативном восприятии себя как профессионала, недовольстве собой, негативном отношении к себе как к личности и приводить к эмоциональному выгоранию специалиста.

В целом результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что профессиональная деятельность работников сферы образования несет потенциальную угрозу развития синдрома эмоционального выгорания (более 70% респондентов имеют различной степени выраженности признаки синдрома выгорания).

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Е. М. Семёнова.

Литература

1. Асмолов, А. Г. О смыслах понятия «толерантность» / А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова // Век толерантности : научно-публицистический вестник. М. : МГУ, 2001. С. 8–18.
2. Погодина, А. А. Толерантность: термин, позиция. Смысл, программа / А. А. Погодина // Первое сентября. 2002. 16–22 марта. № 11. С. 5.
3. Орел, В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования / В. Е. Орел // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 90–101.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

А. О. Созорова

Томский государственный педагогический университет

Творчество – далеко не новый предмет исследования. Оно привлекало внимание мыслителей всех эпох. Существуют разные подходы к определению творчества. По мнению К. Р. Роджерса, творческий процесс – это деятельность, направленная на создание нового продукта, вырастающего, с одной стороны, из уникальности индивида, а с другой – обусловленного материалом, событиями, людьми, обстоятельствами жизни [1]. Г. Уоллес в 1926 г. выделил 4 стадии творческого процесса:

1. Подготовка (сознательная работа) – формулирование задачи и попытки ее решения.

2. Инкубация (бессознательная работа) – временное отвлечение от задачи.

3. Озарение (инсайт, переход бессознательного в сознание) – появление интуитивного решения.

4. Проверка (сознательная работа) – завершение, испытание, формализация, развитие решения [2].

Еще Г. Гельмгольц в 1890 г. и А. Пуанкаре в 1908 г. заявили о значимости бессознательной работы в творческом процессе. Их наблюдения и выводы были учтены Г. Уоллесом при создании его знаменитой схемы, которая впоследствии претерпела лишь незначительные модификации.

К. Г. Юнг выделяет 2 типа творческого процесса – интровертированный и экстравертированный. Интровертированный тип творчества характеризуется утверждением субъекта (автора) в его сознательных намерениях и целях. В этом случае автор владеет материалом и подчиняет его своему намерению, действуя по заранее намеченному плану и с определенной целью. При экстравертированном типе творчества автор подчинен творческому продукту. Здесь продукт является неким живым существом, которое пользуется автором как своим рупором, чтобы дойти до сознания человечества. При этом условный автор является объектом действующих в нем бессознательных сил [3]. Как правило, наибольший интерес у исследователей вызывает третья стадия творческого процесса (т. н. инсайт), момент, когда бессознательное появляется

на пороге сознания. Но значимость предшествующих первой и второй стадий для интровертированного и экстравертированного типов творчества различна.

Исходя из определения интровертированного типа творчества, можно сделать вывод, что для него наиболее важной является первая стадия процесса – подготовка, сбор материала и сознательные попытки решения задачи. Вторая стадия (бессознательная работа) в этом типе может иметь минимальное значение. При этом продукт творчества не пострадает.

Если же речь идет об экстравертированном творчестве, то минимальное значение может иметь первая стадия творческого процесса (подготовка, сознательная работа над задачей). Вторая же стадия – бессознательная, наоборот, будет основной. Наиболее ощутимо это проявляется в творчестве художников-сюрреалистов и художников-абстракционистов. Автор может не предполагать, во что выльется его творческая работа, когда приступает к ней. В экстравертированном творчестве продукт живет своей жизнью и доминирует над сознанием условного автора.

По мнению Н. Роджерс, в каждом из нас есть «секретный сад», место, где живет наше подлинное Я. В этом саду могут быть как гнилые пни, так и прекрасные экзотические цветы. Материал этого сада и воплощается в творческих продуктах человека [4].

Поскольку в психике каждого человека, помимо личностного бессознательного, присутствует коллективное бессознательное, как утверждает К. Г. Юнг [5], то и источником творческого материала может быть как личностное бессознательное, так и коллективное бессознательное. Наиболее ярким примером отображения коллективного бессознательного в творческом продукте являются сказки. Но далеко не всегда представляется возможным определить, какое именно бессознательное задействовано в процессе создания того или иного конкретного творческого продукта.

Известны факты, когда некоторые композиторы и поэты слышали свои будущие произведения во сне. В это время бессознательное властвует над сознанием. А у людей с психическими расстройствами бессознательное часто доминирует над сознанием и вне сна. Поэтому их рисунки отражают образы бессознательного. Но, как правило, такие рисунки не имеют ни художественной идеи, ни художественной ценности, т. к. для последних необходимо наличие сознания в активном состоянии.

Для полноценного творческого процесса важно, чтобы сознание и бессознательное автора были в постоянной и тесной взаимосвязи. Более того, у конструктивно настроенного автора эта взаимосвязь всегда стремится к гармонии. Именно этого часто не хватает современному человеку, так называемой гармонии с собой. Но, благодаря активному развитию и широкому распространению психологии, можно надеяться, что талантливые творцы всегда будут радовать человечество своими шедеврами.

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Н. А. Буравлева.

Литература

1. Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Р. Роджерс ; пер. с англ. М. М. Исениной ; общ. ред. Е. И. Исениной. М. : Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК ; М. : ОЛМА-Пресс, 2003. 666 с.
3. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. СПб. : Питер, 2002. 352 с.
4. Роджерс, Н. Фасилитация творчества / Н. Роджерс ; пер. с англ. А. Б. Орлов, Д. Э. Ресина // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 64–73.
5. Юнг, К. Г. Аналитическая психология / К. Г. Юнг ; пер. с англ., ред. В. В. Зеленского. СПб. : МЦНК и Т «Кентавр», 1994. 136 с.
6. Пономарев, Я. А. Психология творчества / Я. А. Пономарев. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. 480 с.

ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЕКТ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

О. Н. Стариченко

Томский государственный университет

Сегодня политическим руководством России провозглашен курс на развитие малого предпринимательства, укрепления рыночной экономики, поскольку сектор малого предпринимательства создает социальную опору общественному устройству благодаря быстрому созданию новых рабочих мест, решая проблему занятости населения.

Предпринимательство характеризуется как особый, новаторский, антибюрократический стиль хозяйствования, в основе которого лежит постоянный поиск новых возможностей, ориентация на инновации, умение привлекать и использовать для решения поставленной задачи ресурсы из самых разнообразных источников. Это процесс, который включает в себя: поиск новых идей, постановку целей, их оценку и воплощение в новом предприятии, превращающем идеи в конкретный результат [3].

Личностно-профессиональное становление предпринимателя, в нем существенную роль играет проектирование как целенаправленная деятельность по обеспечению ресурсов и условий для осуществления профессиональных и жизненных планов. Жизненный проект – фундаментальная категория пространственно-временного анализа человеческой жизни. Он понимается как схема последовательных действий, направленных на достижение результата, так или иначе меняющего прежний уклад и качество жизни [1, 2].

Влияние сущностных характеристик жизненных проектов (такие как: четкость и адекватность целей, вовлеченность, сосредоточение внимания на ограниченном поле стимулов, восприятие процесса как самоцели) на личностно-профессиональное становление предпринимателя, в ситуации бизнес-старта выступило в качестве предмета нашего исследования.

В рамках реализации сетевого проекта «Разработка, апробация и внедрение комплекса программ и технологий диагностики и формирования мотивации к инновационной деятельности молодежи в системе непрерывного профессионального образования» в течение последних двух лет нами исследуется успешность реализации предпринимательской деятельности, на примере государственной программы по поддержке малого бизнеса «Первый шаг».

Целью исследования было изучение особенностей личностно-профессионального становления с учетом успешной реализации жизненных проектов предпринимателей, на примере участников программы «Первый шаг».

Гипотеза: особенности конструирования жизненных проектов, под которыми мы понимаем: четкость и адекватность целей; вовлеченность, сосредоточение внимания на ограниченном поле стимулов, восприятие процесса как самоцели, и высокий личностный потенциал способствует

успешной профессиональной деятельности предпринимателей в ситуации бизнес-старта.

Методологическим основанием проводимого нами исследования является теория мотивации потока, или концепция оптимального переживания М. Чиксентмихайи [4]. Мотивация потока понимается нами как специфическое состояние поглощенности деятельностью, абсолютной самоотдачи, вплоть до потери чувства времени. Внимание становится сфокусированным на ограниченном поле стимулов, цели деятельности предельно ясны, обратная связь поступает быстро и четко; поведение всецело захватывает, происходит концентрация сил на процессе, а результат деятельности отходит в сознании субъекта на второй план.

Мы основываемся также на акмеологическом подходе [1], который подразумевает, что профессиональное личностное становление включает в себя развитие как профессионального мастерства, выражающего интеграцию сформированных профессионально важных качеств личности в индивидуальный стиль деятельности, так и формирование личностной целостности, – приближение к пониманию и осуществлению смысла собственной жизни посредством самопознания и расширение круга интересов, изменения потребностей и актуализации роли мотивов достижения.

В исследовании были использованы следующие методики: структурированное интервью (на предмет мотивации потока), результаты которого были интерпретированы с помощью контент-анализа; методика удовлетворенности жизнью (Э. Диннер); тест жизнестойкости (адаптация опросника Hardiness Survey, С. Мадди); методика карьерных ориентаций (Э. Шейн); методика толерантность к неопределенности (в адаптации Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, Т. Ю. Прокофьева, О. А. Кравцова). Также учитывался возраст и пол респондентов, и успешность участия в государственной программе по поддержке малого бизнеса «Первый шаг».

Выборку исследования составили участники государственной программы по поддержке малого бизнеса «Первый шаг», в количестве 25 человек в возрасте от 21 до 51 года, среди которых 11 мужчин, 14 женщин. Все респонденты имеют опыт работы не менее 5 лет, и выражают желание заниматься предпринимательской деятельностью. Большинство респондентов имеют опыт в предпринимательской деятельности в качестве соучастников (исполнителей), соучредителей (долевое участие в бизнес-

проекте), владельцев (собственники). Исследование носило пилотажный характер, этим обусловлено малочисленность выборки. Однако выборка является репрезентативной, поскольку адекватно представляет все виды испытуемых, критерий минимизации повторов соблюден.

В ходе контент-анализа образовалось две выборки респондентов: первая выборка респондентов представляет группу «вне потока», и характеризуется: нереалистичным уровнем представлений в виде завышенных ожиданий, отсутствием сфокусированности на самом процессе, низкой поглощенностью и высокой центрированностью на результате деятельности, т.е. материальной выгоде, власти, а также отсутствием динамичности, гибкости, и умения пересмотреть свои мотивации, зависимостью от внешних обстоятельств. Вторая выборка представляет группу респондентов «с мотивацией потока» и характеризуется активностью, инициативностью с высокими показателями вовлеченности и фокусированием на самом процессе деятельности, предприимчивостью и независимостью от внешних обстоятельств.

В рамках исследования была экспериментально установлена зависимость успешности профессиональной деятельности предпринимателей и мотивацией потока, как особенностью конструирования жизненного проекта. У предпринимателей, имеющих четкость и адекватность целей; вовлеченность, сосредоточение внимания на ограниченном поле стимулов, поглощенность деятельностью, восприятие процесса как самоцели успешность профессиональной деятельности гораздо выше, чем у предпринимателей с низкой мотивацией потока. Это также доказывают независимые результаты победителей программы «Первый шаг», – предприниматели с мотивацией потока – абсолютное большинство являются победителями данной программы.

Было статистически доказано отсутствие однозначной зависимости между успешной реализацией профессиональной деятельности предпринимателей и такими характеристиками личностного потенциала, как удовлетворенность жизнью, жизнестойкость и толерантность к неопределенности. Мы полагаем, что личностный потенциал определяет скорее стратегии реализации, нежели успешность предпринимательской деятельности.

Учет мотивации потока может быть использован в практике профессионального отбора для участников различных предпринимательских и инновационных программ. Поэтому вектор нашей дальнейшей

работы направлен на усовершенствование методики по выявлению мотивации потока.

Научный руководитель: д-р психол. наук, профессор С. А. Богомаз.

Литература

1. Бодалев, А. А. Вершина развития взрослого человека: характеристика и условия достижения / А. А. Бодалев. М. : Флинта; Наука, 1998. 240 с.
2. Деркач, А. А. Психология развития профессионализма / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, А. К. Маркова. М. : РАГС, 2000. 125 с.
3. Кульбида, Н. Н. Личностные детерминанты успешной профессиональной подготовки будущих предпринимателей : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. Н. Кульбида. Киев, 2005. 174 с.
4. *Chiksentmihalyi Mihaly. Flow: The Psychology of Optimal Experience. Harper Perennial Modern Classics, 2008.*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ГРУППЫ КАК МАРКЕР ЕЕ УСПЕШНОСТИ

А. К. Стремлина

Томский государственный педагогический университет

Психологии малых групп посвящено огромное количество работ. В настоящее время выдвинуто ряд определений и классификаций малой группы, обозначены критерии формирования и развития таких групп. Тем не менее, интерес к этой проблеме по-прежнему сохранился на достаточно высоком уровне.

Студенческая группа является ярким примером малой группы, в связи с этим для нее характерны все ее особенности. Одной из важных целей студенческого коллектива является содействие подготовке каждого его члена к предстоящей профессиональной деятельности, влияние на формирование необходимых для этого личностных качеств [1].

Студенческий коллектив отличается от других следующими особенностями [2]:

- основным видом деятельности (ученье, направленное на получение высшего образования);
- однородностью состава по возрасту;

- стабильностью состава;
- строгой последовательностью и планомерностью учебной работы;
- сравнительно высокой степенью самоуправления (староста группы, профгруппорг);
- единством цели – стремление членов коллектива приобрести специальность.

Психология студенческого коллектива включает как общую атмосферу его жизни и деятельности, так и взаимоотношения, общественное мнение, коллективное настроение, традиции и т. д. Студенческий коллектив характеризуется социальной направленностью на овладение профессией, общностью социально обусловленных потребностей, интересов, целей и задач, перспектив и обязательств, предусматривающих достижение высоких результатов в учебной и другой деятельности, наличием общих дел, в которых принимают участие все члены группы, отношением членов коллектива к избранной профессии как к призванию, определенным уровнем сплоченности [3].

В рамках своего исследования я изучала взаимосвязь между психологическим профилем студенческих групп и их успешностью в учебной и внеучебной деятельности.

Исследование проходило на базе ТГПУ с участием студентов педагогического факультета и ФПСОР, включало три этапа:

1 этап – определение психологического профиля студенческой группы по микроклимату; индексу групповой сплоченности Сисшора; социальной эмпатии; уровню социальной фрустрированности Л. И. Вассермана; степени субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона.

2 этап – изучение успешности студенческих групп в учебной и внеучебной деятельности.

3 этап – исследование взаимосвязи психологического профиля группы и ее успешности в учебной и внеучебной деятельности.

В эмпирическом исследовании участвовали 4 студенческие группы, которые для удобства были обозначены как А, Б, В, Г.

Используя методику диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона, установили, что в группе А студенты имели либо средний, либо низкий уровень одиночества, в группах Б, В и Г большинство студентов имели низкий уровень одиночества. Во всех исследуемых группах у студентов отсутствовала

высокая степень ощущения одиночества. Следовательно, большинство обследованных студентов имели низкую степень одиночества.

Применяя методику диагностики социальной эмпатии, определили что в группе А преобладал средний индекс эмпатийности, в группе Б показатели разделились пополам между низким и средним уровнем, в группах В и Г у большинства студентов был низкий индекс эмпатийности. Таким образом, исследуемые группы различались между собой по эмпатийности, так в группе А преобладал средний индекс, а в группах В и Г – низкий.

Используя методику диагностики социальной фрустрированности Л.И. Вассермана, обнаружили низкий уровень фрустрированности в группах А, Б и Г. В группе В в отношении фрустрированности было выявлено несколько тенденций: 1) неопределенный уровень; 2) низкий уровень; 3) отсутствует.

Таким образом, можно сказать что в большинстве групп студенты прошедшие тестирование не испытывали психического напряжения. Наиболее удачной в плане фрустрированности является группа Г.

Применяя методику Сихора, получили, что в группах А, Б и В у большинства студентов уровень групповой сплоченности выше среднего, в группе Г – средний уровень. Таким образом, у всех исследуемых групп уровень групповой сплоченности выше среднего.

Анализируя результаты, полученные при определении степени сплоченности коллектива, можно сказать, что только группа Б достигла уровня коллективизма, а группа Г близка к нему, а остальные группы находятся на промежуточном уровне. Итак, исследуемые группы находятся на разных уровнях сформированности коллектива.

По результатам исследования успешности групп (оценка показателя производилась в баллах – от 1 до 10) в учебной и внеучебной деятельности выявили, что учебная деятельность более успешна у групп Б и Г. Во внеучебной деятельности по ряду позиций также впереди группы Б и Г. Группы А и В показывают по учебной и внеучебной деятельности достаточно низкие показатели, особенно в отношении участия в спортивных и культурно-массовых мероприятиях. Полученные результаты свидетельствуют о разной успешности групп в учебной и внеучебной деятельности. Более успешной группой является группа Б.

Сопоставляя данные первого и второго этапов, можно проследить четкую взаимосвязь между психологическим профилем группы и ее

успешностью в учебной и внеучебной деятельности. Так психологически благоприятный микроклимат в группе Б сочетается с успешностью в учебной и внеучебной деятельности. Менее благоприятный психологический климат в группах А и В сочетается с меньшей успешностью групп в учебной и внеучебной деятельности.

Научный руководитель: канд. биол. наук, доцент Е. В. Гребенникова.

Литература

1. Агеев, В. С. Психология межгрупповых отношений / В. С. Агеев. М., 1983. 235 с.
2. Кричевский, Р. Л. Психология малой группы / Р. Л. Кричевский. М., 1991. 264 с.
3. Андреева, Г. М. Социальная психология : учебник / Г. М. Андреева. М., 2001. 378 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ПОДРОСТКОВ ИЗ БЛАГОПОЛУЧНЫХ И НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

Н. Я. Толстыко, Е. М. Семёнова

*Филиал Российского государственного социального
университета в г. Минске (Республика Беларусь)*

С жизненными трудностями люди встречаются на всем протяжении индивидуального жизненного пути. В настоящее время – в период кризиса, как социальной сферы, так и экономической – количество трудных ситуаций значительно возросло: это интенсификация эмоциональных нагрузок и изменений организации жизнедеятельности, ситуации финансовой неустойчивости. Трудные жизненные ситуации приводят к нарушению деятельности, сложившихся отношений, порождают отрицательные эмоции, переживания, вызывают дискомфорт. Все это имеет неблагоприятные последствия для развития личности.

К сожалению, в последние годы число семей, относящихся к «группе риска» по факторам семейного неблагополучия растет. Актуальность проблемы семейного неблагополучия стала очевидна не только для специалистов системы образования и социальной защиты, но и для всего общества в целом.

Семья имеет важнейшее значение на всех этапах формирования личности ребенка. При этом роль семьи не может быть компенсирована никакими другими институтами социализации. Роль семьи является ведущей в умственном, физическом, эмоциональном развитии ребенка, в формировании его ожиданий и притязаний, а также успешности их реализации в развитии и саморазвитии формирующейся личности. Именно сложившаяся в семье атмосфера способна оказать существенное воздействие на личностное становление воспитывающихся в ней детей [1].

В формировании самосознания подростков значительную роль играет семья, стиль семейного воспитания, определяемый родительскими ценностными ориентациями, установками, эмоциональным отношением к ребенку. Особенности восприятия родителей ребенком и способы поведения с ними обуславливают усвоение подростками основных правил и норм поведения, вырабатывают их позицию по отношению к миру и самому себе.

Находясь в условиях неблагополучной семьи с самого момента своего рождения, ребенок порой воспринимает такое положение как должное, постоянное и неизменное, что еще в большей степени способствует усугублению и развитию его асоциальности, социально-педагогическому и психологическому отставанию [2].

Сила переживания человеком стрессовых ситуаций зависит от того, как эти события и обстоятельства им воспринимаются и интерпретируются. Дети не могут регулировать силу переживаний. Переживания стрессовых ситуаций оставляют значимый след в психике ребенка, и чем он меньше, тем сильнее могут быть последствия переживаний. Накопление стрессовых ситуаций со временем либо приводит ко многим проблемам, либо помогает обрести гибкость, что зависит от возраста человека и его умения противостоять трудностям.

Понятие «жизнестойкость» (hardiness), введенное Сьюзен Кобейса и американским психологом Сальваторе Мадди, представляет собой систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром [3]. Это диспозиция, включающая в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска.

Выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания (hardy coping) со стрессами и восприятия их как менее значимых.

Вовлеченность (commitment) определяется как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности» (Maddi, 1998). Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности.

Контроль (control) представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Человек с сильно развитым компонентом контроля ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь.

Принятие риска (challenge) – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счёт знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование [4].

С. Мадди (Maddi, 1998) подчеркивает важность выраженности всех трех компонентов для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессогенных условиях.

Понятие «жизнестойкость» отражает психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, а также является показателем психического здоровья человека. Сальваторе Мадди рассматривает развитие личностных установок, включаемых им в понятие «жизнестойкость» (hardiness), что могло бы стать основой для более позитивного мироощущения человека, повышения качества жизни, превратить препятствия и стрессы в источник роста и развития.

Гипотеза нашего исследования была следующая: существуют различия в проявлении жизнестойкости у подростков из благополучных и неблагополучных семей.

Эмпирическое исследование проводилось на базе государственного учреждения «Территориальный центр социального обслуживания населения Минского района» и ГУО «Средняя общеобразовательная школа № 159 г. Минска». Выборка исследования составила 60 человек – 30 подростков из благополучных семей и 30 подростков из неблагополучных семей.

Для выявления степени жизнестойкости подростков из благополучных и неблагополучных семей мы использовали тест жизнестойкости (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова) [4]. На основе первичных эмпирических данных были получены следующие количественные показатели:

- высокий уровень жизнестойкости продемонстрировали 11 подростков из благополучных семей, что соответствует 37% от всей выборочной совокупности;
- среднему показателю жизнестойкости соответствует 47% подростков из благополучных семей (14 человек);
- низкий уровень жизнестойкости у 5 подростков, что соответствует 16% от выборки подростков из благополучных семей;
- высокий уровень жизнестойкости у подростков из неблагополучных семей по результатам обследования не был выявлен;
- средний уровень жизнестойкости у 7 подростков из неблагополучных семей – 23% от выборочной совокупности;
- низкий уровень жизнестойкости у 77% подростков из неблагополучных семей (23 человека).

Все компоненты жизнестойкости – вовлеченность, контроль и принятие риска – у подростков из неблагополучных семей оказались ниже, чем у подростков из благополучных семей.

Высокий уровень вовлеченности (убеждение в том, что только благодаря своей активности человек находит в мире интересное) выявлен у 27% подростков из благополучных семей, в то время как у подростков из неблагополучных семей высокие показатели вовлеченности продемонстрировали 3% от выборочной совокупности. Это говорит о том, что только 1 подросток из 30, воспитывающийся в неблагополучной семье, убежден, что только благодаря своей активности человек находит в мире интересное. Низкие показатели вовлеченности, которые порождают чувство отверженности, ощущение себя «вне» жизни выявлены у 30% подростков из благополучных семей и у 87% подростков из неблагополучных семей.

Высокий уровень контроля (убежденность в контролируемости мира и своей способности добиться результата) был выявлен у 27% подростков из благополучных семей; у подростков из неблагополучных семей высокий уровень контроля не обнаружен. Низкие показатели контроля обнаружены у 23% подростков из благополучных семей и у 70% подростков, воспитывающихся в неблагополучных семьях, что свидетель-

ствует об их убежденности в неконтролируемости мира и своей неспособности добиться результата.

Высокий уровень принятия риска (готовность действовать вопреки неопределенности ситуации и угрозе, и извлекать опыт из любых ситуаций – неважно, позитивных или негативных) продемонстрировали 47% подростков из благополучных семей и 13% подростков из неблагополучных семей. Низкого уровня компонента «принятие риска» у подростков из благополучных семей выявлено не было. В то же время у 17% подростков из неблагополучных семей выявился низкий уровень принятия риска, т.е. им характерны мечты о размеренной спокойной жизни, сожаления о прошлом, ощущение того, что жизнь проходит мимо, раздражительность по поводу жизненных перемен.

Для выявления различий жизнестойкости у подростков из благополучных семей и неблагополучных семей нами использовался статистический *U*-критерий Манна – Уитни. Расчет показал наличие различий по показателям жизнестойкости подростков ($p = 0,000001$), что свидетельствует о том, что жизнестойкость подростков из благополучных семей на статистически значимом уровне выше, чем у подростков из неблагополучных семей.

Жизнестойкость, как и ее компоненты, развиваются в детстве и отчасти в подростковом возрасте, их развитие решающим образом зависит от отношений родителей с ребенком – принципиально важно принятие и поддержка, любовь и одобрение со стороны родителей. В частности, для развития компонента контроля важна поддержка инициативы ребенка, его стремления справляться с задачами все возрастающей сложности. Для развития жизнестойкости важно богатство впечатлений, особенно положительных, что не характерно для семьи с неблагоприятными для развития подростков средой.

Литература

1. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология : учебное пособие / Л. Б. Шнейдер. М. : Академический Проект; Деловая книга, 2006. 768 с.
2. Гигевич, С. В. Социально-психологические особенности неблагополучных семей / С. В. Гигевич // Сацыяльна-педагагічная работа (навукова-метадычны і інфармацыйны часопіс). Минск, 2007. № 12. С. 46–47.
3. Данилова, Е. Е. Жизненная стойкость и психическое / Е. Е. Данилова // Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / под ред. И. В. Дубровиной. М. : Академии, 1994. С. 113–126.

ГЕНЕЗИС ЭМОЦИЙ ЧЕЛОВЕКА И ИХ СВЯЗЬ С ИНТЕЛЛЕКТОМ

Л. Урбанович

Томский государственный педагогический университет

Эмоции – самая интересная, яркая и разнообразная область человеческой психики. Без них немислим ни один аспект жизнедеятельности людей. Любовь, самоуважение, гордость, честь, мужество, симпатия, совесть, привязанность, достоинство – все эти общечеловеческие ценности основаны на эмоциях. Если бы мы относились к ним равнодушно, они не были бы ценностями, ведь для того, чтобы ценить что-то, нужно относиться к этому эмоционально – любить, радоваться, интересоваться или гордиться. Каждый из нас, появляясь в этом мире, уже умеет чувствовать и выражать свои эмоции, хотя до определенного времени не умеет ходить, говорить, размышлять.

Понимание эмоций – ключ к пониманию личности. Эмоции – особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний, ощущений приятного или неприятного, отношения человека к миру и людям, процесс и результаты его практической деятельности. К классу эмоций относятся настроения, чувства, аффекты, страсти, стрессы.

У человека главная функция эмоций состоит в том, что благодаря эмоциям мы лучше понимаем друг друга, можем, не пользуясь речью, судить о состояниях друг друга и лучше преднастраиваться на совместную деятельность и общение.

Жизнь без эмоций так же невозможна, как и без ощущений. Эмоции, утверждал знаменитый естествоиспытатель Ч. Дарвин, возникли в процессе эволюции как средство, при помощи которого живые существа устанавливают значимость тех или иных условий для удовлетворения актуальных для них потребностей. Эмоционально-выразительные движения человека – мимика, жесты, пантомимика – выполняют функцию общения, т. е. сообщения человеку информации о состоянии говоряще-

го и его отношении к тому, что в данный момент происходит, а также функцию воздействия – оказания определенного влияния на того, кто является субъектом восприятия эмоционально-выразительных движений. Интерпретация таких движений воспринимающим человеком происходит на основании соотнесения движения с контекстом, в котором идет общение.

У высших животных, и особенно у человека, выразительные движения стали тонко дифференцированным языком, с помощью которого живые существа обмениваются информацией о своих состояниях и о том, что происходит вокруг. Это – экспрессивная и коммуникативная функции эмоций. Они же являются важнейшим фактором регуляции процессов познания.

Эмоции выступают как внутренний язык, как система сигналов, посредством которой субъект узнает о потребностной значимости происходящего.

Особенность эмоций состоит в том, что они непосредственно отражают отношения между мотивами и реализацией отвечающей этим мотивам деятельности. Эмоции в деятельности человека выполняют функцию оценки ее хода и результатов. Они организуют деятельность, стимулируя и направляя ее.

В критических условиях при неспособности субъекта найти быстрый и разумный выход из опасной ситуации возникает особый вид эмоциональных процессов-аффект. Одно из существенных проявлений аффекта состоит в том, что он, «навязывая субъекту стереотипные действия, представляет собой определенный закрепившийся в эволюции способ „аварийного“ разрешения ситуаций: бегство, оцепенение, агрессию и т. п.». Эмоциональные ощущения биологически, в процессе эволюции закрепились как своеобразный способ поддержания жизненного процесса в его оптимальных границах и предупреждают о разрушающем характере недостатка или избытка каких-либо факторов.

Чем более сложно организовано живое существо, чем более высокую ступень на эволюционной лестнице оно занимает, тем богаче та гамма всевозможных эмоциональных состояний, которые оно способно переживать. Количество и качество потребностей человека в общем и целом соответствует числу и разнообразию характерных для него эмоциональных переживаний и чувств, причем чем выше потребность по своей социальной и нравственной значимости, тем возвышеннее связанное с ней

чувство. Самая старая по происхождению, простейшая и наиболее распространенная среди живых существ форма эмоциональных переживаний – это удовольствие, получаемое от удовлетворения органических потребностей, и неудовольствие, связанное с невозможностью это сделать при обострении соответствующей потребности. Практически все элементарные органические ощущения имеют свой эмоциональный тон. О тесной связи, которая существует между эмоциями и деятельностью организма, говорит тот факт, что всякое эмоциональное состояние сопровождается многими со специфическими эмоциями предпринимались неоднократно и были направлены на то, чтобы доказать, что комплексы органических изменений, которые сопровождают различные субъективно переживаемые эмоциональные состояния, различны. Однако четко установить, какие из субъективно данных нам как неодинаковые эмоциональные переживания какими органическими изменениями сопровождаются, так и не удалось. Это обстоятельство является существенным для понимания жизненной роли эмоций. Оно говорит о том, что наши субъективные переживания не являются непосредственным, прямым отражением собственных органических процессов. С особенностями переживаемых нами эмоциональных состояний связаны, вероятно, не столько сопровождающие их органические изменения, сколько возникающие при этом ощущения. Тем не менее, определенная зависимость между спецификой эмоциональных ощущений и органическими реакциями все же имеется. Она выражается в виде следующей, получившей экспериментальное подтверждение связи: чем ближе к центральной нервной системе расположен источник органических изменений, связанных с эмоциями, и чем меньше в нем чувствительных нервных окончаний, тем слабее возникающее при этом субъективное эмоциональное переживание. Кроме того, искусственное понижение органической чувствительности приводит к ослаблению силы эмоциональных переживаний.

Основные эмоциональные состояния, которые испытывает человек, делятся на собственно эмоции, чувства и аффекты. Эмоции и чувства предвосхищают процесс, направленный на удовлетворение потребности, имеют идеаторный характер и находятся как бы в начале его. Эмоции и чувства выражают смысл ситуации для человека с точки зрения актуальной в данный момент потребности, значение для ее удовлетворения предстоящего действия или деятельности. Эмоции могут вызываться как реальными, так и воображаемыми ситуациями. Они,

как и чувства, воспринимаются человеком в качестве его собственных внутренних переживаний, передаются другим людям, сопереживаются. Эмоции относительно слабо проявляются во внешнем поведении, иногда извне вообще незаметны для постороннего лица, если человек умеет хорошо скрывать свои чувства. Они, сопровождая тот или иной поведенческий акт, даже не всегда осознаются, хотя всякое поведение, как мы выяснили, связано с эмоциями, поскольку направлено на удовлетворение потребности. Эмоциональный опыт человека обычно гораздо шире, чем опыт его индивидуальных переживаний. Чувства человека, напротив, внешне весьма заметны.

Эмоции, какими бы разными они ни казались, неотделимы от личности. То, что радует человека, что его интересует, повергает в уныние, волнует; что представляется ему смешным, более всего характеризует его сущность, его характер, индивидуальность.

С. Л. Рубинштейн считал, что в эмоциональных проявлениях личности можно выделить три сферы: ее органическую жизнь, ее интересы материального порядка и ее духовные, нравственные потребности. Он обозначил их соответственно как органическую (аффективно-эмоциональную) чувствительность, предметные чувства и обобщенные мировоззренческие чувства. К аффективно-эмоциональной чувствительности относятся, по его мнению, элементарные удовольствия и неудовольствия, преимущественно связанные с удовлетворением органических потребностей. Предметные чувства связаны с обладанием определенными предметами и занятиями отдельными видами деятельности. Эти чувства соответственно их предметам подразделяются на материальные, интеллектуальные и эстетические. Они проявляются в восхищении одними предметами, людьми и видами деятельности и в отвращении к другим. Мировоззренческие чувства связаны с моралью и отношениями человека к миру, людям, социальным событиям, нравственным категориям и ценностям.

Эмоции человека прежде всего связаны с его потребностями. Они отражают состояние, процесс и результат удовлетворения потребности. Эту мысль неоднократно подчеркивали практически все без исключения исследователи эмоций, независимо от того, каких теорий они придерживались. По эмоциям, считали они, можно определенно судить о том, что в данный момент времени волнует человека, т. е. о том, какие потребности и интересы являются для него актуальными. Люди как личности

в эмоциональном плане отличаются друг от друга по многим параметрам: эмоциональной возбудимости, длительности и устойчивости возникающих у них эмоциональных переживаний, доминированию положительных (стенических) или отрицательных (астенических) эмоций. Но более всего эмоциональная сфера развитых личностей различается по силе и глубине чувств, а также по их содержанию и предметной отнесенности.

Эмоции человека проявляются во всех видах человеческой деятельности и особенно в художественном творчестве. Собственная эмоциональная сфера художника отражается в выборе сюжетов, в манере письма, в способе разработки избранных тем и сюжетов. Все это вместе взятое составляет индивидуальное своеобразие художника. Эмоции входят во многие психологически сложные состояния человека, выступая как их органическая часть. Такими комплексными состояниями, включающими мышление, отношение и эмоции, являются юмор, ирония, сатира и сарказм, которые также можно трактовать как виды творчества, если они приобретают художественную форму. По мере того как развивается эмоциональный фон у человека, развивается и его интеллектуальная структура. Развитие эмоции, как отмечают А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович и др., тесно связано с развитием мотивов поведения, с появлением у ребенка новых потребностей и интересов. На протяжении детства происходит не только глубокая перестройка органических потребностей, но и усвоение создаваемых обществом материальных и духовных ценностей, которые при определенных условиях становятся содержанием внутренних побуждений детской личности. Однако, эмоции не только выражают те или иные особенности мотивации поведения ребенка, но и играют существенную роль в реализации этих мотивов. Ж. Пиаже справедливо указывает на то, что когнитивная и эмоциональная регуляция действий проходят прогрессивный путь развития на протяжении детства, согласуясь и дополняя друг друга. Значительно больший диапазон индивидуальных различий в характере эмоциональных процессов по сравнению с особенностями процессов познавательных, по-видимому, объясняется различием природы, а также функции аффекта и интеллекта. Если, согласно Ж. Пиаже, можно представить себе прогресс детского интеллекта как процесс децентрации, процесс перехода от субъективной, эгоцентрической к объективной позиции, то придется признать, что в отличие от этого процессы эмоциональные на всех генетических стадиях сохраняют в какой-то мере централизованный ха-

ракти. Ведь и в состав условий того класса задач, которые могут быть отнесены к категории смысловых, мотивационно-эмоциональных, необходимо входит, как отмечает П. Я. Гальперин, сам субъект сего личностными особенностями, сего физическими и духовными качествами и состояниями, с его возможностями и потребностями, со свойственным ему уровнем притязаний и самооценки. Несмотря на эти данные некоторые ученые считают, что способность распознавать эмоции даже по лицевой экспрессии не дана человеку от рождения. Известно, что маленькие дети неадекватно воспринимают эмоции других. Эта способность развивается в процессе формирования личности, но не одинаково в отношении разных эмоций. Легче всего распознается ужас, затем по степени убывания отвращение и удивление. Следовательно, пониманию эмоций надо учиться. Это наталкивает ряд ученых на мысль, что существует специальный вид интеллекта – эмоциональный. Конечным продуктом эмоционального интеллекта является принятие решений на основе отражения и осмысления эмоций, которые являются дифференцированной оценкой событий, имеющих личностный смысл. Эмоциональный интеллект продуцирует неочевидные способы активности для достижения целей и удовлетворения потребностей. В отличие от абстрактного и конкретного интеллекта, которые отражают закономерности внешнего мира, эмоциональный интеллект отражает внутренний мир и его связи с поведением личности и взаимодействием с реальностью.

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Л. В. Ахметова.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СПОСОБНОСТИ К ОБНАРУЖЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РАЗНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДАХ

М. В. Федосеева

Томский государственный университет

Развитие общества на сегодняшний день характеризуется все возрастающей динамичностью, изменением социального устройства и возникновением новых сфер и видов деятельности. В последнее время

огромное внимание уделяется вопросам инноваций и инновационных проектов, которые можно считать основой модернизации различных сфер жизнедеятельности. Руководство страны призывает к модернизации современной российской школы и предполагает создание нового типа личности, склонного и способного к введению инноваций [3].

Инновационное поведение осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов. Чувствительность к проблемам, которая заключается в способности к обнаружению и разрешению познавательных противоречий, предполагает «выход за пределы» и является одной из характеристик инновационного потенциала личности [1, 2].

Чувствительность к проблемам выступила в качестве предмета нашего исследования.

Целью исследования было выявление критериев выраженности феномена чувствительности к проблемам у молодых людей, имеющих различный опыт вовлечения в инновационную деятельность и обучающихся в разных образовательных средах.

Гипотеза: чувствительность к проблемам у учащихся будет выше в тех образовательных средах, которые ориентированы на развитие готовности и способности к включению в инновационную деятельность.

В исследовании были использованы следующие методики: методика «Золотоискатели» В.Е. Ключко; методика, основанная на «принципе киноленты» В.Е. Ключко; шкала толерантности к неопределенности MSTAT-I Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой; опросник «Стремление к изменениям»; опросник «Психологическая готовность к инновационному поведению» О.М. Краснорядцевой и В.Е. Ключко.

Данная работа является итогом двухлетних исследований, направленных на изучение особенностей чувствительности к проблемам в разных образовательных средах. Результатом исследования 2009 г. стало частичное подтверждение гипотезы о том, что уровень чувствительности к проблемам у студентов, вовлеченных в инновационную деятельность выше, чем у студентов, не имеющих опыта вовлечения в инновационную деятельность.

В рамках исследовательской программы 2010 г. нами была предпринята попытка по изучению особенностей чувствительности к проблемам у победителей программы «У.М.Н.И.К.» (19 человек). Целью программы «У.М.Н.И.К.» является выявление молодых ученых, стремящихся са-

мореализоваться через инновационную деятельность. Помимо этого, в качестве респондентов выступили студенты, обучающиеся в Томском государственном университете по специальности «Управление персоналом» на 4–5-х курсах (12 человек).

Был проведен сравнительный анализ особенностей чувствительности к проблемам у респондентов, вошедших в выборку исследования 2009 г. и у респондентов, участвовавших в исследовании в 2010 г. Сравнение проводилось между следующими группами испытуемых: студенты, не имеющие опыта вовлечения в инновационную деятельность; студенты, вовлеченные в инновационную деятельность; студенты, обучающиеся по специальности «Управление персоналом», победители конкурса «У.М.Н.И.К.».

В рамках исследования была экспериментально установлена зависимость степени выраженности чувствительности к проблемам от уровня вовлеченности молодых людей в инновационную деятельность. У молодых людей, имеющих позитивный опыт инновационной деятельности чувствительность к проблемам выше, чем у молодых людей, не имеющих такого опыта. Для определенной части студентов, имеющих разный опыт вхождения в инновационную деятельность, характерны различные формы «ухода» от противоречий в ходе мыслительной деятельности.

Было статистически доказано отсутствие однозначной зависимости между чувствительностью к проблемам и такими характеристиками инновационного потенциала личности, как толерантность к неопределенности, стремление к изменениям и психологическая готовность к инновационной деятельности. Данный факт может свидетельствовать об отсутствии однозначной зависимости между ресурсными и поведенческо-деятельностными составляющими инновационного потенциала личности.

Также, в рамках исследовательской программы 2010 г. нами была предпринята попытка по изучению особенностей чувствительности к проблемам у девочек младшего школьного возраста, обучающихся по программе развивающего обучения (РО) в Мариинской гимназии-интернате. Девочки, обучающиеся по программе развивающего обучения, были выбраны в качестве респондентов по причине того, что в исследовании Е. В. Кочетовской было в свое время показано, что у детей, обучающихся по программе РО, чувствительность к проблемам значительно выше, чем у детей, обучающихся по традиционной программе.

Результаты исследования особенностей чувствительности к проблемам у девочек, обучающихся по программе развивающего обучения, свидетельствуют о преобладании у них низких показателей чувствительности к проблемам. Было обнаружено, что для девочек при столкновении с противоречием в ходе мыслительной деятельности характерны, в большей степени, реакции «ухода» и реакции, свидетельствующие о неспособности к самостоятельному обнаружению и разрешению противоречия. Мы полагаем, что данный факт может выступать как свидетельством того, что развивающее обучение не способствует развитию чувствительности к проблемам у детей, так и свидетельством того, что в конкретном учебном заведении недостаточно проработана программа развивающего обучения. Для того, чтобы ответить на этот вопрос требуется разработка такой исследовательской программы, которая позволила бы провести более детальный анализ взаимосвязи чувствительности к проблемам с типами образовательных программ, используемых в различных общеобразовательных учреждениях.

Вектор своей дальнейшей работы мы хотели бы направить на разработку и апробацию диагностической и психолого-образовательной программы, направленной на изучение и развитие чувствительности к проблемам, как одной из диспозиционных характеристик инновационного потенциала личности.

Научный руководитель: д-р психол. наук, профессор О. М. Краснорядцева.

Литература

1. Ключко, В. Е. Психология инновационного поведения / В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский. Томск : Томский государственный университет, 2009. 240 с.
2. Кочетовская, Е. В. Системная детерминация чувствительности к проблемам как развивающегося свойства личности : автореф. дис... канд. психол. наук / Е. В. Кочетовская. Барнаул, 1999. 162 с.
3. Хашир, А. А. Инновационный потенциал молодёжи России [Электронный ресурс] / А. А. Хашир. Режим доступа: <http://www.khashiraa.ru>

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ЛИЧНОСТИ

Ю. В. Чекрыгина

Томский государственный педагогический университет

Проблема эмоциональной культуры человека является актуальной на протяжении всей истории человеческого общества. Еще в Библии, в Книге Притчей, мы находим примеры эмоциональной мудрости человечества: «У глупого тотчас же выскажется гнев его, а благоразумный скрывает оскорбления» (12:15) [1].

Современные философы вслед за мыслителями древности подчеркивают актуальность проблемы развития эмоциональной компетентности – открытости человека своим эмоциональным переживаниям, связывая ее возможности с гармоничным взаимодействием сердца и разума, аффекта и интеллекта [2].

В отечественной психологии идея единства аффекта и интеллекта нашла свое отражение в трудах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева. Л. С. Выготский пришел к выводу о существовании динамической смысловой системы, представляющей собой единство аффективных и интеллектуальных процессов. Единство аффекта и интеллекта, по мнению классика психологии, обнаруживается, во-первых, во взаимосвязи и взаимовлиянии этих сторон психики на всех ступенях развития, во-вторых, в том, что эта связь является динамической, причем всякой ступени в развитии мышления соответствует своя ступень в развитии аффекта. С. Л. Рубинштейн, развивая идеи Л. С. Выготского, отмечал, что мышление уже само по себе является единством эмоционального и рационального.

Понятие «эмоциональный интеллект» было введено в 1990 г. П. Саловеем и Дж. Майером, которые описывали его как способность отслеживать свои эмоции, понимать их и управлять ими.

Сегодня, в свете большего освещения данного вопроса, выдвинуто еще ряд определений эмоционального интеллекта, в частности:

– эмоциональный интеллект – это способность действовать с внутренней средой своих чувств и желаний [3];

– эмоциональный интеллект – это способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза [4];

– эмоциональный интеллект – это способность эффективно контролировать эмоции и использовать их для улучшения мышления [5];

– эмоциональный интеллект – это совокупность эмоциональных, личных и социальных способностей, которые оказывают влияние на общую способность эффективно справляться с требованиями и давлением окружающей среды [6];

– эмоциональный интеллект – это эмоционально-интеллектуальная деятельность [7].

Обобщая представленные определения, можно сказать, что индивиды с высоким уровнем развития эмоционального интеллекта обладают выраженными способностями к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, а также к управлению эмоциональной сферой, что обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в общении.

Эмоциональный интеллект включает несколько структурных элементов, каждый из которых имеет определенное значение в процессе межличностного взаимодействия [8].

1. *Распознавание собственных эмоций.* Для эмоционального опыта субъекта и для его поведения важно, что переживание эмоции и название ее являются различными феноменами. Называние эмоции рассматривается как результат конструктивных процессов, которые трансформируют перцептивные переживания во внутренний опыт, модифицируя эти переживания. В связи с этим, можно обозначить три основные функции названия эмоций: закрепление опыта, межличностная коммуникация, эмоциональная экспрессия.

Таким образом, распознавание эмоций способствует более эффективной коммуникации, поскольку позволяет адекватно идентифицировать, описывать, перерабатывать, а в дальнейшем выражать эмоции.

2. *Владение эмоциями связано с проблемой самоконтроля.* Адекватная эмоциональная экспрессия является важным фактором поддержания физического и психического здоровья. Сдерживание эмоций способствует возникновению различных заболеваний. В то же время бесконтрольность эмоциональной экспрессии затрудняет межличностное общение. Следовательно, проблемы в сфере контроля эмоциональной экспрессии неблагоприятны не только для субъекта, но и для его ближайшего окружения.

Степень эмоциональной экспрессивности влияет на качество межличностных отношений. Так, чрезмерная сдержанность приводит к то-

му, что человек воспринимается как холодный, равнодушный, высокомерный, что вызывает у окружающих удивление или неприязнь.

3. *Понимание эмоций.* Самопонимание в целом носит эмоциональный, чувственный, эмпатический, а не рациональный характер. Следовательно, глубина самопонимания, прежде всего, обусловлена уровнем развития эмоциональных способностей, которое в свою очередь обеспечивает осознание эмоций.

Понимание эмоций взаимосвязано с возможностями их выражения. Овладение языком эмоций требует усвоения общепринятых в данной культуре форм их выражения, а также понимания индивидуальных проявлений эмоций у людей, с которыми человек живет и работает. Отметим, что понимание эмоций сложнее, чем их выражение.

4. *Понимание эмоций связано так же с уровнем развития эмпатии.* Согласно К. Роджерсу, эмпатический способ общения с другой личностью имеет несколько граней. Он подразумевает вхождение в личный мир другого и пребывание в нем «как дома». Он включает постоянную чувствительность к меняющимся переживаниям партнера по общению. Это напоминает временную жизнь другой жизнью, деликатное пребывание в ней без оценивания и осуждения. Это означает улавливание того, что другой едва осознает. Однако при этом отсутствуют попытки вскрыть неосознаваемые чувства, поскольку они могут оказаться травмирующими. Необходимо также сообщение ваших впечатлений о внутреннем мире другого, когда вы «смотрите свежим и спокойным взглядом» на те элементы, которые волнуют или пугают вашего собеседника. Быть эмпатичным – означает быть ответственным, активным, сильным и в то же время – тонким и чутким.

5. *Самотивация.* Эмоции обладают мотивирующей силой, заставляя людей действовать. Слово «эмоция» произошло от латинского глагола «*emovere*», что означает «двигаться». Эмоция – это средство, с помощью которого взаимодействуют тело и разум, они постоянно изменяются и «перемещаются». Так, если мы полностью функциональны и благополучны, они позитивны, если нет – эмоции «перемещаются» к негативному полюсу.

Таким образом, эмоциональный интеллект – совокупность эмоциональных и социальных способностей, таких, как способности к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, к управлению эмоциональной сферой и самотивации. Все структурные компоненты

эмоционального интеллекта взаимосвязаны, и их тесная взаимозависимость способствует эффективному межличностному взаимодействию.

Многие психологи рассматривают эмоциональный интеллект как устойчивую ментальную способность, часть обширного класса ментальных способностей; в частности, эмоциональный интеллект может рассматриваться как подструктура социального интеллекта.

Социальный интеллект, по мнению психологов, представляет собой способность правильно понимать поведение людей. Эта способность необходима для эффективного межличностного взаимодействия и успешной социальной адаптации [9].

Характеризуя концепцию социального интеллекта, можно выделить три группы, описывающих его критериев: когнитивные, эмоциональные и поведенческие [10]. Содержательно каждая из этих групп может быть представлена следующим образом:

Когнитивные: социальные знания (знания о людях, знание специальных правил, понимание других людей); социальная память (память на имена, лица); социальная интуиция (оценка чувств, определение настроения, понимание мотивов поступков других людей, способность адекватно воспринимать наблюдаемое поведение в рамках социального контекста); социальное прогнозирование (формулирование планов собственных действий, отслеживание своего развития, рефлексия собственного развития и оценка неиспользованных альтернативных возможностей).

Эмоциональные: социальная выразительность (эмоциональная выразительность, эмоциональная чувствительность, эмоциональный контроль); сопереживание (способность входить в положение других людей, ставить себя на место другого); способность к саморегуляции (умение регулировать собственные эмоции и собственное настроение).

Поведенческие: социальное восприятие (умение слушать собеседника, понимание юмора); социальное взаимодействие (способность и готовность работать совместно, способность к коллективному взаимодействию и как к высшему типу этого взаимодействия – коллективному творчеству); социальная адаптация (умение объяснять и убеждать других, способность уживаться с другими людьми, открытость в отношениях с окружающими).

В настоящее время существует потребность в дальнейшем исследовании феномена эмоционального интеллекта, его структуры, путей его развития, что откроет реальную возможность оптимизации взаимо-

отношений через более глубокое осознание эмоциональных процессов и состояний, возникающих между людьми в процессе межличностного взаимодействия. Развитие эмоционального интеллекта может рассматриваться как значимый фактор повышения психологической культуры общества в целом.

Научный руководитель: канд. биол. наук, доцент Е. В. Гребенникова.

Литература

1. Библия. Книги Ветхого Завета. М. : Рос. библейское общество, 1994. С. 648–682.
2. Слепкова, В. И. Развитие эмоциональной компетентности средствами психологического тренинга / В. И. Слепкова, Liet T. De Vries-Geervilet // Актуальные проблемы кризисной психологии : сб. науч. тр. Минск, 1997. С. 130–137.
3. Яковлева, Е. Л. Эмоциональные механизмы личностного и творческого развития / Е. Л. Яковлева // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 20–27.
4. Salovey, P. Some final thoughts about personality and intelligence / P. Salovey, J. D. Mayer // Personality and intelligence / J. Stenberg, P. Ruzlis (eds). Cambridge : Cambr. Univ. Press, 1994.
5. Mayer, J. D. Perceiving affective content in ambiguous visual stimuli: A component of emotional intelligence / J. D. Mayer, M. Di Paolo, P. Salovey // J. Pers. Assessment. 1990. Vol. 54, № 3, 4. P. 772–781.
6. Орме, Г. Эмоциональное мышление как инструмент достижения успеха / Г. Орме. М. : КСП+, 2003. С. 23–24.
7. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. СПб. : Питер, 2001. С. 242–244.
8. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена / И. Н. Андреева // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 78–86.
9. Михайлова (Алешина), Е. С. Методика исследования социального интеллекта. Руководство по использованию / Е. С. Михайлова (Алешина). СПб. : ГП «Иматон», 1996. С. 13–14.
10. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсин // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Ушакова, Д. В. Люсина. М., 2004. С. 29–39.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЙ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

А. Л. Черепанова, С. В. Цыремпилова

Томский государственный педагогический университет

Одной из важнейших проблем в современной психологии и дидактике является формирование мотивации учения. Актуальность ее

обусловлена совершенствованием системы образования, подготовкой к жизни людей, способных самостоятельно приобретать знания, формированием у них активной жизненной позиции и опыта творческой деятельности. Все большее значение в последнее время придается исследованиям мотивации деятельности, ориентированной на достижения.

Сущность мотивации, по мнению Л. И. Божович, это совокупность мотивов, которые определяют данную деятельность [1].

Мотивация есть процесс, увязывающий воедино личностные и ситуационные параметры на пути регуляции деятельности, направленной на преобразование предметной ситуации, для осуществления определенного предметного отношения личности к окружающей ситуации.

Мотивация – это процесс реализации мотивов. Одним из важных этапов в развитии личности является формирование мотивов достижения.

Мотив – от *лат. movere* – приводить в движение, толкать. Мотив есть высшая форма побуждения и регуляции деятельности, взаимодействия человека с окружающей средой.

Одним из видов мотивации, определяющих творческое, инициативное отношение человека к делу является мотивация достижения, которая направлена на возможно лучшее выполнение любого вида деятельности и ориентирована на достижение некоторого результата. Мотивация достижения проявляется в стремлении субъекта прилагать усилия и добиваться, возможно, лучших результатов в области, которую он считает важной (значимой) [2].

Мотив достижения и учебно-познавательные мотивы побуждаются и удовлетворяются в учебной деятельности безотносительно к межличностному взаимодействию и могут развиваться в любом возрасте, но в данной статье мы рассматриваем мотивацию достижения подростков.

Главным возрастным мотивом подростков является мотив достижения, который, как правило, связан со стремлением добиваться успеха, избегать неудач, с тем, чтобы повысить или сохранить самоуважение, самооценку, уважение окружающих.

Развитие мотива, баланс стремления к успеху и желание избегать неудач могут различаться: одни подростки больше стремятся к успеху, активно берутся за сложные проблемы, другие стараются сохранить уже достигнутое, не рисковать.

По Х. Хекхаузену, деятельность достижения определяется в ситуации, когда есть задача и стандарт ее выполнения [7].

Согласно Х. Хекхаузену, деятельность должна удовлетворять ряду условий:

1. Оставлять после себя осязаемый результат.
2. Оцениваться качественно или количественно.
3. Требования к оцениваемой деятельности не должны быть ни слишком низкими, ни слишком высокими.
4. Для оценки результатов деятельности должна иметься определенная сравнительная шкала и в рамках этой шкалы некий нормативный уровень, считающийся обязательным.
5. Деятельность должна быть желанной для субъекта и ее результат должен быть получен им самим [8].

Если присутствует одно или больше условий и нет признаков отсутствия остальных, наблюдатель воспринимает поступки другого как деятельность достижения.

Для ситуации достижения, по М. Ш. Магомед-Эминову, характерны аналогичные перечисленным особенности: наличие задачи, требующей индивидуального выполнения деятельности; возможность успешного или неуспешного выполнения деятельности; наличие стандартов мастерства выполнения (внешних и внутренних критериев оценки результата); переживание субъектом чувства собственной ответственности за исход действия; оценка результатов на основе сравнительной шкалы, заданной стандартом мастерства (самооценка, оценка со стороны других) [5].

Действенные мотивы достижения, мобилизирующие внутренние силы подростка для успешной работы, не только обеспечивают его активное включение в активный процесс, но и становятся достоянием личности подростка, устойчивым ее свойством.

Воздействие на мотивационную сферу подростков (развитие у них стремления улучшать свои результаты, превзойти достигнутый уровень) является одним из наиболее эффективных методических приемов формирования мотивации достижения. Подростки с высоким уровнем мотивации стремятся преодолению трудностей и добиваются больших результатов. В подростковом возрасте наиболее сильно проявляется желание обсудить что-либо со сверстниками. Кроме того, они используют малейший повод для того, чтобы как-то обратить на себя внимание, стать заметным среди других. Включение в урок обсуждения, например, результатов работы, распределение совместных действий по функциям (взаимопроверка, самооценка) могут заинтересовать подростков [3].

Мотив достижения подростков характеризуется направленностью субъекта на достижение «высокого уровня мастерства при выполнении дела на основе своих усилий и способностей в ситуациях, в которых имеется возможность качественного выполнения деятельности», и связан с положительными эмоциональными переживаниями личности (надежда, радость). Мотив стремления к успеху побуждает и направляет деятельность в определенную ситуацию; мотив избегания неудачи тормозит деятельность, направляет ее от указанной предметной зоны.

Качество достижения в выполнении какой-либо деятельности зависит не только от эффективности силы мотивации относительно специфических требований задачи, но, конечно, и от индивидуальной способности к выполнению соответствующей деятельности. Качество достижения определяется как способностями, так и эффективностью силы мотивации.

На формирование и развитие мотивации любой деятельности оказывают влияние эмоции и чувства, определяя модальность и силу мотива. Из чего следует, что деятельность должна сопровождаться преимущественно положительными эмоциями, чтобы получить сильную мотивацию [4]. Формированию мотивации достижения, успешности учебной работы способствуют спокойный и доброжелательный тон общения, уважение к внутреннему миру подростка, оптимистический настрой и педагога, и подростков.

Согласно теории ожидаемой ценности, очень важными в определении мотивации является ожидание успеха или неудачи. Если подростки не верят в то, что уровень усвоения приведет к значимому и ценному результату, их мотивация будет снижена.

Социальная ценность мотивации достижения подростков подчеркивает актуальность изучения закономерностей ее проявления и развития, а также поиска путей и способов ее целенаправленного формирования.

Деятельность достижения подростка – это форма активного целенаправленного поведения, соответствующей мотивации достижения и имеет следующие особенности:

- предпринимаемая деятельность подростка направлена на достижение определенного результата;
- подросток должен переживать направленность на достигаемый результат, то есть с желанием выполняет он эту деятельность или под принуждением;

– подростку необходимо самому прилагать усилия, на достижение результата;

– деятельность подростка должна сопровождаться эмоциональными состояниями, как в процессе, так и по окончании достижения результата.

Таким образом, мотивация достижения подростков имеет следующие критерии:

– требование достижения определенного результата, который фиксируется, оценивается, измеряется;

– этот результат оценивается, т.е. существует некоторый стандарт для оценки поведения подростка в данной ситуации;

– требования, предъявляемые к подростку в меру трудные, то есть эти требования позволяют добиться результата при приложении определенных усилий.

В заключении хотелось бы отметить, что уровень и характер мотивации учения подростков свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы над формированием мотивации достижения деятельности. Росту их внутренней мотивации учения способствуют значительный арсенал приемов такой работы, как например:

а) привлекательная цель;

б) привлечение подростков к оценочной деятельности;

в) коллективная (групповая) форма деятельности;

г) необычная форма обучения;

д) специальные тренинги мотивации достижений и другое.

Многие стороны мотивации достижения связаны с субъективным представлением подростка о целях деятельности и трудностях их достижения, о самом себе и своих способностях, об уровне результатов и возможных причинах их получения. Эти представления относительно изменчивы и динамичны, поэтому на них можно воздействовать, их можно изменять и как результат – корректировать процесс мотивации.

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Т.Г. Гадельшина.

Литература

1. Божович, Л.И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л.И. Божович. М. : Педагогика, 1972.

2. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. М. : Педагогика, 1968.

3. Гордеева, Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы / Т.О. Гордеева // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2002. 343 с.

4. *Васильев, И. А.* Мотивация и контроль за действием / И. А. Васильев, М. Ш. Магомед-Эминов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 144 с.
5. *Магомед-Эминов, М. Ш.* Мотивация достижения: структура и механизмы : дис. ... канд. психол. наук / М. Ш. Магомед-Эминов. М., 1987. С. 70.
6. *Хекхаузен, Х.* Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен. СПб. : Речь, 2001.
7. *Хекхаузен, Х.* Мотивация и деятельность : в 2 т. / Х. Хекхаузен. М. : Педагогика, 1986. Т. 1. 480 с.
8. *Хекхаузен, Х.* Мотивация и деятельность : в 2 т. / Х. Хекхаузен. М. : Педагогика, 1986. Т. 2. 398 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ГЕШТАЛЬТ-ТЕРАПИИ В ЛЕЧЕНИИ НЕВРОТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

А. Л. Черепанова, С. В. Цыремпилова, М. В. Оинчинова
*Томский государственный педагогический университет
Сибирский государственный медицинский университет*

Помощь людям, страдающим психическими расстройствами, предусматривает комплекс вмешательств, включающий наряду с психотерапией лечение психофармакологическими средствами.

Наиболее распространенным направлением при лечении пациентов с невротическими расстройствами является когнитивно-поведенческая терапия, целью которой является коррекция неадекватных форм поведения. По данным А. Б. Смулевич, улучшения удается достичь в 60–80 % случаев. Однако далеко не всегда происходит длительная стабилизация состояния. Если непосредственно после окончания лечения тревожно-фобических расстройств эффект наблюдается в 66 % случаев, то, судя по отдаленным результатам (данные 3-летнего катамнеза), положительное действие лечения сохраняется лишь у 51 % больных [3. С. 530]. Причиной этого может быть то, что и фармакотерапия, и поведенческая терапия предлагают заместительную саморегуляцию пациентам, например, снижение чрезмерной тревоги с помощью транквилизаторов. Поддержание заместительной саморегуляции абсолютно необходимо, когда в силу врожденного или приобретенного биологического дефекта организм не способен восстановить гомеостатическое равновесие собственными силами или в случае, когда интенсивность симптоматики является трудно переносимой для пациента.

Однако при использовании методов исключительно заместительной терапии мы можем видеть следующую картину. Обговаривание причин и содержания всех проблем, в сочетании с медикаментозным снятием эмоционального напряжения, приводит к улучшению первоначального состояния пациента. Но, по сути, такое лечение является паллиативным для невротических расстройств, поскольку эмоциональное напряжение ослабляется, а не выводится вовне, и пациент не приобретает новых способов взаимодействия со средой. Он получает от терапевта ту поддержку, которой не обладает сам и которой не имеет в своей привычной среде. Пациент сознательно готов следовать полученным рекомендациям и даже готов изменить свое поведение «в лучшую сторону».

После полного курса лечения, приведшего к снятию эмоционального напряжения, пациент испытывает облегчение и выписывается с улучшением, вооруженный интерпретациями и рекомендациями психотерапевта. Но возврат в свою привычную, отнюдь не щадящую среду, с которой пациент находится в неосознанном состоянии борьбы, показывает, что интроекты, полученные им от врача, оказываются недейственными. Пациент сталкивается с тем, что сознательное желание измениться, наладить взаимоотношения с окружающими никем не принимаются и не поощряются так, как ему хочется. У него есть новые желания и стремления, но нет новых способов реагирования и действия. По-прежнему имеют место варианты деструктивных взаимоотношений со средой, снова начинает нарастать эмоциональное напряжение, очевидной становится «враждебность» привычной среды – симптоматика вскоре возобновляется [2].

В противоположность биологическому медицинскому подходу, целью гештальт-терапии является поддержание автономной саморегуляции – процесса осознания и удовлетворения доминирующих потребностей [1. С. 74]. Нахождение способа, которым может быть удовлетворена актуальная потребность в конкретных условиях среды, представляет собой процесс творческого приспособления. Невозможность удовлетворения актуальных нужд организма, приводит к образованию психических и психосоматических симптомов. Важно помнить, что образование симптомов согласно гештальт-теории, также является результатом творческого приспособления. Это означает, что в ситуации, в которой сформировался симптом, у организма не было ресурса для нахождения другого способа приспособления к среде. Исходя из этого,

совместная работа психотерапевта и пациента направлена на осознание блокированных потребностей и нахождение способов их удовлетворения. Каждый сеанс психотерапии строится на внимании к одному «ведущему», в данный момент, симптому или «ведущей» теме, и тщательной их проработке. Причем, содержание темы не всегда соответствует тому, о чем пациент заявляет. Работа движется с «поверхности вглубь». Следуя принципам феноменологического подхода, психотерапевт постоянно акцентирует внимание пациента на всех очевидных проявлениях, которые для пациента ничего не означали раньше. С этого очевидного, т. е. с тех феноменов, с которыми пришел пациент, гештальт-терапевт и начинает свою работу. Пациенту дается возможность максимально прожить и прочувствовать беспокоящий его феномен, не снимая, а, усиливая эмоциональное напряжение, самостоятельно связать его с определенными эмоциями. Дается возможность самостоятельно выделить неосознаваемую, до сих пор, потребность, в полной мере осознать ее и осознать те способы, которыми он прерывает свои действия для удовлетворения этой потребности.

Способы сопротивления, механизмы невротической защиты, которыми пациент себя прерывает, также рассматриваются феноменологически. Выделяются их проявления, пациенту помогают полностью прожить и прочувствовать свое сопротивление, самому что-то с ним сделать.

В процессе психотерапии, пациент постоянно опирается на свои эмоции при происходящем, на свои телесные ощущения. Он, на собственном новом опыте убеждается в их связи с симптомом или проблемой – таким образом, несет свою личную ответственность за происходящее.

Особенностью гештальт-подхода является то, что личность рассматривается в единстве и целостности поля «организм – среда», коррегирующее воздействие гештальт-терапии фокусируется на когнитивном, эмоциональном и соматическом (телесном) аспектах личности в неразрывной связи со средой (поведенческий аспект личности). Таким образом, эффективность гештальт-терапии при невротических расстройствах обусловлена тем, что пациент постоянно осознает и переживает свой опыт, опирается на свои ресурсы, развивает их и открывает новые свои возможности, а не пассивно поглощает аналитические интерпретации и рекомендации врача.

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Т.Г. Гадельшина.

Литература

1. Гронский, А. Гештальт-подход и клиническая медицина: проблемы интеграции / А. Гронский // Российский гештальт. Новосибирск : Научно-практический центр психологии НГУ, 2001. № 3. С. 70–82.
2. Рубштейн, Н. И. Отличительные особенности работы гештальт-терапевта при невротических расстройствах [Электронный ресурс] / Н. И. Рубштейн. Режим доступа: <http://www.rubstein.ru/korotko/4.htm>
3. Смулевич, А. Б. Пограничные психические нарушения / А. Б. Смулевич. М. : Медицина, 1999. Т. 2. С. 527–558.

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСНЫХ, ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

С. А. Чернышев

Хабаровский психологический центр

Для российского бизнеса, для всех органов управления, органов власти не просто важно, а жизненно необходимо знать, какие процессы протекают в основах общества, и в первую очередь, в основах предпринимательского движения. Одним словом, какие претерпевают изменения, и как решает проблемы устоявшийся и увеличивающийся слой предпринимателей. Сейчас мы не будем разводить два понятия бизнесмены и предприниматели, хотя сразу заметим, что сами по себе эти термины обозначают две разные социальные группы.

Как отмечают ряд исследователей [1–4], предприниматели не просто стали реальностью новой постсоветской России, но все в большей степени начинают определять ее дальнейшую судьбу, ибо они принимают многие принципиально важные экономические решения, не по государственному плану и даже не по правительственному заказу, а на свой страх и риск, иногда, вольно или невольно, следуя, все-таки, интересам государства, в котором живут. При этом совершенно естественно, современные предприниматели оказались менее консервативными, чем руководители государственных предприятий.

Как замечают российские исследователи – работа с кризисными состояниями групп и личности – общепризнанный и общепринятый

предмет в практике социальной и психологической работы с индивидами, семьями и группами. Стрессовые ситуации которые могут приводить к кризисным состояниям, обычно подразделяют на острые ситуативные кризисы, кризисы переходного периода (или изменения роста) и, наконец, вызванные катастрофами или несчастными случаями и болезнями (В.В. Козлов). И далее он продолжает, что социальные психологи, занятые в области психиатрии, предложили выделить следующие основные типы кризисов: обусловленные биологически и поэтому неизбежные, например, кризисы подросткового периода; определяющиеся окружающей средой – их в какой-то мере можно избежать, к ним относятся, например переселение из одной местности в другую или переезд из страны в страну; наконец, случайные, непредсказуемые, такие, как катастрофы и болезни.

Несмотря на чрезвычайные трудности, проблемы и даже опасности (физическая расправа в российских условиях и социальная незащищенность), рост социальных ожиданий и стремление населения заниматься предпринимательской деятельностью не приостановился. Наоборот, как показывают материалы проведенных мониторинговых исследований, сформировались достаточно «гибкие» и, по-своему изощренные линии поведения руководителей малого и среднего бизнеса в целях минимизировать экономические и социальные потери предприятий, испытывающих определенный гнет обложения налогом.

Центральным вопросом наших проводимых исследований являлось изучение активности предпринимателей и их личные оценки возможности развития предприятия в условиях экономических преобразований. На вопрос: «По каким причинам вы начали заниматься предпринимательской деятельностью?» – респонденты ответили следующим образом:

- решил работать на свои страх и риск – 43 %;
- вынудили обстоятельства – 29 %;
- решил заняться своим делом – 17 %.

То, что большинство опрошенных респондентов отмечают «стремление к личной свободе и независимости» и «нежелание оставаться малообеспеченным человеком» свидетельствует о росте вынужденной активности, направленной не только на изменение личного положения (материального, социального), но и стремление участвовать в общественных преобразованиях. Именно эта категория людей искренне верит в то, что им предстоит заниматься не просто «пустыми разговора-

ми», а делом и расширением своего производства, личной активностью и предпринимательской смекалкой решать многочисленные проблемы своего бизнеса. Что особенно необходимо подчеркнуть, в течение длительного времени сформировалась четкая тенденция положительных установок на развитие своего дела и стремление решать проблемы в любых экстремальных условиях.

Известно то, что любой предприниматель или бизнесмен, занимающийся прибавлением материальных благ, должен следить за своим здоровьем. Это не просто слова. За этим кроется успех любого начинания и успех самого непосредственного бизнеса. Однако на практике все обстоит иначе. Так по нашим исследованиям, проводимых на о. Сахалин многие деловые люди не просто игнорировали какое-либо медицинское обследование, но и годами не придавали никакого значения. Особое дело обстоит с руководителями высшего эшелона управления. Данная категория лиц привычным образом просто «отмахиваются» от медицинских работников и под различными уважительными предлогами не желают даже разговаривать с ними.

Пример. На одном из предприятий заключали договор на психологическое исследование трудовых ресурсов. Все складывалось нормальным, обычным способом. Но мы с коллегой заметили, что поведение генерального директора, мягко говоря, не соответствовало нормальному ходу дел. Его поведение было напряженным, физиономия была красной, все свидетельствовало о том, что он хотел просто от нас поскорей избавиться. Договор все же был подписан. На следующий день мы узнаем – директор умер... Как в этой ситуации должен вести себя психолог? Бить тревогу и чуть ли не за руку тащить к врачу на обследование, выбирать методы воздействия, не нарушая его психической целостности, или какие еще другие! Одним словом можно сказать так, что когда мы встречаемся на каком-либо уровне с директорами среднего уровня и выше, то всегда не только справляемся о здоровье руководителя, но и косвенными методами собираем информацию о положении социальных дел самого начальствующего состава.

И следует еще раз подчеркнуть, что это глобальная по своему масштабу тема находится как бы на заднем плане и у исследователей и тем более у руководителей всех видов подразделений. От того как будет реализован принцип: каждому человеку (пациенту) индивидуальное внимание и соответствующая медицинская помощь будет зависеть не

только благосостояние наших граждан, но и в целом отношение медицины к населению. Но это уже другая область рассуждений.

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОТЕРАПИИ И ПСИХОКОРРЕКЦИИ ЧУВСТВА ВИНЫ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

И. А. Чулкова

Томский государственный педагогический университет

Последнее время проблема взаимоотношений детей и родителей встала перед психологами остро, в связи с кризисными явлениями в социальной жизни общества. Позиция родителей в нашей культуре основана на авторитарной власти, на которую всегда можно опереться, чтобы добиться послушания. Часть этой проблемы связана с возникновением у детей чувства вины. Практически всем людям знакомо чувство вины. «Чувство вины помогает понять разницу между тем, какие мы есть, и тем, какими должны быть» [5]. Вина возникает при нарушении индивидом значимых для него норм нравственности. Одновременно это и чувство невыполненного долга. Переживание вины происходит в ситуациях, в которых человек отказывается от необходимой личной ответственности.

Одним из аспектов вины, формирующихся в детстве, является переживание ребенком родительского недовольства, сопровождаемое страхом разочаровать родителей в их ожиданиях, следствием чего является появление устойчивого страха потери родительской любви. Таким образом, ребенок начинает ощущать себя виноватым, или, точнее, у него развивается тенденция искать и находить вину в себе, вместо того чтобы спокойно взвесить обе стороны и объективно оценить всю ситуацию. Возникает вина как несоответствие ребенка ожиданиям авторитета и зачастую в таком качестве и остается на всю жизнь. Человек «чувствует себя неудовлетворенным, недостойным, униженным. Он агрессивен к другим или же проявляет агрессивное недружелюбие к самому себе, считая себя виновным и ответственным за отсутствие любви и уважения к нему у других. Эта агрессия по отношению к себе является следствием мучительного чувства вины и досады» [3. С. 25].

К раннему детству относится оформление вины как мотива деятельности. В противоположность покаянию, которое само по себе уже действие, вина как мотив деятельности является активностью исправляющегося человека, инициируемой необходимостью «страха и трепета» перед Авторитетом, желанием получить прощение и оправдаться через исправление содеянного. Данная активность не изменяет человека внутренним образом, но создает имитацию бурной деятельности. Сначала создается ситуация виновности перед кем-то, а потом человек начинает доказывать себе, что может исправиться и быть лучше.

«Чувство вины перед авторитетом за неизбежные ошибки и потребность в прощении порождают бесконечную цепь преступлений, переживаний чувства вины и стремление к искуплению, которая держит людей в состоянии рабской зависимости и благодарности за прощение крепче, чем угроза наказаний авторитета» [6. С. 124].

К концу дошкольного возраста, в 6–7 лет, чувства и переживания детей усложняются, дифференцируются. При сохранении эмоциональности и впечатлительности нет уже прежней наивности и доверчивости. Повышаются самоконтроль, самокритичность, обязательность, появляются чувство вины, чувство справедливости, чувствование красивого и некрасивого, склонность к глубоким переживаниям – все то, что станет категорией совести в младшем школьном возрасте [8].

Обычно различают истинную, невротическую и экзистенциальную вину. Истинная вина возникает в результате совершенных проступков. В этом случае возможна и необходима возможная расплата, искупление. В основе невротической вины лежат воображаемые проступки, направленные якобы против других людей, родительских приказаний и принятых социальных правил. Постоянно преследующее человека ощущение собственности «плохости» в своих глазах.

Переживание вины имеет также онтологический аспект, т. е. правомерно говорить об экзистенциальной вине. В этом смысле вина представляет собой позитивную силу в жизни человека. Переживая экзистенциальную вину, мы освобождаемся от пагубного влияния невротической вины. Экзистенциальной вины нельзя избежать, поэтому важно ее осознать. Она помогает воспитывать человечность и чуткость в отношениях с другими, побуждает творчески реализовывать свои возможности [5].

Таким образом, не всякое чувство вины должно быть подвергнуто коррекции.

Мы считаем, что психолого-педагогическая работа должна быть связана с предотвращением и исправлением невротической вины.

Причины возникновения и формирования невротического чувства вины. Страх неодобрения является ведущим в формировании чувства вины и имеет ряд внутренних смыслов (постепенно неодобрение внешнего мира переходит на свое Я) и проявляется в различных формах: боязнь вызывать раздражение, выявления какой-либо опасной информации о человеке, нежелании посвящать других в личную жизнь. Страх раскрытия его неискренности, проявляющийся в скрывании агрессии, слабости в ощущении себя; предупреждение любой критики путем стараний быть безупречным или всегда правым; поиск спасения в неведении, болезни или беспомощности; интеллектуализация существующих проблем [7]. Мотивом чувства вины и самообвинения является страх последствий [7]. Однако, Хорни не согласна с предположением некоторых аналитических теорий о первичной значимости ЧВ в возникновении невроза (Теории «негативной терапевтической реакции», теории сверх-«Я», теории морального мазохизма).

Нередко целью психологического обследования является выявление направлений коррекции и психотерапии. Для достижения целей педагог-психолог выявляет потенциальные возможности ребенка, его личностные ресурсы. Он определяет сохранные психологические структуры, служащие опорой для коррекционной работы и, напротив, обнаруживает признаки распада или регресса психических функций. Рассмотрим подробнее понятия коррекции и психотерапии.

Психотерапия в узком понимании – это система комплексного лечебного вербального и невербального воздействия на эмоции, суждения, самосознание человека при различных заболеваниях. Основная задача психотерапии – купирование психопатологической симптоматики для достижения внутренней и внешней гармонизации личности.

Психологическая коррекция – это исправление тех особенностей личности, психологического развития клиента, которые не являются для него оптимальными. Цель коррекции – выработка и овладение навыками активной для индивида и эффективной для сохранения здоровья психологической деятельности, способствующей личностному росту и адаптации человека в обществе. Методы психологической коррекции многообразны, выбор их зависит от того, к какой психологической школе принадлежит психолог [5]. В процессе психотерапии неврозов необ-

ходимо выявить сущность конфликта, затем клиенту дается установка, помогающая разрешить конфликтную ситуацию. Если у детей 2–6 лет в игре выявляется конфликт и намечаются пути его разрешения, то у детей 6–9 лет этой же цели служат рисунки. После 10 лет целесообразно проведение планомерных бесед [4].

Психологическая коррекция эмоциональных нарушений у детей – это хорошо организованная система психологических воздействий. В основном она направлена на смягчение эмоционального дискомфорта у детей, повышение их активности и самостоятельности, устранение вторичных личностных реакций, обусловленных эмоциональными нарушениями, таких как агрессивность, повышенная возбудимость, тревожная мнительность и др. С целью коррекции, в старшем дошкольном возрасте, можно использовать изобразительное творчество детей и игры, содержание, организация и методика проведения которых будет направлена:

1) на преодоление замкнутости, скованности, нерешительности детей, на их двигательное раскрепощение;

2) на развитие у детей навыков совместной деятельности, формирование доброжелательного отношения друг к другу [9].

Цели и задачи коррекционной работы с детьми, испытывающими чувство вины.

1. Коррекция отношений родителей и детей:

– установление и развитие отношений партнерства и сотрудничества родителя с ребенком;

– улучшение понимания родителями собственного ребенка, особенностей и закономерностей его развития;

– достижение способности к эмпатии, к пониманию переживаний, состояний и интересов друг друга;

– выработка навыков адекватного и равноправного общения, способности к предотвращению и разрешению межличностных конфликтов;

– устранение дезадаптивных форм поведения и обучение адекватным способам реагирования в проблемных и стрессовых ситуациях.

2. Коррекция отношения к «Я» (к себе):

– формирование наиболее адекватной самооценки;

– приобретение уверенности в себе, создание и принятие внутреннего «Я»;

– укрепление уверенности родителей в собственных воспитательных возможностях;

– обучение приемам саморегуляции психического состояния.

3. Коррекция отношения к реальности (к жизни):

– приобретение навыков выбора и принятия решений, укрепление волевых качеств;

– формирование позитивной установки на отношение к окружающему миру [9].

Для этого нам потребуются следующие методы коррекции:

1. Сказкотерапия. Вовремя рассказанная сказка для ребенка значит столько же, сколько психологическая консультация для взрослого. Отличие только в том, что от ребенка не требуют вслух делать выводы и анализировать, что с ним происходит: работа идет на внутреннем, подсознательном уровне.

Психотерапевтические – это сказки врачующие душу, раскрывающие глубинный смысл происходящих событий, помогающий увидеть жизнь с другой, скрытой стороны.

Медитативные – они создаются для снятия психо-эмоционального напряжения для накопления положительного опыта, положительных моделей взаимоотношений и т. д. Первый вид: они строятся по типу путешествия. И второй вид сказки, в которых отражены идеальные отношения между родителями и т. д.

2. Игротерапия – это использование игры для коррекции тех или иных выражения «Я». В дошкольном возрасте это направление занимает одно из ведущих средств, поскольку игра в данном возрасте является ведущим видом деятельности.

3. Психодрама. Этюды на выражение чувства вины могут быть использованы для преодоления у детей невротического напряжения, в сердцевине которого лежит это переживание, часто неосознаваемое ребенком. Через игровую ситуацию происходит отождествление, после переживания и отживания (термины Дж. Морено) чувства вины, что оказывает целебное влияние на ребенка-невротика.

4. Арт-терапия – лечение искусством. Образы художественного творчества отражают все виды подсознательных процессов: страхи, чувство вины, внутренние конфликты, сны и т. д. [2]. Свойство повествовательности детского рисунка и заинтересованность ребенка в рассказывании дает психологу методы интерпретации значения с точки зрения ребенка. Под свойством повествовательности я имею в виду способность произведений детского художественного творчества выражать

переживания своего внутреннего мира ребенком, реакцию на его окружение и рассказ индивидуума как через коммуникацию, соответствующей возрастному развитию (например, искусство), так и через беседу с терапевтом о содержании его рисунков. Клиент, в данном случае ребенок, может лучше понять, что его одобряют и оценивают через такие действия, чем с помощью слов. Использование рисования с детьми не только позволяет оценивать их переживания и чувства, но также помогает им создать дистанцию между ними самими и их проблемами, делая их произнесенными и видимыми [1].

Таким образом, психотерапия и психокоррекция чувства вины возможна при условии экстернализации ребенком проблемы или тревоги при рисовании, игре, повествовании сказок и является лучшим условием для работы с проблемным поведением и подтверждения при этом ценности создателя-ребенка. И только при выполнении целого комплекса задач коррекционной работы: коррекции отношений родителей и детей, коррекции отношения к себе, коррекции отношения к реальности, возможно избавление от чувства вины.

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Т.Г. Гадельшина.

Литература

1. Бахурина, Е. В. Работа психотерапевта с детским рисунком / Е. В. Бахурина. М. : Институт гуманитарных исследований, 2003. 325 с.
2. Дубровина, И. В. Психокоррекционная и развивающая работа с детьми / И. В. Дубровина. М. : Академия, 2001. 224 с.
3. Захаров, А. И. Неврозы у детей / А. И. Захаров. СПб. : Дельта, 1996. 478с.
4. Захаров, А. И. Происхождение детских неврозов и психотерапия / А. И. Захаров. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 448 с.
5. Кочюнас, Р. Основы психологического консультирования / Р. Кочюнас. М. : Академический проект, 1999. 240 с.
6. Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. М. : Республика, 1993. 415 с.
7. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. СПб. : Питер, 2002. 224 с.
8. Проблема формирования личности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prodetey.su/index.php/2010-06-07-09-31-54/384-2010-07-17-10-00-10>
9. Большая библиотека психологии. Программа коррекции детско-родительских отношений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://biblios.newgoo.net/t1704-topic>

ФЕНОМЕН РЕВНОСТИ

И. Л. Шелехов, Т. М. Ермакова

Томский государственный педагогический университет

С давних пор ревность неотступно следовала бок о бок с человеком, но отношение к ней менялось в разные исторические эпохи – иногда ревность воспринимали как порок, а иногда – как достоинство. Так, Рене Декарт рассматривал ревность как один из видов эмоционального состояния, например как «вид страха при желании сохранить за собой обладание каким-нибудь благом». Франсуа Ларошфуко писал: «Ревность питается сомнениями; она умирает или переходит в неистовство, как только сомнения превращаются в уверенность». «Ничего так не привязывает, как ревность» – считал Андре Моруа. Карло Гольдони придерживался точки зрения, что «ревность – это источник мук для влюбленного и обид для любимой».

Таким образом, актуальность исследования обусловлена противоречием между распространенностью ревности, и тем, что в трудах современных психологов (как зарубежных, так и отечественных) феномен ревности не имеет не только единой оценки, но даже достаточного освещения. В настоящее время не достаточно таких источников, которые бы однозначно указывали механизмы профилактики возникновения ревности, способы совладания с ревностью, пути социально приемлемых форм реализации переживаний связанных с ревностью.

Существуют различные определения ревности. В «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова (2007) ревность определяется следующим образом: страстная недоверчивость, мучительное сомнение в чьей-нибудь верности – в любви, в полной преданности; как боязнь чужого успеха, опасение, что другой сделает лучше; как усердие, старательность, рвение.

Т. М. Заславская и В. А. Гришин (2004) выделяют следующие типы ревности:

Собственническая ревность. Возможны следующие причины собственнической ревности: она может быть спровоцирована изменой или подозрительным поведением партнера, возможна от охлаждения чувств любимого, отсутствия информации о нем, разлуки, наличием компрометирующей информации. Развитию собственнической ревности в сильной степени способствуют определенные черты характера, такие

как властолюбие, эмоциональная холодность, неспособность прощать, педантическое упрямство, любовь к «порядку во всем» и просто неумение уважать личность другого человека.

Ревность от ущемленности. Обычно свойственна людям с тревожно-мнительным характером, неуверенным в себе, с комплексом неполноценности, со склонностью к преувеличению опасности. Ревности этого типа способствует низкая самооценка, которая, в свою очередь, может сформироваться уже до брака, а может быть вызвана неправильными действиями партнера или переживанием своей сексуальной несостоятельности.

Обращенная (отраженная) ревность. Логика такой ревности проста: если я могу стать объектом любви другого, то наверняка и мой брачный партнер на это способен. Так, неверные мужья и жены часто оказываются чрезмерно ревнивыми [1. С. 36].

Е. П. Ильин в своей работе «Эмоции и чувства» (2002) приводит классификацию Э. Э. Линчевского (1978), который помимо выше обозначенных типов ревности выделял еще два:

Тираническая ревность. Возникает у упрямых, деспотичных, самодовольных, мелочных, эмоционально холодных и отчужденных субъектов.

Привитая ревность. Является результатом внушения со стороны, намеков по поводу неверности супруга [2. С. 198].

Безусловно, в реальной жизни возможны сочетания элементов из перечисленных видов ревности, поэтому наблюдать их в чистом виде можно не так часто.

Причинами возникновения ревности профессор В. Т. Лисовский считает:

1. Комплекс неполноценности одного из любящих.
2. Предыдущие контакты партнера.
3. Сплетни, наговоры завистливых людей, у которых личная жизнь не сложилась и которым доставляет своеобразное удовольствие портить ее счастливым и любящим людям [3. С. 89].

По своей природе ревность является социальным явлением, ведь именно она вынуждает людей конкурировать, бороться за свою любовь, пытаться быть лучшими. Выделяют следующие социальные аспекты ревности:

Потеря статуса. Когда есть установка, что брак заключается один раз и на всю жизнь, а развод это – плохо, потому что развод есть

показатель несостоятельности в жизни. В основном такие переживания актуальны для женщин, считающих, что разведенных женщин перестают приглашать в компании, в которые они были вхожи, будучи замужними. Основная причина – страх конкуренции с уже незамужней подругой [4. С. 54].

Изолированность. Индивид, испытывающий ревность, не может избавиться от мысли, что сейчас, когда он одинок, любимый человек проводит время с ненавистным соперником или соперницей. Человек чувствует, что его бросили, предали, что он никому не нужен [5. С. 61].

Симбиотическая связь. Наиболее распространенный пример – наличие материальной зависимости. Очень часто при принятии решения о разводе, ключевым становится вопрос материальный – семейное имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью и никому не хочется его делить.

Потеря социального статуса. В ряде культур измена женщины эквивалентна заявлению, что партнер не является Мужчиной, женщина не уважает его, не считает нужным подчиняться ему, предпочитая ему другого – «настоящего мужчину». Одной из причин может являться национальная ментальность, которая и породила подобные установки [3. С. 90].

Для компенсации имеющихся пробелов в системе научного знания, нами проведено исследование, целью которого являлось определение специфики проявлений ревности во взаимосвязи с типом темперамента.

Характеристика обследованного контингента. Эмпирическое исследование проводилось среди лиц обоих полов, обследовано 68 человек (мужчин – 30, женщин – 38). Возрастной диапазон испытуемых от 20 до 30 лет, проживающих в г. Томске и Томской области.

24 испытуемых состоят в браке, из них в зарегистрированном браке – 13 (мужчин – 5, женщин – 8) и в гражданском – 11 (мужчин – 4, женщин – 7). Остальные 44 испытуемых не женаты (не замужем). Социальные группы испытуемых различны: 36 испытуемых являются студентами вузов (мужчин – 10, женщин – 26); 23 испытуемых являются служащими (мужчин – 13, женщин – 10); 6 испытуемых – частные предприниматели (мужчин – 4, женщин – 2); 3 не работают (мужчин – 2, женщин – 1).

Организация и методы исследования. Для изучения феномена ревности, а также взаимосвязи ревности с типами темперамента использовались методы психологического тестирования, метод опроса. Для диагностики ревности использовался тест на определение уровня рев-

ности личности. Для определения типов темперамента использовалась методика «Личностный опросник ЕРІ (методика Г. Айзенка)».

Результаты исследования и их обсуждение. Анализируя полученные данные, можно сделать вывод, что женщины на вопрос «Уверены ли Вы в своем партнере?» 50,0% всех испытуемых выбрали ответ «а» (абсолютно уверены); 44,1 % всех испытуемых не уверены; 1,5 % уверены в том, что партнер(ша) им изменяет; 4,4% выбрали ответ «другое», пояснив это тем, что на данный момент у них нет партнера.

Большинство мужчин (46,7%) в своей партнерше уверены, неуверенных немного меньше (43,3 %), не сомневаются в том, что партнерша изменяет 3,3 %. У женщин количество уверенных (52,6%) в своем партнере больше, чем неуверенных (44,7%).

На вопрос вы «Вы ревнивый человек?», большая часть испытуемых (51,5%) указывает, что очень ревнивы; иногда ревнуют 32,3 %, и никогда не испытывают чувство ревности 16,2%. 66,7% мужчин считают себя ревнивыми, а большая часть женщины указывают, что «ревнуют иногда» (42,1 %).

При ответе на вопрос «Как вы относитесь к ревности» большинство испытуемых (55,9%) считают, что ревность – это неплохо, поясняя, что иногда им нравится, когда их ревнуют. К этого мнения придерживается большая часть и мужчин (46,7%), и женщин (63,2%).

Причиной ревности большая часть испытуемых считают – чувство собственности (63,2%), на втором месте – неуверенность в себе, затем идет прагматическая причина – в случае измены, необходимо будет развестись и делить имущество (10,3%), и на последнем месте (1,5%) – потеря авторитета среди коллег по работе и друзей.

Для мужчин (53,4 %) и женщин (90,0%) основной причиной ревности является чувство собственности, на 2-м месте – неуверенность в себе.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство испытуемых (51,5%), воспринимают ревность положительно, а основной причиной ревности считают чувство собственности (63,2%).

Анализируя эмпирические данные по тесту на выявление ревности и методике «Личностный опросник ЕРІ (методика Г. Айзенка)» можно сделать вывод, что люди с меланхоличным типом темперамента более ревнивы, чем люди с холерическим типом темперамента. Те в свою очередь по уровню ревности опережают флегматиков. Самый низкий уровень ревности – у сангвиников.

Полученные результаты исследования могут быть внедрены в теорию и практику семейного консультирования, послужить базой для разработки комплекса психологических рекомендаций, направленных на преодоление отрицательных психологических и социальных последствий ревности.

Литература

1. Андреева, Т. В. Семейная психология / Т. В. Андреева. СПб. : Речь, 2004. 244 с.
2. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. СПб. : Питер, 2002. 752 с.
3. Лисовский, В. Т. Молодежь, любовь, брак, семья / В. Т. Лисовский. СПб. : Наука, 2003. 368 с.
4. Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия / А. Я. Варга. СПб. : Речь, 2001. 180 с.
5. Куттер, П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей / П. Куттер. М. : София, 2004. 115 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УЛЫБКИ

И. Л. Шелехов, Е. В. Медюха

Томский государственный педагогический университет

Эмоции присутствуют в любой сфере человеческой жизни, они являются важнейшей составляющей человеческого существования. Эмоции изучаются целым рядом наук: психологией, физиологией, социологией, философией, этикой, медициной, биохимией, лингвистикой, литературоведением. Многообразие наук, исследующих это явление, порождает множество терминов и классификаций, определяющих и упорядочивающих эмоции. В русле когнитивной психологии анализируется соотношение эмоции и когниции и выясняется роль эмоции в процессах познания (Рубинштейн С. Л., 2007; Петренко В. Ф., 1997; Шмелев А. Г., 2002).

В данной работе мы коснемся такого явления как улыбка. В словаре Д. Н. Ушакова можно найти следующее определение: «улыбка – мимика лица, губ или глаз, показывающая расположение к смеху или выражающая приветствие, удовольствие либо иронию, насмешку». Если вдаваться в психологический смысл улыбки, то данное определение можно дополнить, ведь, анализируя улыбку, например, в культуре и искусстве, можно увидеть скрытые смыслы.

Часто можно услышать от наших иностранных коллег вопрос о том, почему русские так мало улыбаются, и это вопрос абсолютно справедливый. Русские действительно значительно меньше улыбаются, чем большинство народов Запада и Востока. Дело в том, что для русского коммуникативного поведения характерна бытовая неулыбчивость, которая выступает как одна из наиболее ярких и национально-специфических черт русского общения.

Но русскую улыбку можно интерпретировать как настоящую, искреннюю. Русский человек при улыбке действительно вкладывает тот смысл, что и ведет за собой значение – чувствует себя счастливым и понимает свое состояние, какие бы проблемы в его жизни не присутствовали. Это не просто «дежурная реакция» приветствия, элемент вежливости или знак симпатии. Улыбка имеет глубинный, рефлексивный характер, в отличие от западноевропейского общества. Это один из психологических признаков, которые люди Запада отмечают в «загадочной русской душе».

Но улыбки бывают разными – искренними и испуганными, флиртующими и жалкие.

Для начала кратко рассмотрим физиологический аспект улыбки.

Улыбка появляется к концу 1-го месяца жизни ребенка как первое позитивное выражение эмоций в отношении окружающих его людей.

Чтобы улыбнуться, человек задействует около 15 мышц, чтобы засмеяться, их нужно не меньше. Однако в разных улыбках используются разные мышцы. Например, при вежливой улыбке – простом растягивании губ – сокращается большая скуловая мышца, а широкая и радостная улыбка задействует круговую мышцу, отвечающую за движения век. Причем мышцы вокруг глаз могут сокращаться, только непроизвольно, когда мы действительно испытываем приятные чувства, а поэтому невозможно перепутать принужденную гримасу и улыбку счастья.

Не все лицевые мышцы одинаково легко поддаются контролю. Движения некоторых являются более верными признаками эмоции, чем другие. Эта верность означает, что данные мышцы «не могут лгать», т. е. находятся вне контроля человека (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Улыбка – способ скрыть свои истинные чувства, хотя это и не устранит признаков эмоций в движениях лба и век. Можно напрячь другие мышцы, вызывающие обратное движение, чтобы в результате движения

лица не изменилось. Например, довольную улыбку можно потушить, если сжать губы и приподнять подбородок. Однако движение противодействующих мышц само по себе может выдать обман, так как одновременное движение тех и других мышц придает лицу неестественное, натянутое выражение (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Можно отметить то, что улыбка – это в первую очередь физиологический процесс. Все начинается с возбуждения передней зоны гипоталамуса (а возбуждение задней зоны гипоталамуса вызывает обратную реакцию недовольства). Оттуда поток нервных импульсов передается в лимбическую систему, отвечающую за наши эмоции. Мышечный тонус ослабевает, появляется довольное выражение лица (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Общим, для всех разновидностей улыбок элементом является изменение выражения лица, вызываемыми главными скуловыми (*zygomaticus musculus*) мышцами. Эти мышцы идут от скул через всю нижнюю часть лица и заканчиваются в углах рта. При сокращении скуловые мышцы поднимают уголки губ по направлению к скулам. Сильное их сокращение растягивает губы, приподнимает щеки, образуя мешочки под глазами и так называемые паучьи лапки в уголках глаз. У некоторых при этом также немного опускается кончик носа, а у отдельных людей – еще и натягивается кожа около ушей. Сочетание действия скуловых мышц с действием других и образует различные виды улыбок. Но некоторые их разновидности вызываются действием только других мышц, без участия скуловых (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Если говорить о разновидностях улыбок, то можно отметить что в современной психологической и популярной литературе выделяют следующие разновидности улыбок.

Приветливая улыбка. Та, что нас встречает. Улыбка-приветствие, или улыбка вежливости, одновременно сближающая и сохраняющая дистанцию, способна сделать так, чтобы мы вдруг почувствовали себя в своей тарелке, даже если ничто не связывает нас с человеком, который нам улыбается.

Обольстительная улыбка. Это та улыбка, что нас покоряет. Немецкий этолог Иренаус Айбл-Айбсфельдт доказал, что улыбка является частью ритуала обольщения во всем мире.

Смущенная улыбка. Эта улыбка оправдывает нас. Далеко не всегда улыбка выражает удовольствие, иногда она может говорить о нашем

желании отстраниться. Смушенная улыбка может появиться на губах, когда мы совершили какую-то оплошность и нас охватило чувство стыда. Это улыбка-комментарий, которая говорит о нашем замешательстве.

Защитная улыбка. В ситуации неизвестности нас охраняет улыбка – наше первое оружие, способ расслабиться, который помогает сдерживать наши собственные агрессивные порывы и нейтрализовать ту агрессию, которую может испытывать по отношению к нам другой человек.

Заговорщицкая улыбка. Заговорщицкая улыбка объединяет нас, говорит о том, что у людей есть общее прошлое, что они пережили нечто важное вместе. Она выявляет глубокое взаимопонимание, близость с несколькими избранными людьми.

Радостная улыбка. Естественную, непринужденную улыбку дают только скуловые мышцы. В выражении искренней улыбки другие мышцы нижней части лица не участвуют, в верхней же части единственным заметным изменением может быть напряжение мышц вокруг глаз. Эти мышцы, производящие большинство изменений верхней части лица: поднятие щек (мешочки под глазами, паучьи лапки), могут сокращаться и под воздействием скуловых мышц. Искренняя улыбка длится тем дольше и проявляется тем заметнее, чем сильнее переживаемые положительные эмоции (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980). П. Экман считает, что все положительные эмоциональные переживания (счастье близкого человека, радость облегчения, веселье, удовлетворенность, удовольствие, доставляемое тактильными, слуховыми и зрительными впечатлениями) проявляются в искренней улыбке и различаются лишь своей интенсивностью и длительностью.

Испуганная улыбка. Эта улыбка не имеет с положительными эмоциями ничего общего, хотя ее иногда и путают с улыбкой радости. Ее вызывают мышцы смеха (*risorius musculus*), растягивающие уголки губ по направлению к ушам, так что рот принимает форму прямоугольника. Хотя само слово *risorius* в переводе с латыни и означает «смеющийся», на самом деле такая улыбка, как правило, появляется от страха, а не от смеха. Причиной путаницы является, скорее всего, то, что, когда мышцы смеха горизонтально растягивают губы, их уголки слегка уходят вверх, напоминая очень широкую искреннюю улыбку. Однако в случае страха такое изменение формы рта (как с поднятием уголков губ, так и без) сопровождается также движением бровей и глаз (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

«Улыбка презрения». Выражение лица при этой улыбке никак не связано с положительными эмоциями, хотя его часто и склонны истолковывать именно так. Выражение презрения включает сокращение мышц в уголках губ, вызывающее выпячивание уголков губ, часто с «ямочками», и небольшой их изгиб вверх. Презрение может проявляться и в одностороннем варианте, когда напряжен и слегка приподнят только один уголок рта (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

В этом случае причиной путаницы является такое же поднятие уголков рта, как и при искренней улыбке. Другой общий элемент – это ямочки, также появляющиеся иногда и при искренней улыбке. Основное же отличие презрительной улыбки от искренней состоит в напряжении уголков рта, свойственном только презрительной улыбке (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Сдержанная улыбка. При сдержанной улыбке человек на самом деле переживает сильные положительные эмоции, но пытается не проявлять своей радости в полную силу. Целью является приглушение (но не подавление) положительных эмоций, удержание своих эмоциональных проявлений, а возможно, и переживаний, в определенных рамках. Губы при этом могут быть сжаты, нижняя выпячена, углы рта напряжены или опущены – любое сочетание этих признаков может сопровождать также и простую улыбку (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Жалкая улыбка. Данная улыбка выдает негативные переживания человека. Она не является попыткой скрыть эмоцию и отображает действительное состояние человека. Жалкая улыбка говорит также о том, что человек, по крайней мере, в данный момент склонен смириться со своей жалкой участью. Такие улыбки можно увидеть у пациентов, находящихся в состоянии депрессии. Они часто асимметричны и накладываются на откровенно негативные выражения лиц, не прикрывая, а подчеркивая их, или же следуют сразу после таких негативных выражений. Жалкая улыбка, свидетельствующая о попытках контролировать проявления страха, гнева, огорчения, нередко может напоминать сдержанную улыбку. Губы сжаты, нижняя выпячена, уголки рта напряжены или опущены – все это может служить и средством для сдерживания нахлынувших чувств. Основное отличие жалкой улыбки от сдержанной – это отсутствие всех признаков напряжения мышц вокруг глаз. Действие этих мышц или появление паучьих лап при сдержанной улыбке является признаком положительных эмоций, а их отсутствие – признаком эмо-

ций отрицательных. Жалкая улыбка может также сочетаться с движениями бровей и лба, что свидетельствует о признании человеком своих негативных эмоций (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Грустная улыбка. В качестве примера может быть приведена известная артистка немого кино – Вера Холодная. Холодная создавала образы красивой печальной женщины, обманутой и непонятой. Каждая новая роль «королевы экрана» сопровождалась бурной овацией поклонников и почитателей невиданной ранее красоты.

При грустной улыбке уголки рта могут быть немного опущены, или же искренняя улыбка может сочетаться с выражением верхней части лица. Для испуганно-довольного выражения характерно сочетание верхней части лица с искренней улыбкой и горизонтальной растянутостью губ. Иногда приятные переживания носят характер безмятежной удовлетворенности, но порой радость несет с собой и возбуждение, вызывая восторженные чувства. При возбужденно-довольном выражении лица в дополнение к искренней улыбке приподнимаются верхние веки. Киноактер Харпо Маркс часто демонстрирует такую восторженную улыбку, исполненную радости, а когда дурачится, изображает и гневно-довольную улыбку. При удивленно-довольном выражении лица искренняя улыбка дополняется вздернутыми бровями, приподнятой верхней губой и опущенной нижней челюстью (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Флиртующая улыбка. Данная улыбка искренна, хотя при этом соблазнитель и отводит глаза в сторону от объекта своего интереса, чтобы затем вновь бросить на него лукавый, взгляд, который опять же мгновенно отводится, едва лишь будет замечен.

Оценивающая улыбка. Смягчает резкий неприятный оттенок критического выражения лица и часто вынуждает улыбнуться в ответ. Такая улыбка, как правило, возникает внезапно, при этом уголки рта обычно напряжены, а нижняя губа часто на мгновение слегка вздергивается. Оценивающая улыбка часто подчеркивается легким кивком головы немного в сторону, в результате чего создается впечатление, будто человек смотрит немного свысока (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Угодливая улыбка. Подчеркивает, что человек готов без возражений проглотить предназначенную ему горькую пилюлю. Никто, естественно, не принимает это выражение за улыбку радости; такая улыбка

показывает, что человек готов согласиться с нежелательным для него оборотом дела. Она похожа на оценивающую улыбку, но не имеет соответствующего движения головой. Вместо этого обычно на мгновение поднимаются брови, что часто сопровождается вздохом или пожатием плеч (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Примирительная улыбка. Регулирует отношения между двумя или более собеседниками. Эта вежливая, дружелюбная улыбка служит для учтвого выражений согласия, понимания. Такая улыбка, слабая и асимметричная, обычно не сопровождается участием окружающих глаза мышц (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Ответная улыбка. Она является частным случаем примирительной улыбки – слушатель дает говорящему понять, что прекрасно понял его и нет нужды повторяться или высказывать свою мысль другими словами. Это выражение лица эквивалентно междометиям «хм» или «да-да», обычно сопровождаемым кивком головы. Говорящий знает, что эта улыбка свидетельствует не о чувствах слушающего, а является лишь знаком, предлагающим ему продолжать (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Притворная улыбка. Они служат для того, чтобы убедить кого-нибудь в положительных, на самом деле не испытываемых чувствах. При этом человек может не чувствовать практически ничего или даже испытывать негативные эмоции, которые и будет пытаться прикрыть притворной улыбкой. В отличие от жалкой улыбки, которая прямо заявляет об отсутствии радости, притворная улыбка призвана ввести в заблуждение и создать впечатление, что улыбающийся испытывает приятные чувства. Только такая улыбка и является по-настоящему притворной (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Также можно отметить улыбку Мэрилин Монро на пике популярности. Даже самая ровная улыбка не принесет результата, если в ней нет хорошего настроения. Важна психология улыбки. Что это значит? Имидж-специалисты и фотографы учат актеров и актрис тренироваться – при вспышке фотокамеры вспоминать яркие и веселые моменты из своей жизни. Когда было легко и хорошо. Поцелуй любимого мужчины, большая премия на работе, улыбку ребенка, покупка туфель, о которых мечтали. В таких случаях счастливая и красивая улыбка выскакивает на лицо, словно сама собой. Если нет таких эмоций, то специалисты советуют придумать их. Зачем красивая улыбка? Чтобы познакомиться

с женщиной? Чтобы ваши дела пошли в гору? Вот и нужно представить делового партнера/работодателя, который подписывает с вами контракт на самых выгодных условиях. Вот она, радостная красивая улыбка, которая несет свет и добро.

При подготовке серии постановочных портретных фотографий проводится отбор наиболее удачных снимков, при этом хорошим показателем работы оператора считается два удачных снимка на 36 кадров.

Голливудская улыбка. Имидж-специалисты в Америке говорят о том, что умение красиво улыбаться ценится всегда – красивая улыбка нравится мужчинам, помогает в делах, да и улыбка делает человека более красивым. Данные специалисты «ставят улыбку» звездам Голливуда – учат красиво улыбаться, законам улыбки. Самое главное, что нужно понять тем, кто хочет правильно и красиво улыбаться, что основой красивой улыбки является симметрия. Поэтому данный вид улыбки вряд ли можно назвать искренней, так как чтобы улыбка стала более-менее симметричной актеры и актрисы долго тренируются перед зеркалом. Особенно перед фотосъемками.

Отдельно можно выделить категорию – отражение темы улыбки в художественной литературе и кинематографии. Приведем такие примеры искусства как скульптура Сфинкса в Древнем Египте – статуя фантастического существа с телом льва и головой человека, реже животного. Также Сфинкс (Сфинга) – в греческой мифологии крылатая полуженщина, полульвица, обитавшая на скале близ Фив; задавала прохожим неразрешимую загадку и затем, не получив ответа, пожирала их. Загадку сфинкса («кто утром ходит на 4 ногах, в полдень на двух, вечером на трех») разгадал Эдип (его ответ: «человек – в детстве, зрелости и старости»); после чего сфинкс бросилась со скалы. Улыбка Сфинкса – символ мудрой и отстраненной улыбки. Сфинкс улыбается своим мыслям, а термин «улыбка Сфинкса» означает загадочность и отрешенность.

Нельзя не отметить знаменитую Мону Лизу (Mona Lisa) – Джоконду (Gioconda). Портрет работы Леонардо да Винчи (ок. 1503, Лувр, Париж), предположительно изображающего флорентийку Мону Лизу дель Джокондо. Возвышенный идеал женственности соединяется здесь с интимным обаянием, выразительностью неуловимой улыбки, нежностью светотени и тающего в дымке пейзажа.

Необычность впечатления от знаменитой Моны Лизы отчасти и заключается в том, что Леонардо ловит свою натуру именно в момент

этого игривого движения; повернув голову в одну сторону, она смотрит в другую – на предмет своего интереса. В жизни это выражение лица мимолетно – взгляд украдкой длится не более мгновения. При смущенной улыбке взгляд обычно направлен вниз или в сторону, что объясняется стремлением избежать встречи с глазами собеседника. Иногда при этом в дополнение к искренней улыбке на мгновение приподнимается подбородная ямка (участок между нижней губой и подбородком). В другом варианте смущение выражается сочетанием сдержанной улыбки с опущенным или отведенным в сторону взглядом (Ekman P., 1980; Friesen W. V., 1980; Ancoli S., 1980).

Отметим улыбку несравненного Чарли Чаплина. Сэр Чарльз Спенсер «Чарли» Чаплин, (*англ.* Charles Spencer «Charlie» Chaplin; 16 апреля 1889 г. – 25 декабря 1977 г.) – выдающийся английский киноактер, сценарист, композитор и режиссер, универсальный мастер кинематографа, создатель одного из самых знаменитых образов мирового кино-образа бродяжки Чарли, появившегося в короткометражных комедиях, поставленных на поток в 1910-е гг. на киностудии Кистоуна.

Образ Бродяги впервые появился в фильме «Необыкновенно затруднительное положение Мэйбл» (по другой версии – в фильме «Детские автомобильные гонки», снятом несколько позже, но вышедшем на экран на неделю раньше).

Чаплин надел огромные штаны, узкую визитку, большие башмаки, на голову – котелок, в руках держал тросточку. Чаплин выглядел моложе своего возраста, поэтому приклеил небольшие усики, добавлявшие, по его мнению, солидности, но не скрывающие мимики, необходимой в немом кино. В первом своем появлении на киноэкране Чаплин вышел с пышными усами. Чаплин в автобиографии писал о своем персонаже: «...Он очень разносторонен – он и бродяга, и джентльмен, и поэт, и мечтатель, а в общем это одинокое существо, мечтающее о красивой любви и приключениях. Ему хочется, чтобы вы поверили, будто он ученый, или музыкант, или герцог, или игрок в поло. И в то же время он готов подобрать с тротуара окурки или отнять у малыша конфету. И, разумеется, при соответствующих обстоятельствах он способен дать даме пинка в зад, – но только под влиянием сильного гнева».

Чаплин стремился уйти от «комедии пощечин», в жанре которых снимались все комедии того времени. В фильме «Ссудная касса» Бродяга в сцене увольнения показал жестом, что у него несколько детей,

которых нужно кормить. Чаплин заметил, что зрители, находящиеся на съемочной площадке, смахивают слезу. После этого образ Бродяги стал обретать лирические и трагические черты.

Все ли знакомы с улыбкой Чеширского кота? В переводе с английского языка – Cheshire Cat, также Масленичный Кот в переводе В. Набокова – персонаж книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Постоянно ухмыляющийся кот, умеющий по собственному желанию постепенно растворяться в воздухе, оставляя на прощанье лишь улыбку. Занимает Алису не только забавляющими ее разговорами, но и порой чересчур досаждающими философскими измышлениями. Единственный персонаж, являющийся «земляком» автора – уроженца графства Чешир (Честершир).

В первоначальном варианте книги Льюиса Кэрролла Чеширский Кот как таковой отсутствовал. Появился он только в 1865 г. В те времена часто использовалось выражение – «улыбается, как чеширский кот». Существуют различные версии происхождения этой поговорки. Вот две из них.

В графстве Чешир, где родился Кэрролл, некий до сих пор неизвестный маляр рисовал ухмыляющихся котов над дверьми таверн. Исторически это были скалящиеся львы (или леопарды), но в Чешире мало кто видел львов.

Во втором объяснении (Notes and Queries. 1850. Nov. 16. № 55), говорится о том, что некогда вид улыбающихся котов придавали знаменитым чеширским сырам, история которых насчитывает уже более девяти веков.

В «Книге вымышленных существ», в разделе «Чеширский кот и коты из Килькенни» (The Cheshire Cat and the Killkenny Cats), Борхес пишет: «В английском языке есть выражение „grin like a Cheshire cat“ (сардонически усмехаться, как чеширский кот). Предлагаются разные объяснения. Одно состоит в том, что в Чешире продавали сыры, похожие на голову улыбающегося кота. Второе – что над высоким званием небольшого графства Чешир „смеялись даже коты“. Еще одно – что во времена правления Ричарда III в Чешире жил лесничий Катерлинг, который, когда ловил браконьеров, злобно ухмылялся».

В повести «Алиса в стране Чудес», опубликованной в 1865 г., Льюис Кэрролл наделяет Чеширского кота способностью постепенно исчезать, пока от него не остается только одна улыбка – без рта и без зубов.

А вот способность исчезать Чеширский кот из страны чудес перенял у призрака Конглтонского кота. При жизни этот кот был любимцем смотрительницы аббатства, но в один прекрасный день он не вернулся домой после очередной прогулки... Несколько дней спустя женщина услышала царапанье в дверь; на пороге сидел ее любимый кот, впрочем, через мгновение он исчез, как будто бы испарился в воздухе. Призрак белого кота видели сотни людей на протяжении многих лет. Он появлялся каждый вечер, его видели и смотрительница, и ее друзья, и посетители чеширского аббатства. Кэрролл, видимо, был вдохновлен этой историей и использовал образ Конглтонского призрака, придумывая своего улыбчивого Чеширского кота.

Когда молодой Доджсон приехал в Оксфорд, там как раз шла дискуссия о происхождении этой поговорки. Доджсон, уроженец Чешира, не мог ей не заинтересоваться.

Также есть сведения о том, что при создании образа Кота Кэрролл якобы вдохновился резными деревянными орнаментами в церкви деревушки Крофт на северо-востоке Англии, где его отец служил пастором; а также о том, что в одном из городов графства Чешир бытовала легенда о появляющемся и исчезающем призраке кота.

Можно отметить образ клоунов, так часто сопровождающих нас как в сказках, так и в различных аспектах жизни – кинематографе, цирке и т. д.

Рыжий клоун. Образ клоуна является развитием образа придворного шута. Для образа рыжего клоуна характерны подчеркнутая безапелляционность и хамство. Губы у такого клоуна постоянно натянуты, представляя собой притворную улыбку. Как правило, рыжий клоун выступает в паре с белым клоуном. Примеры рыжего клоуна: Олег Попов в этой роли, Арлекин.

Белый клоун. Образ белого клоуна является лирическим, грустным. Такова же и его улыбка – грустная. Пример: Пьеро из сказки «Золотой ключик или приключения Буратино».

Злой клоун. Знаменитый злой клоун и его улыбка характерна для культуры США, где он стал использоваться как персонаж фильмов ужасов и триллеров. Данный образ обыгрывает противоречия между веселостью образа клоуна и жестокостью злодея, спрятавшегося за его маской. Подобные образы реализуются в кинофильмах: «Клоуны – убийцы из Космоса», фильмы про Бэтмена.

Джокер. В переводе с английского языка Joker – шутник. Это злодей вселенной DC Comics, клоун, главный враг Бэтмена. Джокер носит фиолетовый костюм и сражается при помощи разных предметов, которые стилизованы под реквизит клоуна и иллюзиониста. По признанной канонической версии человек, ставший Джокером (возможно, он был неудачливым комедиантом, а возможно и гангстером), упал в кислоту, испугавшись Бэтмена, когда в костюме Красного колпака I, участвовал в ограблении картонной фабрики. В результате он получил белую кожу, черные тени вокруг глаз и зеленые волосы (иногда и другой цвет волос, например в «Лиге Справедливости» у Джокера были темно-синие волосы), а на лице у него навсегда застыла улыбка.

Отдельно можно выделить категорию – улыбка в современных молодежных субкультурах.

Смайлик, смайл (англ. smiley), реже эмотикон (англ. emoticon), эмотиконка, эмоцион – пиктограмма, изображающая эмоцию. Чаще всего составляется из типографских знаков. Распространение смайлик получил в Интернете и SMS, однако в последнее время используется повсеместно. Смайлы обозначают интернациональные понятия, поэтому они не воспроизводят текущую речь, не отображают грамматических, фонетических и других особенностей естественного языка. Смайлы можно отнести к паралингвистическим средствам письменной коммуникации, или к таким средствам, которые не являются речевыми единицами, но сопутствуют последним с целью уточнения, конкретизации смысла основного сообщения. Смайлики предназначены для того, чтобы более богато и разнообразно дополнять смысл высказывания, уточнять его экспрессивно-интонационную окраску. При общении в рунете они используются, как правило, попутно с кириллической графикой, включены непосредственно в структуру высказывания, отделяются от единиц высказывания пробелами или запятыми.

Особенность классических смайликов – в горизонтальном расположении вертикальных зон лица и тела. Эти смайлики обозначают эмоции, мимику, жесты, действия и состояния человека, а также различных персонажей.

Смайлики – динамично развивающаяся система, и поэтому они не имеют устойчивого, раз и навсегда принятого набора знаков. Объединяет все существующие в сети Интернет смайлики их общее функциональное назначение – устанавливать и поддерживать контакт

с собеседником, более точно и конкретно выражать свое эмоциональное состояние. Гораздо реже смайлики служат для обозначения различных понятий, абстрактных или конкретных объектов, действий и состояний человека. Такие смайлики принято называть смысловыми.

Для получения заданных уже эмоций улыбка используется в рекламе и других коммерческих проектах.

Собака-улыбака. Антропоморфизм – наделение человеческими качествами животных, предметов, явлений, мифологических созданий. В данном случае, мы воспринимаем животного (собаку) как человека, но собака не может улыбаться, мы истолковываем это неверно. С целью повышения интереса улыбка собаки является примером фотомонтажа.

В настоящее время предложены различные классификации и подходы феномена улыбки. В качестве оснований базиса для классификаций положены различные критерии оценки: физиологический, социальный, культурный и другие. Для представителей разных культур характерно различное отношение к улыбке, которое колеблется от практически полного ее игнорирования до введения в общий социальный стандарт.

Литература

1. Купер, Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. М. : Изд-во Ассоциации духовного единения «Золотой век», 1995. 405 с.
2. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. Смоленск, 1997. 297 с.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. СПб. : Питер, 2007. 720 с.
4. Спиркин, А. Г. Философия : учебник. 2-е изд. / А. Г. Спиркин. М. : Гардарики, 2006. 736 с.
5. Стернин, И. А. Почему русские мало улыбаются? / И. А. Стернин // Практика. 1996. № 2. 47 с.
6. Шелехов, И. Л. Аддитивные состояния. Нефармакологические аддикции. Учебно-методический комплекс : учеб. пособие / И. Л. Шелехов, И. В. Рудин, Т. Г. Гадельшина. Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. Ч. 1. 184 с.
7. Шелехов, И. Л. Аддитивные состояния. Учебно-методический комплекс : методическое пособие / И. Л. Шелехов, И. В. Рудин, Т. Г. Гадельшина. Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. Ч. 2. 84 с.
8. Шмелев, А. Г. Психодиагностика личностных черт / А. Г. Шмелев. СПб. : Речь, 2002. 480 с.
9. Юнг, К. Психоанализ и искусство / К. Юнг, Э. Нойманн. Ваклер, 1996. 304 с.
10. Юнг, К. Аналитическая психология / К. Юнг. М. : Матрис, 1995. 304 с.
11. Ekman, P. Facial Signs of Emotional Experience / P. Ekman, W. V. Friesen, S. Ancoli // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. 39. P. 1125–1134.

12. Ekman, P. Deception, Lying and Demeanor / P. Ekman // States of Mind: American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology. N. Y., Oxford, 1997. P. 93–05.

13. Ekman, P. Smiles when lying / P. Ekman, W. V. Friesen, M. O'Sullivan // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54, № 3. P. 414–420.

14. Ekman, P. Who Can Catch a Liar? / P. Ekman, M. O'Sullivan // American Psychologist. 1991. Vol. 46, № 9. P. 913–920.

15. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0

16. Матюхина, Н. А. Урок, посвященный улыбке / Н. А. Матюхина. Режим доступа: <http://krotov.info>

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К МАТЕРИНСТВУ

И. Л. Шелехов, М. Ю. Слободчикова

Томский государственный педагогический университет

Многообразие социальных ролей женщины позволяет выделить две основных сферы – семья и профессиональная деятельность. По мнению Е. В. Матвеевой, возможность гармоничного сочетания женщиной профессиональных и семейных ролей в значительной мере определяются ее практической готовностью к семейной жизни и материнству [3]. Автор считает, что успешность выполнения материнских функций зависит в большей степени от психологической готовности к материнству.

Под психологической готовностью понимается направленная поисковая активность, сформированная программа действий для достижения поставленной цели.

Психологическая готовность к материнству формируется до беременности, трансформируется во время беременности, родов и в период ухода за ребенком. Начало становления психологической системы «мать – дитя» начинается задолго до беременности. На психологическую готовность к материнству влияют нераздельно биологические и социальные факторы, с одной стороны она имеет инстинктивную основу, а с другой – выступает как особое личностное образование.

Теоретической основой понимания психологической готовности к материнству в нашем исследовании выступает теория С. Ю. Мещеряковой, которая понимает ее как специфическое личностное образование, стержневой составляющей которого является субъект-объектная ориентация в отношении к еще не родившемуся ребенку [4].

При изучении психологической готовности к материнству чаще всего анализируются изменения, происходящие в жизни беременной или уже родившей ребенка женщины (С. Ю. Мещерякова, Е. В. Милосердова). Однако, представляется оптимальным рассмотрение психологической готовности до наступления беременности, как преддиспозиции к рождению ребенка, общению с младенцем и уходу за ним. Решение одной из важных социальных задач – профилактика распространения различных форм девиантного материнского поведения – возможно через осознанное принятие материнских функций до наступления беременности.

На основе проведенных исследований, Г. Г. Филиппова (2002) выделяет 6 этапов развития материнской потребностно-мотивационной сферы в онтогенезе: этап взаимодействия с собственной матерью, игровой, этап нянчания, этап дифференциации мотивационных основ материнской и половой сфер, взаимодействие с собственным ребенком и последний этап, на котором у матери образуется привязанность и любовь к ребенку как личности [6. С. 109].

В работах Л. Н. Галиузовой (1989) и С. Ю. Мещеряковой (2000) предлагается оценивать уровень психологической готовности к материнству по 3 группам показателей: особенности коммуникативного опыта женщины в ее раннем детстве; переживание женщиной отношения к еще не родившемуся ребенку на этапе беременности; установки женщины на стратегию воспитания ребенка.

На основе представленных категорий и показателей психологической готовности к материнству можно выделить основные структурные составляющие этого феномена:

- семейные сценарии, закладываемые в детстве;
- установки по отношению к еще не родившемуся ребенку;
- место материнства в ценностно-потребностной сфере личности женщины.

Психологическую готовность к материнству Е. В. Матвеева (2004) определяет как специфическое личностное образование, включающее в себя три блока готовности.

Блок 1. Потребностно-мотивационная готовность к материнству подразумевает потребность в материнстве и включает потребностно-эмоциональный и ценностно-смысловой компоненты.

Потребностно-эмоциональный компонент обеспечивает позитивное отношение женщины к беременности и настрой (без страха) на роды, эмоционально-положительный образ ребенка, желание заботиться о нем, радостно-счастливое отношение к роли матери.

Ценностно-смысловой компонент предполагает осознание женщиной высокой степени ценности ребенка и материнства среди других ценностей, социально одобряемые представления о смысле детей и материнства.

Блок 2. Содержание когнитивно-операционного блока составляют знание женщиной своих материнских функций, знание о психофизиологических особенностях периода беременности, знание о родах, об особенностях воспитания и развития детей, представление о некоторых операциях общения и взаимодействия с ребенком и ухода за ним.

Блок 3. Социально-личностная готовность к материнству, включающая развитие половой идентификации женщины, установки и стратегию воспитания ребенка, представление о важных для развития ребенка личностных качествах матери, позитивное восприятие своей родительской роли, осознание ответственности за развитие ребенка и свою материнскую позицию, готовность преодолевать трудности, связанные с рождением и воспитанием ребенка.

В одном из экспериментальных исследований, направленного на изучение социально-личностного компонента психологической готовности к материнству, принимали участие студентки Лесосибирского педагогического института.

Результаты, полученные в рамках данного эксперимента, свидетельствуют о том, что у студенток педагогического вуза в структуре личностных ценностей преобладает ориентация на карьеру над ценностью материнства и семьи. Уровень выявленной социально-психологической готовности к материнству – средний.

Автор предполагает, что на данном жизненном этапе испытуемые характеризуются недостаточным уровнем развития психологической готовности к материнству, что в дальнейшем может проявиться в форме нарушений при выполнении материнских функций в ситуации рождения ребенка [5].

В структуре психологической готовности к материнству Т.А. Гурьянова (2004) выделяет пять следующих аспектов: мотивационный, оценочный, эмоциональный, операционный и регуляционный.

На стадии подготовки к беременности в психологической готовности к материнству доминируют оценочный аспект, проявляющийся в мере расхождения между сложившимся образом «Я» и образом «Я – мать»; и мотивационный аспект, проявляющийся в формировании мотива рождения ребенка.

Исследования, проведенные Т.А. Гурьяновой (2004), выявили, что психологическая готовность к материнству, как системный конструкт, первично объективируется сознанию будущей матери как реакция на противоречие между сложившимся образом жизни и теми изменениями, которые прогнозируются после рождения ребенка (через образ «Я – мать»). Исходя из этого, наряду с ценностно-смысловыми параметрами образа мира будущей матери, в структуру готовности к материнству входят параметры готовности к изменению образа жизни (такие как ригидность, локус контроля, рефлексивные возможности будущей матери) [2].

Анализ имеющихся данных проведенных исследований (Г.Г. Филиппова, Т.А. Гурьянова, Е.А. Федорова) позволяет сделать вывод, что неготовность принятия материнских функций может привести к наличию внутриличностного конфликта, проявлениями которого являются конфликтный и тревожный образ будущего ребёнка, отсутствие эмоционального принятия себя как матери, негативное отношение к собственной материнской позиции.

Большая часть современных психологов сходитя во мнении, что отсутствие психологической готовности к материнству обуславливает нарушения в структуре ценностей женщины и формирование девиантного материнства (В.И. Брутман, А.Я. Варга, И.Ю. Хамитова, О.А. Копыл, О.В. Баженова, Л.Л. Баз).

Проблема взаимоотношения материнского фактора (как одного из важнейших средовых воздействий) и психологического здоровья будущего ребенка достаточно широко представлена в мировой науке. В настоящей работе обозначены основные условия, которые еще в процессе формирования психологической готовности к материнству определяют «социальную ситуацию развития» ребенка [1. С. 269 –317].

Литература

1. *Выготский, Л. С.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4: Детская психология / Л. С. Выготский. М. : Педагогика, 1984. 431 с.
2. *Гурьянова, Т. А.* Развитие психологической готовности к материнству на стадии планирования беременности, во время беременности и после родов / Т. А. Гурьянова // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность : материалы Сибирского психологического форума (16–18 сентября 2004 г.). Томск : Изд-во ТГУ, 2004. С. 553–559.
3. *Матвеева, Е. В.* Анализ материнства с позиции теории деятельности / Е. В. Матвеева. Киров : Изд-во ВГГУ, 2004. 302 с.
4. *Мещерякова, С. Ю.* Психологическая готовность к материнству / С. Ю. Мещерякова // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18–27.
5. *Федорова, Е. А.* Социально-личностная готовность к материнству у студенток педагогического вуза / Е. А. Федорова // Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (2–3 апреля 2010 г.). Нерюнгри : Изд-во ЯГУ, 2010. С. 189–191.
6. *Филлипова, Г. Г.* Психология материнства : учеб. пособие / Г. Г. Филиппова. М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. 240 с.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ОБЩЕСТВА

М. А. Шмырёва

Томский государственный университет

В процессе прогнозов и споров о том, каким быть XXI в., высказано немало суждений. Широкое распространение применительно к общественному развитию получили такие понятия, как устойчивый рост и глобализация. Признавая их значимость для оценки современных тенденций, нельзя вместе с тем не видеть, что они не могут служить универсальными характеристиками нового этапа социальных, экономических, политических и иных процессов. Более точно сущность этого этапа отражает категория «инновационное развитие» [2]. Под инновационным развитием понимают, прежде всего, цепь реализованных новшеств. Оно более успешно, когда охватывает не одну узкую область, а включает в себя также сферы, влияющие на общий результат. Следовательно, инновационное развитие должно носить комплексный характер [1].

Повороты, совершаемые локальными культурами, экономикой, социальными группами и индивидуумами указывают на то, что общество и люди кардинально меняются. Сегодня человек должен привыкать к изменяющемуся миру. Новые идеи, новые мысли, новые условия, новые требования окружающего мира – смысл всего этого для себя человек должен понять [1].

Данная проблема актуальна в современном обществе. Психологические проблемы инноваций и вовлекающиеся в них людей привлекают внимание исследователей, практиков и вообще широкий круг людей, включенных тем или иным образом в современные преобразования общества. В настоящее время проблема инноваций в контексте психологии особенно актуальна и недостаточно разработана. Исследования, проводимые в данной области, получили широкое распространение, но, несмотря на это, многие вопросы остаются без ответов. Остро стоит вопрос о формировании инновационного потенциала. Общество нуждается в людях, которые обладают готовностью реализовывать свои способности и возможности «здесь и теперь», что влияет на ход развития современного общества.

Инновационный потенциал человека – личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения. Одним из таких условий выступает модальность эмоционально-установочного комплекса, позволяющая человеку включаться в режим саморазвития (перевода возможностей в действительность) когда в окружающей среде открывается возможность перехода в такой режим. Инновационный потенциал включает в себя [1]:

1. Личностные качества, такие как толерантность к неопределенности, способность к оправданному риску, ответственность, потребность в самореализации, мотивация достижения, рефлексивность, креативность (качества интеллекта, интеллектуальная инициатива).

2. Компетенции, прежде всего такие, как проектная компетентность, коммуникативная компетентность, информационная компетентность.

3. Витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира, жизнестойкость, суверенность, трудоспособность, мобилизационный потенциал, уровень саморегуляции, ориентация человека на определенное качество жизни).

Понятие потенциала также тесно связано со структурой целей и может определяться как совокупность возможностей. Под потенциалом

можно понимать совокупность ресурсов, которые характеризуют его силу, источники, возможности, средства, запасы, способности, и другие резервы, которые могут быть использованные в деятельности [2].

На данный момент развития науки, инновационный потенциал – это одна из главных проблем, остро стоящих перед исследователями. Важность введения данного термина обусловлена переменами в обществе и мире в целом. Мы говорим о людях, которые творят перемены, двигают прогресс, мы говорим об их поведении. Но проблема стоит в формировании той основы, которую мы можем назвать, как необходимое условие для развития личности в условиях инновационных преобразований.

Изучение инновационного потенциала личности можно технологизировать, если представить его как явление трансвременного порядка и характеристику человека как сложной саморазвивающейся системы. Способствовать созданию таких технологий может выяснение корреляций между динамикой бытия личности (измеряемые характеристики и компетенции) и динамикой становления личности (автобиографии). В качестве методологических оснований таких разработок может лежать Теория психологических систем и Трансвременный подход.

На основании этого было организовано исследование, проведенное в Томском государственном университете в 2009–2010 гг. в рамках проекта по созданию молодежной предпринимательской среды, осуществляемого ООО «Центр поддержки молодежного предпринимательства» в рамках реализации мероприятий областной целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Томской области на период 2008–2010 гг.» – «Развитие и обеспечение деятельности организаций инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства», в том числе: центров поддержки предпринимательства, центра субконтракции, микрофинансовых организаций, центра поддержки экспорта и иных организаций» по договору № 112/03–09 от 7 декабря 2009 г. Предметом этого исследования было соответствие двух аспектов инновационного потенциала личности: аспекта бытия и аспект становления личности, реализующей инновационный потенциал. В данном исследовании принимали участие 164 человека в возрасте от 18 до 30 лет. Выборка состояла из участников молодежного бизнес-проекта «Делу время!». Исследование проводилось на основе следующих методик: феноменологический метод; тест жизнестойкости С. Мадди

(перевод и адаптация Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой); Опросник самоорганизации деятельности (Е. Ю. Мандрикова); Опросник «Якоря карьеры».

Гипотеза исследования: феноменологический анализ позволяет обнаружить значимые характеристики динамики становления личности, связанные с эффективностью предпринимательской деятельности и инновационным потенциалом личности.

Исследование проходило в 5 этапов. На первом этапе – проведение феноменологического исследования. На втором этапе – сбор количественных данных. Третий этап – проведение факторного анализа. Четвертый этап – описание полученных качественных и количественных данных с помощью описательной статистики. Пятый этап – интерпретация полученных результатов.

В ходе обработки результатов феноменологического исследования, нами были выявлены пять основных феноменов, эксплицирующие структуру формирования инновационного потенциала. Данные феномены несут на себе осознание человеком своих внутренних ресурсов и возможностей для реализации своих способностей и потенциала в мире. В них отражаются переживания людей в ключевые моменты их существования, которые повлияли на мировоззрения и восприятие мира в целом:

1. Переживание чувства разочарования.
2. Переживание смерти близкого человека или существа.
3. Чувство одиночества.
4. Чувство свободы.
5. Феномен встречи со значимыми людьми.

Таким образом, мы получили 5 групп людей, характеризующиеся переживаниями одного из пяти феноменов. К этим 5 группам мы добавили еще одну – люди, которые отнеслись к заполнению автобиографий формально, в общем у нас получается 6 групп для исследования.

Проведение факторного анализа позволило выделить факторы, которые могут интерпретироваться как возможные причины взаимосвязи групп. При этом каждый фактор идентифицируется через группу переменных, которые теснее связаны друг с другом, чем с другими переменными. Таким образом, мы получили 5 факторов:

1-й фактор – максимально перспективная группа для предпринимательства;

- 2-й фактор – группа с потенциалом саморазвития и лидерства;
- 3-й фактор – группа с рационализаторским потенциалом (идентичность с развитием);
- 4-й фактор – группа с инновационным потенциалом (идеализм, отождествление себя с революционностью, воспроизводством, целостностью жизни);
- 5-й фактор – группа, включенная в систему потребления, подчиненности и подчиняемости системы.

При проведении описательной статистики (пакет программ «Statistica 7.0»), получились следующие данные. Мы получили точное количество людей по каждой из групп: переживание чувства разочарования – 14 человек; переживание смерти близкого – 15; чувство одиночества – 16; чувство свободы – 22; феномен встречи со значимыми людьми – 19; формального отношения – 78. Наибольшее количество людей можно обнаружить в группе с формальным отношением, наименьшее – группа переживания чувства разочарования. Мы также получили среднее значение по показателям шкал опросников респондентов по каждой группе. Интерпретируя полученные данные, мы можем сделать следующие данные.

Высокие значения инновационного потенциала, диагностируемые посредством валидизированных методик, коррелирует с присутствием в автобиографиях респондентов опыта потери близкого человека или существа. Эти люди характеризуются особым типом идентичности, они отождествляют себя с революционностью, целостностью жизни, склонны к автономии, собственными усилиями способны реализовывать идеи в жизни. Присутствие в автобиографиях переживания утраты коррелирует со способностью управлять изменениями.

Присутствие в автобиографии опыта глубокого разочарования коррелирует с высокими значениями по факторам самореализации и лидерства.

Высокие значения по фактору вовлеченности в процесс деятельности изменений также коррелирует с присутствием в автобиографии опыта встречи со значимым важным человеком.

Итак, если предположить что инновационный потенциал выявляется посредством валидизированных методик и характеризуется высокими значениями по факторам вовлеченности, самореализации, свободы, принятия риска, то в автобиографиях этих людей значительное место

занимает встреча, потеря близ человека или существа и переживания серьезного разочарования в себе и других.

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась: феноменологический анализ позволяет обнаружить значимые характеристики динамики становления личности, связанные с эффективностью предпринимательской деятельности и инновационным потенциалом личности; получить более полную картину понятия инновационного потенциала и качественно определить процесс его развития.

В результате исследования можно предположить, что для обучения молодых инноваторов и их развития имеет смысл опираться на практики экзистенциального характера. При вовлечении новых людей в программы по развитию инновационного предпринимательского потенциала привлекать в мероприятия экзистенциального опыта.

Экзистенциальное направление, реализует иное стремление для человека: отталкиваясь от сущностей, двигаться к существу и существованию, формирующее особый тип рациональности. Экзистенциальный опыт помогает создать свой стиль жизни, основанный на обоснованном риске. Особенно мощный потенциал экзистенциального мировоззрения сконцентрирован в практиках психологической помощи, современный человек испытывает огромную потребность в соответствующем опыте. Экзистенциальная психология на уровне опыта тела и души показывает: мы не беспомощны, если действительно живем в мире. А путь в мир лежит через выбор, и у каждого выбора есть цена [3].

Научный руководитель: д-р психол. наук, профессор О. В. Лукьянов.

Литература

1. Ключко, В. Е. Психология инновационного поведения / В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский. Томск : Томский государственный университет, 2009. 240 с.
2. Ключко, В. Е. Современная психология: системный смысл парадигмального сдвига / В. Е. Ключко // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 15–21.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ДЕВУШЕК. ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ

Ю. В. Ясюкевич¹, И. Л. Шелехов², О. Г. Берестнева³

¹*Юргинский технологический институт.*

Томский политехнический университет

²*Томский государственный педагогический университет*

³*Томский политехнический университет/*

Сибирский государственный медицинский университет

Последние десятилетия XX в. и начала XXI в. останутся в истории России не только как время социально-экономического кризиса в стране, но и как период с катастрофическим снижением рождаемости, деформацией понятия материнства и семейственности в обществе. Состояние демографического кризиса указывает на нравственную несостоятельность и жизненную дезориентацию молодежи [1]. Данные прогнозных расчетов говорят о том, что в ближайшее десятилетие население России будет продолжать сокращаться. По подсчетам демографа Александра Синельникова через 1 000 лет в России будет жить 150 человек [2, 3].

Русская семья исторически была большой, в ней вместе жили представители разных поколений. Традиционно детей в семьях было много, и роды, повторяющиеся почти каждый год, воспринимались всеми как самое что ни на есть естественное событие. Много детей – значит, Бог благосклонен к человеку, значит, и дом будет богат, и домочадцы счастливы [4]. В настоящее время картина материнства и отношение к нему изменилось не в лучшую сторону. Все чаще можно услышать от молодых девушек, что дети – это помеха на пути к устройству личной жизни, а многодетность порой воспринимается очень агрессивно и считается даже ущербностью. Социальная цена материнства в России чрезвычайно высока. Она высока для женщин, ибо подразумевает, что женщины должны расплачиваться за материнство ценой здоровья и снижения социального статуса [5].

Опираясь на существующие представления о репродуктивном поведении, можно говорить об *актуальности* всех вопросов, касающихся

репродуктивного поведения современных женщин, установок на рождение одного или более детей, влияния социальных, психологических и экономических мотивов на решение женщины иметь или не иметь детей [5].

Целью настоящего исследования был анализ репродуктивных установок современных российских девушек в работах российских ученых из разных регионов страны.

Приведены данные, объединяющие в себе показатели целых регионов страны: Республики Бурятия [6], Республики Саха (Якутия) [7], Сибири [8]. Обобщенные данные различных городов России и ближнего Зарубежья: Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Магнитогорска, Таллина, Риги, Пскова, Новгорода [1]. Отдельно упомянуты результаты по следующим городам: г. Ханты-Мансийск [9], Кемерово [10], Томск, Санкт-Петербург и Ленинградская область [11].

Основные вопросы, которые нас заинтересовали:

1. Жизненные приоритеты и ценности современных девушек.

Так Н. Е. Рудова в своих исследованиях по России и странам ближнего Зарубежья отмечает, что формируется еще одно поколение бездуховного родительства или, напротив, граждан, отказывающихся от родительства ради своих эгоистических целей. Встречаются девушки, которые сознательно отказываются от материнства, рассчитывая прожить жизнь, меняя спонсоров (4,0% респонденток). Тенденцию к так называемому спонсорскому контракту, – женщина исполняет роль сексуального обслуживания, за что мужчина ее спонсирует, «содержит», отмечают в своих работах и другие исследователи (Нартова Н. А., 2008. С. 12). В целом же, предпочтение респондентов отдается созданию семьи и воспитанию детей (73–78,0%), но при этом первоочередной задачей ставится построение карьеры (53,0%) [1].

По результатам специальных исследований, проведенных в различных регионах Сибири, на первый план у молодых женщин выходит фактор карьеры, а не семья. Исследователями было отмечено, что у молодых женщин в возрасте 17–25 лет наиболее значимыми факторами, сдерживающими рождение детей, являются невозможность совмещения учебы, профессионального роста с рождением и воспитанием детей; приоритет других жизненных интересов. Это отметили 54,8% опрошенных. На неопределенность будущего, психологическую неготовность к деторождению указали 32,7% [8].

Анализируя жизненные приоритеты, данные по Саха (Якутия) также подтверждают тенденцию к снижению значимости семейных ценностей у молодых женщин. Так Г. С. Гончарова приводит следующие данные: по мнению девушек – и русских, и саха – для современной женщины в иерархии семейных и производственных ценностей важнее производственные ценности, чем семейные. Работа, профессия, образование, заработок занимают ранги 1–4, а семья, дети, – ранги 5, 6 [7].

Подтверждают эти результаты и данные, полученные в исследованиях по г. Томску. Подавляющее большинство девушек хотят вначале достичь карьеры (74,0%), а лишь 19,0% ставят на первое место создание семьи, остальные ответы – «как получится» (Шелехов И. Л., 2010).

Таким образом, по данному вопросу можно сделать вывод, что преобладание производственных ценностей, стремление к карьерному росту среди молодых женщин наблюдается в большинстве регионов России, где были проведены подобные исследования. Семья как ценность уходит на второй план.

2. Планирование рождение детей.

Как уже отмечалось выше, коэффициент рождаемости одной российской женщины крайне низок и недостаточен для простого воспроизводства населения. В связи с этим увеличивается актуальность вопроса планирования количества детей одной женщиной.

Е. А. Татаурова, анализируя полученные данные по г. Ханты-Мансийску, отмечает, что основная часть молодых людей планирует суженный характер воспроизводства [9]. Аналогичная ситуация наблюдается в Сибири, где показатель детности на территориях колеблется в пределах от 1,12 (Омская и Новосибирская области) до 1,83–1,92 (Республики Алтай и Тыва). Это свидетельствует о суженном характере восполнения поколений на 34,0–48,4%, т. е. поколения детей заменяют только одного из родителей. Даже в Республиках Тыва и Алтай многодетность, являвшаяся национальным признаком, утратила свою значимость, и на данных территориях формируется современный тип воспроизводства, но с сохранением высокой смертности, в частности младенческой [8]. 51,4% молодых респондентов в Ханты-Мансийске планирует иметь двух детей в своей будущей семье, пятая часть (21,5%) – одного ребенка, трех – 18,4%, четырех и более – 6,6%. Причиной этому отчасти могли послужить низкие доли участия семьи (24,7%), педагогов (9,3%), врачей (7,9%) в процессе полового воспитания подростков [9].

Низкие репродуктивные установки подтверждают и исследования А. М. Роговой по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Большинство респондентов настроены на рождение 1–2 детей [11]. Данный показатель крайне низок и не сможет компенсировать смертность населения.

Несмотря на улучшение репродуктивных установок среди женщин по г. Кемерово [10], все-таки его еще нельзя назвать достаточным для нормального воспроизводства населения. Показатели, аналогично и ситуации по г. Санкт-Петербургу и области, крайне низки. Опрошено 1 238 женщин в возрасте от 20 до 29 лет, из них только 12,0% не высказали желания обзаводиться детьми в ближайшее время, 38,0% предполагали родить только одного ребенка, мотивируя это экономическими сложностями или состоянием здоровья; 43,0% предполагали родить двоих и 7,0% – трех и более детей [10]. Также авторы отмечают, что, несмотря на относительно высокую контрацептивную грамотность многих современных женщин, в опрошенной совокупности широко распространена практика искусственного прерывания беременности (65,0%), а также весьма позитивное в целом отношение к ним (45,0%) [10]. Все это явно не может поспособствовать рождению 2-х и более детей.

По Республики Бурятия социологические исследования женщин в возрасте 24–35 лет дают более оптимистичные показатели, чем по Санкт-Петербургу и области, а также г. Кемерово, но все же недостаточные в настоящей действительности. Значительная часть ориентируется на рождение двух и более детей. Так, в зависимости от социальной и этнической принадлежности, места проживания среди женщин репродуктивного возраста ориентируются на рождение 2-х детей – 45–55,0%, примерно, по 15–20,0% – на рождение 1 и 3 детей. Около 5,0% составляют сторонники многодетности. Примерно, 1,5–2,5% опрошенных женщин по каким-то причинам считают оптимальной для себя семью без детей [6]. Если сопоставить полученные данные, мы увидим, что в среднем на 60–75,0% женщин Республики Бурятия приходится по 2 детей.

Выводы.

1. Анализ данных исследований о приоритетных жизненных ценностях дает право говорить, что в настоящее время актуальным в жизни современных молодых женщин является профессиональная самореализация. Семья и дети как жизненные ценности уходят на второй план.

2. Среди молодых женщин наблюдается тенденция к отказу от детей и полноценной семьи в пользу «спонсорского сожительства». Все чаще

женщина видит себя в роли сексуально привлекательного объекта для мужчины, но не в роли жены и матери совместных детей.

3. Не смотря на все государственные программы по поддержке рождаемости, современные девушки не планируют становиться многодетными матерями, что так необходимо современной России. В среднем около 50–55,0% выразили желание стать мамой двоих детей, что крайне недостаточно в настоящих условиях. И только около 7,0% готовы к многодетности.

Результаты исследований позволяют говорить, что тема репродуктивного поведения очень актуальна в настоящее время и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Рудова, Н. Е. Феномен материнства в духовном воспитании личности / Н. Е. Рудова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 18, № 44. С. 426–434.

2. Карпова, Л. И. Динамика демографических процессов в России / Л. И. Карпова // Научный вестник МГТУ ГА. 2007. № 113. С. 114–119.

3. Рыков, С. Убывающий народ / С. Рыков // Литературная газета. 2005. 16–22 ноября.

4. Сбирная, Ж. Материнство в Древней Руси / Ж. Сбирная // Народная газета. 2006. № 6. С. 16.

5. Уразаев, А. М. Развитие личностной сферы женщины как субъекта репродуктивного поведения в современной системе социальных ролей / А. М. Уразаев, О. Г. Берестнева, И. Л. Шелехов, Ю. В. Ясюкевич, Л. И. Миненко, Л. В. Шабанов // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2009. Вып. 11 (89). С. 120–125.

6. Хараев, Б. В. Влияние компенсационных эффектов повышения рождаемости на изменение возрастной структуры женщин-матерей / Б. В. Хараев // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2009. Вып. 5. С. 266–270.

7. Гончарова, Г. С. Студенческая семья и отношение учащейся молодежи к семейным ценностям / Г. С. Гончарова // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. Вып. 3. С. 61–67.

8. Бабенко, А. И. Сохранение и реализация репродуктивного потенциала в Сибири / А. И. Бабенко // Бюллетень СО РАМН. 2003. Вып. 2 (108). С. 23–27.

9. Татаурова, Е. А. Социологическая оценка формирования репродуктивных планов молодежи / Е. А. Татаурова, В. П. Новоселов, Е. С. Понич, А. И. Бабенко // Сибирский медицинский журнал. 2009. Т. 24, № 3–1. С. 57–60.

10. Морозова, Н. И. Анализ некоторых социальных факторов репродуктивного потенциала населения / Н. И. Морозова, М. Г. Чухрова, В. В. Гафаров, Ю. Н. Кабанов // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4 (16). С. 270–274.

11. Рогова, А. М. Динамика изменений установок на семью среди различных категорий молодого поколения / А. М. Рогова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 14, № 37. С. 316–319.

12. Темкина, А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А. Темкина, А. Роткирх // Социс. 2002. № 11.

13. *Бабенко, А. И.* Формирование и потери человеческого капитала в Сибири / А. И. Бабенко // Бюллетень ННИИ общественного здоровья. 2007. № 2. С. 18–20.
14. *Рудова, Н. Е.* Духовно-нравственное понимание материнства / Н. Е. Рудова // Мир образования – образование в мире. 2009. № 1. С. 268–273.
15. *Нартова, Н. А.* Гендерный контракт современного российского общества и не-конвенциональные гендерные идентичности / Н. А. Нартова // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 56–64.

**СЕКЦИЯ
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ,
РЕКЛАМА**

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБЩЕСТВА

Н. Б. Галашова, В. А. Галицкая

Томский государственный педагогический университет

В современном мире в целом и в России в частности происходят стремительные перемены. Незаменимые в прошлом профессии становятся неактуальными, финансируются принципиально новые отрасли экономики, что не может не отразиться на менее приоритетных отраслях. В свою очередь, людям становится все сложнее приспосабливаться к постоянно изменяющейся ситуации в стране, нестабильность обостряет чувство тревожности. Как следствие, возникает дезорганизация общественной системы. В сложившейся ситуации, наряду с другими мерами, способными урегулировать конфликтные процессы в обществе, является социальная реклама.

Социальная реклама – это современный способ распространения общественно значимого, важного или полезного знания инструментами рекламы [1. С. 20]. Такая реклама пропагандирует ортодоксальные ценности, которые были выявлены в процессе эволюции общественных отношений. Ценности – это явное или неявное, различаемое в индивиду или характерное для группы представление о желательном, которое влияет на выбор из возможных вариантов, типов, средств и целей действия [2. С. 99]. Процесс влияния любой рекламы, в том числе и социальной, не должен быть односторонним. Общество, на которое направлена реклама, в свою очередь воздействует, пусть и неосознанно, на рекламопроизводителя, проявляя реакцию или игнорируя рекламное сообщение. Кроме того, потребителям социальной рекламы важно видеть в ней отображение своих проблем, нужд и ценностей, для понимания того, что проблемы решаемы, понятны государственной власти, которая зачастую является инициатором социальной рекламы. Учитывая эти особенности общества можно создать действительно эффективную социальную рекламу.

В связи с актуальностью социологической деятельности в области социальной рекламы, было проведено исследование, целью которого

было выявить степень соответствия ценностей, транслирующихся в социальной рекламе, размещенной на улицах г. Томска, ценностям присущим его жителям.

Было проведено две фокус-группы по 8 человек, с участием молодежи и работоспособного населения г. Томска.

На первом этапе, обсуждались наиболее значимые проблемы, с которыми сталкиваются люди в своей повседневной жизни. Представители молодежи чаще называли: транспортные коммуникации, нехватка времени на личную жизнь, неудовлетворительная работа спецавтохозяйства, что отражается на облике города в целом, что свидетельствует о важности проблем экологии.

В то же время анализ социальной рекламы показал, что рекламы, направленной на улучшение экологической ситуации в нашем городе нет. Поскольку социальная реклама должна не только отражать ценности, но и формировать их, тема соблюдения чистоты в родном городе могла бы быть весьма актуальной.

Существует проект «Я из Томска», призванный формировать чувство патриотизма. Это особенно важно сейчас, когда развивается такое направление как региональный брендинг, и государственные структуры задаются вопросом о том, как удержать молодежь в своем регионе. Эту задачу можно решить путем прививания горожанам чувства любви к городу, в котором они живут и ответственности за его благосостояние.

Проблемы с трудоустройством после окончания университета также остро стоит перед студентами. Среди молодежи бытует мнение, что Томск – это город, в котором хорошо учиться, но практически невозможно найти работу по специальности, в связи с высоким уровнем конкуренции. В этом случае, социальная реклама может создавать положительный имидж определенным профессиям, и в дальнейшем сломать сложившийся стереотип, поскольку молодые специалисты, заканчивающие университеты в Томске, должны быть уверены в том, что смогут получить работу. Также, в ходе исследования было выявлено, что молодежи присущи такие ценности как самореализация и личностный рост. Необходимо отображать и эти ценности, раскрывая перспективы самореализации в нашем городе, что косвенно может способствовать удержанию талантливой молодежи в Томске.

Представители обеих фокус-групп называли тему агрессии, с которой приходится сталкиваться в повседневной жизни. Примечательно,

что среди участников интервью трудоспособного возраста, выявлена такая ценность как уважение, в то время как среди молодежи эта тема не актуализировалась. Это говорит о том, что в социальной рекламе стоит чаще упоминать о вежливости друг к другу и продвигать идею толерантности к окружающим.

Вышесказанное подтверждает тот факт, что среди молодежи присутствует нетерпимость к представителям разных народных диаспор. Ксенофобские настроения нашли выражение среди студентов в том, что они видят все большее засилье иностранных граждан.

Следующим шагом исследования было выявление ценностей участников фокус-групп. Для этого, предлагалось сначала вслух озвучить всем желающим то, что они считают важным для себя, а затем, проанализировать ценности в анонимной анкете. Как у молодежи, так и у представителей трудоспособного населения в приоритете семейные ценности. Молодежь видит семью, как ячейку, помогающую выбрать жизненные ориентиры, для взрослых она гарант стабильности, в котором всегда найдешь поддержку. Эта ценность находит отражение в социальном проекте «Дети наше все», также эта социальная компания работает на идею любви и верности, так как в целом проект продвигает ценности семьи.

Старшие участники фокус-группы озвучивали ценность здоровья, которое является одним из главных факторов существования. Данная ценность присутствует в социальной рекламе города в качестве проекта «Томск без наркотиков» и тема безопасности жизнедеятельности – в рекламе, созданной по заказу ГАИ ГИБДД.

После определения ценностных ориентаций, респондентам было предложено к обсуждению несколько изображений социальной рекламы, которые можно встретить на улицах г. Томска.

В ходе анализа социальной рекламы города Томска, удалось выявить наиболее распространенные темы.

Здоровый образ жизни продвигается в проекте «Томск против наркотиков». Для анализа респондентам были представлены несколько изображений на данную тему. Одним из них был плакат студентов ТГУ Ильи Поталицына и Юлии Назаровой (рис. 1). Шесть студентов из восьми отметили, что работа им нравится и в целом оценивается как подходящая по заданной тематике. Однако многие сошлись во мнении, что надпись, сопровождаемая это изображение, не в полной мере отражает

идею сообщения. Было выдвинуто предположение, что она могла быть любой, что говорит о некоторой нечеткости подачи смысла сообщения. Что касается визуального восприятия, отмечалось слабый отталкивающий эффект от транслируемой проблемы. Причиной тому служила эстетическая красота представленных молодых людей. По мнению студентов, сигареты органично вписывались в гламурный образ влюбленных, что мешало формированию отрицательного отношения к проблеме табакокурения.

Рис. 1. «Они нянчат её сестренку, потому что своих детей уже не будет»

Взрослые участники исследования говорили, что молодые люди с низкой степенью ответственности уже имеют ребенка и плохо воздействуют на него. Также глядя на изображение не видно, что они раскаиваются и признают свое поведение неправильным.

Следующим призером конкурса «Томск против наркотиков», который тоже был представлен на обсуждение, была работа Ольга Куршакова с проектом «Сделай правильный выбор» (рис. 2).

Большинство респондентов молодежной фокус-группы оценили его как непривлекательный и отталкивающий. Тема разделения на добро

и зло по мнению участников уже не оказывает своего должного влияния. Самым ярким замечанием, поддержанным большинством участников было то, что призыв, содержащийся в работе: «Сделай правильный выбор», может спровоцировать протест со стороны молодежи, поскольку будет расценен как диктат норм и правил. Участники отмечали, что для того, чтобы решить проблему, нужно давать позитивные, жизнеутверждающие отзывы. Противопоставление некорректно, поскольку нельзя выбирать из жизни и смерти. Нормой является только одно – не употреблять психотропные вещества, все остальное – это отклонение от нормы. Также участники отмечали, что не хватает плакатов, в которых была бы информация о том, где можно получить помощь.

Рис. 2. «Сделай правильный выбор»

Взрослые представители опрашиваемых высказывались, что это похоже на рисунок школьника. Часто используется противопоставление негатив – позитив. Идея, что изображение о вреде наркотиков ясна, но в целом навивает отрицательные эмоции. Кладбище напоминает о жертвах наркомании и кажется, что число подверженных этой болезни огромно, что вызывает чувство беспокойства за детей.

Еще одной темой социальной рекламы города является безопасность жизнедеятельности. Изображение пристегнутого плюшевого мишки, которое сопровождалось надписью: «ГИБДД напоминает: пристегните детей» (рис. 3).

Всем участникам младшей фокус-группы понравилась подача социального сообщения. Было отмечено, что плюшевый медведь ассоциируется с ребенком и при взгляде на такой баннер водитель вспоминает, что ответственен не только за себя, но и за пассажиров, которых везет.

Рис. 3. «ГИБДД напоминает: пристегните детей»

Респонденты из старшей фокус-группы также отметили идею как необычную. Говорили о том, что редко встретишь сообщение на тему соблюдения правил дорожного движения, которое бы не устрасало. Но в то же время это заставляет задуматься о безопасности ребенка. Также это сообщение потенциально может мотивировать людей снизить скорость на дороге.

Рис. 4. «Я из Томска»

Следующая серия сообщений, продвигающих идею патриотизма, называется «Я из Томска» (рис. 4). Представители молодежи оценили это как призыв любить свою малую родину. Высказывались мнения, что люди, живущие в Томске, знают, что могут принять участие, и это

придает чувство общности со своим городом, что поднимает престиж Томска в глазах его жителей. Было отмечено, что это хороший пиар-ход для городской власти, которая тем самым повышает авторитет себе и Томску.

Взрослые участники опроса отметили, что зачастую в этом проекте показаны позитивные картинки. Проект настраивает на размышления о том, что хорошего связано с городом, это вызывает положительные ассоциации.

Ярким примером позитивной социальной рекламы служит проект «Дети наше все» (рис. 5).

Рис. 5. «Дети – наше все!»

Изображения, принадлежащие этому проекту, были отмечены молодежью как очень позитивные, пропагандирующие здоровый образ жизни. Было отмечено, что изображения отрывают от повседневной суеты.

Старшие участники опроса также высказались о том, что такая социальная реклама дарит радость.

Когда респондентам было предложено высказаться о том, какую роль играет социальная реклама в жизни общества, люди отвечали, что социальная реклама необходима для того, чтобы сохранить ценностные ориентиры, показывать, к чему нужно стремиться. Однако стоит ориентироваться на особенности целевой аудитории. В рекламе, направленной на молодежь, нужно учитывать, что в этом возрасте обострены протестные настроения, и реклама может быть воспринята как навязывание норм и правил. Поэтому нужно приближать социальную рекламу к реальности, но предпочтительнее к позитивной реальности.

Что касается тем, затрагиваемых социальной рекламой, они должны быть разнообразными, чтобы велась комплексная профилактика общественных проблем.

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом, ценности социальной рекламы, транслирующейся в г. Томске, во многом соответствуют ценностям респондентов. Однако, задачей социальной рекламы также является формирование ценностей общества, это доказывает и тот факт, что сами респонденты отмечают культурный упадок, который можно преодолеть при помощи социальных сообщений, которые бы прививали людям нормы и ценности того общества, в котором они живут.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Н. Б. Галашова.

Литература

1. Степанов, Е. Социальная реклама в России. Генезис, жанры, эволюция / Е. Степанов. М. : Вест-Консалдинг, 2006. 122 с.
2. Ольшанский, В. Б. Психология – практикам: учителям, родителям и руководителям / В. Б. Ольшанский. М. : Тривола, 1996. 264 с.
3. Девятко, И. Ф. Методы социологического исследования / И. Ф. Девятко. Екатеринбург : Уральский университет, 1998. 208 с.
4. Беличева, С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. М. : Социальное здоровье России, 1994. 221 с.
5. Федотова, Л. Н. Социология рекламной деятельности : учебник для вузов / Л. Н. Федотова. 3-е изд., испр. и доп. М. : ОНИКС, 2007. 556 с.

РЕКЛАМНЫЕ ИДЕНТИФИКАТОРЫ КАК ФАКТОР ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПОКУПКЕ

Н. Б. Галашова, С. А. Дашина

Томский государственный педагогический университет

В современном мире перед производителем стоит проблема – продвижение своего товара/услуги на рынок, который насыщен разнообразием товаров и услуг. В одной только товарной категории можно насчитать около сотни наименований. В этом случае задача производителя – выделить свой товар, противопоставить его всем уже существующим аналогичным товарам, показать преимущество товара при первой его встрече с потребителем. Особенно сложно выделить новый товар, ведь потребитель чаще всего не рискует его покупать, оставаясь преданным своим первоначальным предпочтениям. Не боятся рисковать любители всего нового и «не такого как у всех», т. е. новаторы. Они с охотой приобретают новинки с целью показного потребления. Однако количество новаторов составляет около 2–3 %, а поэтому нельзя надеяться на высокий уровень спроса. В такой ситуации производителю могут прийти на помощь рекламные идентификаторы: торговая марка, логотип и упаковка, осуществляющие коммуникацию между товаром и потребителем.

При выпуске нового товара на рынок, в первую очередь, у производителя возникает необходимость назвать свой товар, дать ему имя, другими словами, торговую марку. После этого начинается разработка логотипа или визитной карточки товара, а также его внешнего вида, т. е. упаковки.

Рынок товаров и услуг постоянно растет и меняется, а производителям в свою очередь, приходится прибегать к новым способам создания удачных, а главное, эффективных рекламных идентификаторов. Но проблема состоит в том, что иногда товары и услуги, имеющие довольно хорошее качество, но неэффективные рекламные идентификаторы, просто уходят с рынка, не выдержав натиск более успешных и сильных конкурентов, либо остаются на рынке, но не могут пробиться в число лучших. Такое происходит часто. Производителю нужно продумать, как можно предотвратить провал товара и, даже более того, сделать его успешным при первом же его выходе на рынок.

Создавая упаковку, что, прежде всего, должен учесть производитель: ее неповторимый дизайн или удобство упаковки при использовании товара? Несомненно, и то, и другое. Упаковка для каждого товара индивидуальна, т. к. каждый продукт имеет свою специфику. Какой-то товар должен быть герметично упакован, потому что является скоропортящимся, а какой-то товар вообще не требует упаковки. Производитель должен позаботиться и о дизайне упаковки, дабы она не потеряла функции идентификации и коммуникации, которые так важны на рынке конкурентных товаров и, конечно же, о ее первоначальном предназначении. Известно, что каждая товарная категория имеет свои преобладающие виды упаковок. Они все предназначены для одного товара, однако выполнены вариативно, предлагая потребителю выбрать ту упаковку, которая является для него более подходящей. Упаковки могут отличаться, формой, материалом, объемом, а поэтому интересно, какие именно функции, прежде всего, должны выполнять упаковки в различных товарных категориях. Для получения ответа на данный вопрос было проведено исследование, а именно, формализованное интервью по трем товарным категориям: туалетная вода, майонез и порошок для стирки. Они явились наиболее показательными, т. к. все они выполняют различные функции, удовлетворяют различные потребности и имеют различную структуру и свойства, а значит, данное исследование наверняка могло бы показать, насколько будут отличаться или совпадать и функции их упаковок.

Предполагалось, что потребительское поведение относительно выбора упаковки продукции тестируемых товарных категорий будет существенно отличаться. Основные отличия будут связаны с функциональными задачами упаковки, но в тоже время, есть и универсальные признаки, по которым потребители выделяют «свой» товар из аналогичных товаров, например, фирменный цвет, логотип и т. др.

Для исследования в первую очередь было важным выявить общую тенденцию мнений потребителей, а значит, необходимо было опросить самых разных покупателей, не обращая особого внимания на их демографические характеристики: возраст, пол и т. д. Было решено опросить по 10 потребителей каждой товарной категории, т. е. 30 человек в сумме.

При проведении опроса стало известно, какими именно свойствами упаковки руководствуются покупатели при выборе товаров из таких категорий, как: «майонез», «стиральный порошок» и «парфюм», как по-

требители узнают свой товар на полках магазинов и что, по их мнению, является наиболее важным в упаковке данных товаров.

Покупаемыми марками из товарной категории «майонез» при опросе оказались: «Calve», «Ромашка», «Чудесница», «Поваренок», «Махеев», «Золотой» и «Провансаль». В категории «стиральный порошок» – «Ariel», «Миф», «Пемос», «Persil», «Losk» и «Tied». Если рассматривать категорию парфюма, то в число приобретенных марок вошли: «Mex», «Yean Reno», «Max Mara», «Allure», «Escada», «Nina Ricci», «Versace», «Givenchy», «J'adore» и «Jeanne LANVINE». Такое разнообразие торговых марок, видимо, связано с тем, что ассортимент парфюма намного шире ассортимента категорий стирального порошка и майонеза.

Во-первых, необходимо было определить, по каким признакам потребитель идентифицирует нужный ему товар среди аналогов. При опросе потребителей об узнаваемости упаковки майонеза мнения респондентов разделились по трем категориям: по цвету упаковки, по названию и по картинке на упаковке. Девять респондентов из десяти ответили, что узнают «свой» товар по цвету упаковки. Четыре респондента сказали, что все-таки читают название товара, либо обращают внимание на его шрифт, цвет и стиль написания. Еще четверо отметили значимым элементом изображение (картинку, персонаж и т. д.).

При опросе потребителей об элементах идентификации упаковки стирального порошка мнения разделились таким образом: все респонденты признали для себя значимость цвета упаковки, пятеро из десяти ориентируются также по названию и всего один респондент назвал самым запоминающимся элементом изображение мультипликационного героя на упаковке порошка.

Результаты по опросу потребителей, купивших парфюм, оказались наиболее емкими и обширными.

Это связано с тем, что упаковка парфюма состоит из двух частей: коробочки и флакона, которые часто взаимно дополняют друг друга, но в то же время, могут иметь разную степень запоминаемости. Респонденты выделили и цвет, и форму флакона, а у коробочки указали только цвет. Видимо, форма коробки является наименее важным элементом, так как чаще всего она бывает обычной прямоугольной формы. Покупатели парфюма также выделили название товара, они, как и потребители майонеза и порошка, сочли название значимым и запоминаемым элементом в оформлении духов.

Во-вторых, необходимо было выявить ассоциации потребителей, вызываемых упаковкой. Однако не все покупатели смогли ответить на поставленный вопрос. Причиной являлось либо отсутствие каких-либо ассоциаций, либо затруднение в их формулировке.

Если говорить о майонезе, то четыре покупателя все же смогли назвать свои ассоциации, также смогли сформулировать свои ассоциации и потребители стирального порошка. Респонденты отметили такие характеристики, как: качество, доверие, свежесть и т.д. Самые же позитивные и эмоциональные ассоциации возникли у покупателей парфюма. Из десяти респондентов не справились с задачей лишь двое. В данную категорию ассоциаций вошли такие понятия, как: «радость», «веселье», «лето», «праздник».

По ответам респондентов можно увидеть, что ассоциации от упаковок всех товарных категорий у потребителей различны. Однако, ассоциации каждой отдельно взятой категории товаров – схожие. Это говорит о том, что все производители какого-либо одного товара или категории товара стараются создать такую упаковку, которая бы доносила какие-то определенные свойства продукции. Эти свойства как раз передаются потребителям через ассоциации и служат дополнительным способом привлечения их внимания.

И, в-третьих, необходимо было определить, что для потребителя является наиболее важным в упаковке тестируемого товара.

При опросе потребителей выяснилось, что у каждой из трех товарных категорий выделяются собственные превалирующие, отличающиеся от других категорий, желаемые характеристики, важные для покупателей.

Потребители выделили пять важных свойств упаковки майонеза: компактность, наличие удобной крышки, герметичность, возможные дополнительные функции упаковки и ее устойчивость. В отличие от майонеза, упаковка стирального порошка должна выполнять совершенно другие требования, а именно: водонепроницаемость, удобство транспортировки, удобство утилизации, удобство при использовании порошка и размер упаковки.

Для упаковки парфюма респонденты выдвинули четыре требования, различных от тех, которые были приведены выше: прочность флакона и крышки, размер и форма, а также яркость упаковки.

Гипотеза, выдвинутая в начале исследования, полностью подтвердилась. Исследование показало, что потребительский выбор относитель-

но той или иной упаковки товара из категорий «майонез», «стиральный порошок» и «парфюм» будет существенно отличаться. Каждый из этих товаров имеет свои индивидуальные особенности, свойства и характеристики, поэтому упаковка в первую очередь должна быть приспособлена именно под них. Для каждого товара характерна «своя» упаковка, однако она должна не только соответствовать требованиям товара, но и требованиям потребителя. В каждой товарной категории функциональные задачи упаковки будут различными, а значит, и потребитель при покупке товара будет руководствоваться различными требованиями к ней. Требования, как показал опрос, могут быть неодинаковы: герметичность, форма, яркость и т.д. Требования покупателя формируются в зависимости от того, какой товар он собирается купить. Однако следует отметить, что не только функциональные задачи упаковки влияют на потребительский выбор. Упаковка – это не только вместилище для товара, но и информационный носитель, рассказывающий о товаре, его фирме и производителе, а также имеющий определенные универсальные признаки, с помощью которых потребители идентифицируют «свой» продукт из аналогичных товаров. К таким признакам можно отнести торговую марку, логотип, фирменный цвет, шрифт, персонаж и т.д.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Н. Б. Галашова.

КРЕАТИВНАЯ РЕКЛАМА: К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В. А. Лупак, Н. Б. Галашова

Томский государственный педагогический университет

Современный рынок рекламы находится в состоянии роста и развития. Креативные отделы работают над созданием рекламы, способной привлечь внимание покупателя и стимулировать покупку товара или услуги. И с каждым днем все сложнее разработать уникальное рекламное сообщение, способное отстроить рекламируемую марку от продукции конкурентов. В результате появляются новые идеи, оригинальные графические решения – доминирует креативный подход к созданию рекламных сообщений для наиболее эффективного воздействия на аудиторию [4].

Креативность мы понимаем как творческую способность, характеризующую готовность к созданию принципиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления и входящая в структуру одаренности в качестве независимого фактора, а также способность решать проблемы, возникающие внутри статичных систем [3]. Однако следует отметить, что рекламный креатив не всегда приводит к потребителя к запланированному выбору. Зачастую, рекламное сообщение, разработанное на основе каких-либо нестандартных приемов, таких как юмор, метафора, многозначность смысла, оригинальность, привлекает внимание потребителя, но при этом не стимулирует ответной реакции – покупки товара [2].

Таким образом, в настоящее время достаточно остро стоит проблема целесообразности креатива в рекламной практике, уместности подобных рекламных ходов в продвижении продукции массового употребления. Поэтому интересно выяснить способствует ли креативная идея более эффективному восприятию рекламы [4].

Гипотеза нашего исследования – креативная реклама более эффективна, так как лучше привлекает внимание и запоминается.

Цель данного исследования – оценить эффективность рекламы шоколада.

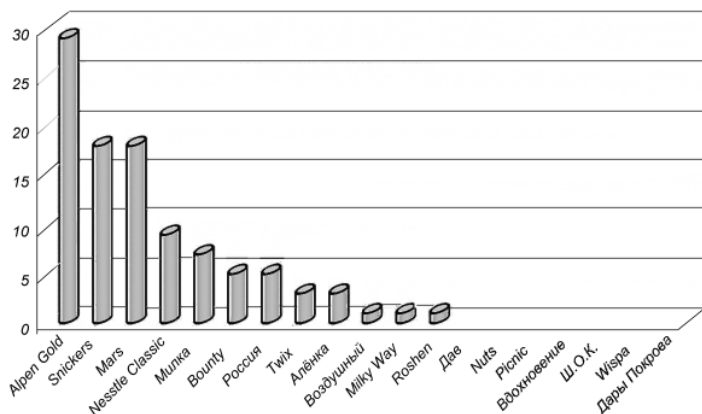
Задачи данного исследования:

1. Выявить уровень знания марок шоколада и вовлеченность в потребление шоколада.
2. Выявить знание рекламы шоколада.
3. Протестировать восприятие рекламы шоколада.

Объектом исследования является реклама шоколада, предметом – восприятие потребителей шоколада рекламы разных марок. В качестве генеральной совокупности выступают все жители г. Томска. Выборку составили 100 респондентов, потребляющие шоколад. Выборка стихийная, т.е. отбор строится по принципу добровольности вхождения единиц генеральной совокупности в выборочную. Респонденты были разделены на две примерно равные возрастные группы: от 16 до 30 и от 30 до 50 лет. Для изучения отношения потребителей к рекламе использовался метод полуструктурированного интервью с тестированием визуальных стимулов – раскадровки рекламных роликов.

Итак, первыми вопросами интервью определялись известные потребителям марки шоколада, при этом акцент ставился на определение

первой названной марки и последующих. Список топовых марок шоколада был составлен на основе материала 2010 г. исследовательской компании «КОМКОН» [6]. По итогам выявления известности марок были получены следующие данные: среди первых названных марок шоколада лидирует «Alpen Gold» – 29% респондентов, на втором месте марки «Snickers» и «Mars» – 18%, на третьем «Nesstle Classic» – 9%. Следует обратить внимание на рейтинг таких марок как «Россия Щедрая Душа», «Bounty» – 5%, «Воздушный» – 1%, «Dove» – 0%. Среди последующих названных марок шоколада лидирует марка «Snickers» – 38%, «Alpen Gold» – 29%, «Bounty» – 28%, «Mars» – 27%, «Twix» – 25%, «Россия» – 18%, «Воздушный» – 9%, «Dove» – 6%. При оценке списочной известности было выявлено 100% знание марок шоколада, за исключением марки «Дары Покрова». Полученные данные при определении наиболее известных марок целесообразно соотнести с данными о потреблении шоколада, которые выявлялись с помощью вопроса «А какой шоколад вы покупали за последние 2 недели?». Наиболее часто потребители выбирают марку «Snickers» – 46%, «Alpen Gold» – 36%, «Twix» – 21% и «Bounty» – 18%. Остальные данные представлены на графике.

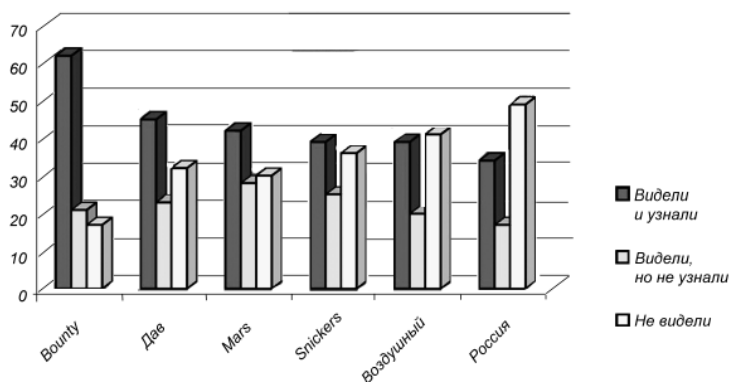
Первая названная марка шоколада

Отсюда следует вывод о том, что спонтанная известность (без подсказки) во многом определяется вовлеченностью в потребление – в первую очередь вспоминаем то, что регулярно покупаем.

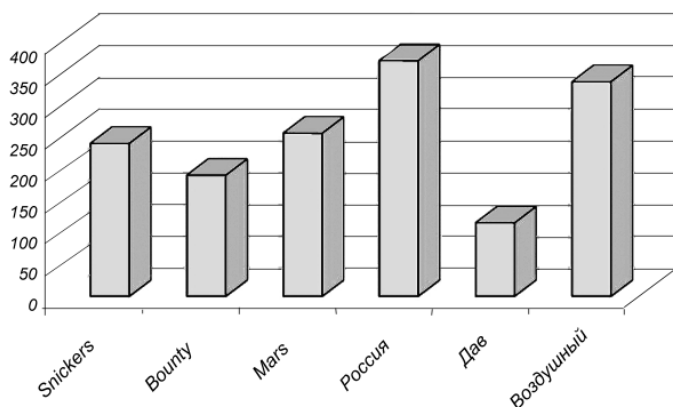
Перед тестированием конкретных рекламных роликов необходимо было выяснить знание рекламы шоколада в общем. Таким образом, выяснилось, что 63 % респондентов встречали рекламу или какие-либо акции по продвижению шоколада, и в то же время 37 % респондентов не смогли вспомнить рекламу шоколада. Для тестирования восприятия рекламы шоколада было отобрано 6 рекламных роликов таких марок, как «Snickers», «Bounty», «Mars», «Россия Щедрая Душа», «Dove», «Воздушный» – это разные по содержанию и креативности ролики, которые позволяют оценить восприятие креативной рекламы. В раскадровке роликов не было признаков бренда (названия, логотипа).

Критерии креативности были взяты из классификации американского психолога Элиса Пола Торренса [3]. В соответствии с данной классификацией критериям креативности отвечают рекламные ролики марок: «Snickers», «Mars», «Воздушный», ролики других трех марок шоколада целесообразно оценивать как примеры традиционной рекламы. В результате тестирования узнаваемости были получены следующие данные: наиболее узнаваемой рекламой является реклама «Bounty» – 62 %, на втором месте реклама шоколада «Dove» – 45 %, реклама «Mars» – 42 %. При этом 49 % респондентов не вспомнили рекламу шоколада «Россия» и 36 % – рекламу «Snickers». Также 28 % респондентов отметили, что видели рекламу «Mars», 25 % – «Snickers», но не смогли вспомнить рекламируемую марку (соотнести с рекламируемым продуктом). Оценивая понимание респондентами основного смысла рекламных роликов было выявлено, что смысл рекламы «Bounty», «Mars», «Dove» и «Воздушный» легко читается и воспринимается именно так, как запланировано рекламистом, вызывая нужные ассоциации. Так «Bounty» – это райское наслаждение, «Mars» – это свобода, «Dove» – это шелковый шоколад, «Воздушный» – это фантастика, сказка, «воздушность».

В то время как смысл роликов марок «Snickers» и «Россия» воспринимается неоднозначно. Небольшое количество респондентов упоминает в рекламе «Россия» заботу, любовь и взаимоотношения в семье, в рекламе «Snickers» упоминает обряд сватовства, воспроизводя при этом музыкальный ряд данного ролика. Но ни один из респондентов не вспомнил главную идею ролика – «Безумно как „Snickers“ с семечками». Большинство респондентов смысл ролика воспринимается как жизнь африканского племени, как реклама черного шоколада, бедность данного народа, голод.

Предпочтения рекламы шоколада

Шоколад надо рекламировать как-то по-другому

Содержание ролика марки «Россия» воспринимается неоднозначно в силу неизвестности данного ролика большинству респондентов, которые говорили о демонстрации в ролике учебы, работы, проблем со светом, зависимости от компьютера.

В ходе тестирования было выявлено, что больше всего респондентам нравится рекламный ролик марки «Bounty» – 46%. Свой выбор респонденты объясняют приятными впечатлениями от рекламы – красивый пейзаж, приятные краски, океан, острова, пляж, желанием отдохнуть,

расслабиться. Мужская половина респондентов отмечали привлекательность девушки. При этом 22 % респондентов, которые отметили, что данный ролик им не нравится, объяснили это банальностью сюжета, одинаковостью всех рекламных роликов данной компании.

На втором месте реклама шоколада «Dove» – 28 %, который привлекает изысканностью, приятными тонами, шоколадными розами, обстановкой, шелком.

На третьем месте реклама «Snickers» и «Mars» – 23 %, которые привлекли оригинальностью идей, наличием юмора, а также «Snickers» – интересным поворотом событий, «Mars» – современностью, а у мужской половины респондентов прослеживается перенос образа свободного человека на себя, что и привлекает данный круг респондентов. Наиболее отрицательные отзывы получила реклама шоколада «Россия» – 58 % – это «не интересно», не понимаем смысл сюжета, нелепый способ выражения любви.

Не понравилась и реклама марки «Воздушный» – 51 % из-за неясности смысла, не реалистичности. Мы также выяснили вызывает ли реклама желание купить шоколад. Шоколад «Россия» – вообще не вызывает желание купить этот продукт (410 баллов), респонденты при этом называют данную рекламу не интересной, не привлекающей внимание, не запоминающейся.

На втором месте реклама «Snickers» – 385 баллов – большинство респондентов не видят связи между рекламным сюжетом (афро-американцы, деревня, праздник с русскими песнями) и шоколадом данной марки. Кроме того большинство респондентов отметили, что отталкивает сама по себе концепция ролика, она непонятна – представлена не близкая респондентам этническая группа, в результате нет идентификации с героями.

Реклама «Bounty» и «Dove» является наиболее запоминающейся, доступной по смыслу, содержащей идею, которая близка потребителю и наиболее соответствующую рекламируемому продукту среди тестируемых марок, что свидетельствует о ее эффективности.

Подводя итог проведенному исследованию можно сделать вывод о том, что, несмотря на оригинальность, способность продуцировать большое количество идей и ломать существующие стереотипы креативная реклама далеко не всеми потребителями хорошо воспринимается. Это связано с тем, что большинство потребителей – это консерваторы,

которые предпочитают традиционное рекламное сообщение – доступное для понимания и не требующее значительных умственных затрат для интерпретации смысла. Зачастую традиционная реклама шоколада – это отражение красивой, возможно никогда не реализующейся мечты (райские острова и блаженство). Такая реклама в полной мере решает основную рекламную задачу – формирование положительных эмоций от встречи с рекламируемым объектом. В то же время смысл креативной рекламы в силу своей нестандартности интерпретируется своеобразно, что приводит к снижению эффективности.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Н. Б. Галашова.

Литература

1. *Видео-реклама* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rutube.ru/>
2. *Креатив в рекламе: настоящее и будущее* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socrekлама.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=5033&SECTION_ID=110
3. *Определение понятия «креативность»* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%BA%D0%F0%E5%E0%E2%E8%E2%ED%EE%F1%F2%FC>
4. *Функции рекламы в маркетинге, креатив в рекламе* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.metaphor.ru/er/approach/ad.xml>
5. *Что такое креативность рекламы* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.seosuck.ru/>
6. *Шоколадный рынок* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.marketcenter.ru/content/doc-2-181.html>

WEB-САЙТ КАК ИНСТРУМЕНТ PR В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

А. В. Хомутова, К. В. Петров

Томский государственный педагогический университет

Современная эпоха – это эпоха информационного общества, которая характеризуется ростом информационных технологий и глобализацией информационных процессов. В информационном обществе создается глобальное информационное пространство; обеспечивается доступ людей к мировым информационным ресурсам; рынок информации и знаний создается и развивается как фактор производства в дополнение к рынкам природных ресурсов, труда и капитала. Одним из главных

проявлений этих процессов является возникновение глобальной сети Интернет, стремительное и неуклонное расширение ее использования во всех сферах жизни общества.

Сегодня Интернет является мощным инструментом коммуникации и каналом получения информации потребителями. Интернет – это глобальная компьютерная сеть, в которую объединены миллионы компьютеров по всему миру.

По данным исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» в начале 2011 г., месячная доля пользователей Интернета в России достигла 50,3 млн человек, что составляет примерно 35 % населения страны [1].

Сегодня Интернет является популярным и уникальным медиа-пространством, отличающимся большим масштабом деятельности, возможностью хранения и коррекции информации, оперативностью передачи данных и круглосуточным доступом к сети.

Для PR-специалиста Интернет представляет собой глобальную совокупность виртуальных коммуникационных средств, новую, перспективную коммуникативно-информационную реальность, с помощью которой возможно оказывать влияние на механизмы управления восприятием. Появление и развитие интернета привело к тому, что традиционные технологии PR стали дополняться новыми интернет-технологиями. Сочетание традиционных и новых интернет-технологий позволяет комплексно воздействовать на общественное мнение, тем самым способствовать достижению поставленных целей.

А.Н. Чумиков, один из самых известных российских теоретиков связей с общественностью, рассматривает интернет-коммуникации как некое магистральное, основополагающее направление, в котором необходимо двигаться российским PR-специалистам при реализации PR-проектов. Студентам, обучающимся по специальности «Связи с общественностью», необходимо больше внимания уделять изучению Интернета как канала коммуникации и как инструмента PR-деятельности. Тем более, по утверждению А.Н. Чумикова, эксперимент в области интернет-коммуникаций под силу каждому студенту, так как «не требует доступа к телам политиков или бизнесменов и оперирования большими деньгами» [2].

К 2010 г. связи с общественностью в Интернете стали восприниматься как самостоятельная должность – специалист по связям с обществен-

ностью в Интернете. PR-специалист в Интернете не дублирует действия разработчиков сайтов (веб-мастер, дизайнер, верстальщик и др.), он занимается исследованием, созданием, корректировкой и поддержанием актуального уровня интернет-коммуникаций [3. С. 5].

Сегодня Интернет как среда и как средство коммуникации обладает огромным потенциалом для ведения PR-деятельности. Электронный PR (e-PR) – в век глобальных информационных технологий – один из самых перспективных направлений PR [4].

Возможности Интернета используются практически во всех сферах общественной жизни. Так, интернет-представительства своих организаций создают государственные органы власти, различные коммерческие, бизнес-структуры, общественные организации, политические лидеры, а также культурные учреждения.

Использование интернет-технологий в культурной сфере является сегодня актуальной проблемой. Практикой использования интернет-коммуникаций для популяризации деятельности учреждения культуры могут похвастаться сегодня немногие учреждения. По мнению Г.Л. Тульчинского, сегодня сфера культуры сталкивается с рядом проблем в области менеджмента: переход от чисто дотационного бюджетного финансирования структур к конкуренции за бюджетные средства, необходимости широкого привлечения внебюджетных средств; изменение требований к профессионализму менеджера в социально-культурной сфере. Если раньше работник сферы культуры видел себя преимущественно работником «идеологического фронта», педагогом-воспитателем, то теперь он должен быть практически ориентирован в технологии маркетинга в коммерческой и некоммерческой деятельности, быть экономически и юридически грамотным специалистом.

В качестве примера можно привести высказывание одного из читателей персонального блога Владимира Самокиша (заместитель Губернатора Томской области по социальной политике), в котором работники одного из музеев Томска были названы «немотивированными бабушками», потому что бабушки-смотрители только включают и выключают свет, вместо того чтобы рассказывать про экспонаты [5].

Остро стоит кадровая проблема: средний возраст работников культуры в Томске сегодня составляет 44 года, доля специалистов предпенсионного и пенсионного возраста в сфере культуры с каждым годом растет [6].

Согласно исследованию, посвященному состоянию, динамике и перспективам культурной политики Томского региона, проведенному кафедрой социологии ТГУ в 2009 г., культура г. Томска находится в состоянии стабильности, в значении «стабильность как застой, стагнация». Исследователями отмечается преобладание массовой, коммерческой, развлекательной культуры над культурой «образца», «высокой» культурой. Нормативная культура становится неконкурентоспособной, предлагает невостребованные культурные продукты, вследствие чего наблюдается потеря интереса к деятельности бюджетных учреждений культуры. В результате, учреждения культуры имеют низкую посещаемость и непопулярный имидж.

В этой связи особенно актуальной является проблема применения новейших технологий оптимизации имиджа посредством сети Интернет.

Основными проблемами системного характера являются: инерционность культурной среды (консервативные, традиционные и архаичные методы ведения работы), невостребованность культурных продуктов, и, как следствие, непопулярный имидж бюджетных учреждений культуры [7].

Данные проблемы осознаются руководителями крупнейших бюджетных учреждений, в том числе и руководством Томской областной филармонии. Для решения проблем разрабатываются различные предложения, принимаются усилия, выделяются финансовые средства. Для филармонии решение этих проблем, и в первую очередь проблемы корректировки имиджа, является еще более актуальным, в связи с недавней кризисной ситуацией, связанной с бывшим директором О.В. Лесиной. Поэтому, нами была предпринята попытка разработать рекомендации по оптимизации имиджа Томской областной филармонии в сети Интернет.

На начальном этапе нашей работы были проведены исследования. Во-первых, исследование методом анкетирования. Было опрошено 228 студентов томских вузов: ТГУ, ТГПУ, ТПУ, ТГАСУ и Томского областного колледжа культуры и искусств им. В. Я. Шишкова. Респондентами являлись студенты творческих специальностей, которые в большей или меньшей степени связаны с культурной сферой.

В результате, были получены следующие количественные характеристики: наибольшей популярностью (зона интенсивного посещения – не менее 1 раза в месяц) среди молодежной аудитории пользуются кафе, спортивные секции, библиотеки и кинотеатры. Больше половины

респондентов – 52 % не посещают Томскую филармонию. Только 23 % всех опрошенных указали, что посещают данное учреждение реже одного раза в полгода. Распределения ответов говорят о том, что реже, чем раз в полгода люди предпочитают посещать заведения и мероприятия не столько увеселительно-развлекательного характера, сколько региона нормативной культуры, культуры «образца».

Методом анкетирования были получены и качественные характеристики по вопросу о причинах непосещения учреждения. Данные характеристики позволяют оценить имидж Томской филармонии с точки зрения индивидуального аспекта социальной практики, т. е. с помощью мнений, отношений, взглядов респондентов на какую-либо проблему.

Причины непосещения учреждения носят негативный характер и располагаются в следующем порядке: «это неинтересно», «это скучно», «нехватка времени», «мало информации об учреждении», «финансовые затруднения». Также следует отметить, что респонденты, которые посещали филармонию, в основном отдавали предпочтение концертам приезжих исполнителей и музыкантов, в то время как концерты Томского симфонического оркестра и вечера органной музыки посещаются значительно реже. Данный факт говорит о смещении предпочтений посетителей в сторону гастрольных концертов и сниженном уровне интереса к творчеству местных коллективов, а значит, о невостребованности культурного продукта, предлагаемого Томской филармонией, и о недостаточном уровне информированности населения о проводимых культурных мероприятиях.

Исследование методом анкетирования ставило своей целью выявить отношение молодежи к деятельности бюджетных учреждений культуры, потому что молодежь сегодня проявляет потребительскую активность практически во всех сферах рынка: они посещают как кафе и дискотеки, так и музеи, и театры. Эта возрастная категория является наиболее перспективной целевой группой и объектом культурной политики.

В результате, имидж Томской областной филармонии можно охарактеризовать следующими словами: «скучный», «непопулярный», «неинтересный», «немодный», «непонятный», «размытый», «нестабильный», «неустоявшийся».

Следующей частью исследования стало проведение сравнительного анализа веб-сайтов, коммуникационных и интернет-технологий филармоний других регионов, а также Берлинского симфонического оркестра.

На основе вышеперечисленных исследований был предложен план создания и развития веб-сайта Томской областной филармонии, реализация которого позволит скорректировать имидж филармонии посредством использования интернет-технологий. В плане применяются концепции Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 и следующая классификация интернет-ресурсов: корпоративный сайт, корпоративный сайт с элементами портала, интернет-портал. План включает в себя четыре этапа:

Этап 1. Web 1.0. Корпоративный сайт. Базовое представительство в сети. Сайт выполняет информационную функцию, содержит статические элементы.

Этап 2. Web 2.0. Корпоративный сайт с элементами портала. Организация обсуждения, комментирования, взаимодействия с пользователями. Использование интерактивных и мультимедийных элементов. Сайт выполняет коммуникативную функцию.

Этап 3. Web 2.0. Корпоративный сайт с элементами портала. Сайт дополняется обучающей функцией и профессиональной, специализированной информацией.

Этап 4. Web 3.0. Интернет-портал. Бренд-религия. Филармония – центр притяжения. Организация комплексного досуга до и после концерта.

Таким образом, предложенный план создания и развития веб-сайта Томской областной филармонии поможет скорректировать имидж учреждения, сделать его более целостным и понятным для потребителей культурного продукта, с помощью интерактивных элементов напрямую выходить на целевую аудиторию, что позволит планировать деятельность учреждения с учетом потребностей аудитории.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент К. В. Петров.

Литература

1. «Интернет в России». Фонд «Общественное мнение». Зима 2010–2011.
2. Чумиков, А. Н. Дальнейшие перспективы развития конкурса Хрустальный апельсин [Электронный ресурс] / А. Н. Чумиков. Режим доступа: <http://pr.tsu.ru/video/17/>
3. Чумиков, А. Н. PR в Интернете: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 / А. Чумиков, М. Бочаров, М. Тишкова. М. : Альпина Паблишерз, 2010.
4. Беляева, Т. Проблемы использования Интернета как инструмента PR в современной России / Т. Беляева, И. Стялова // Маркетинг в России и за рубежом. 2003. № 1.
5. Самокиш, В. На обед – духовную пищу [Электронный ресурс] / В. Самокиш. Режим доступа: <http://samokish.livejournal.com/15058.html>
6. «Культура инновационного региона». Стратегия развития отрасли культуры Томской области до 2020 года. Департамент по культуре Томской области, 2011 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ «СОВЕТЫ ДА ЛЮБОВЬ»

М. М. Шарапова, Е. И. Черных

Томский государственный педагогический университет

Связи с общественностью обладают богатым репертуаром коммуникативных приемов, методов, технологий. А, как известно, чем шире репертуар, тем богаче возможности взаимодействия с общественностью, тем выше эффективность отношений. Один из интереснейших инструментов PR – это событийные коммуникации.

Специальные события инициируют, когда повседневная жизнь не создает достаточного количества новой информации [1]. Главное качество – способность быть новостью.

Проблема исследования состоит в том, чтобы научиться не просто пассивно реагировать на окружающую среду, но и воздействовать на нее по мере своих возможностей и ресурсов. Такой подход сочетает в себе рациональное реагирование на возникающие проблемы, поиск и разработку стратегии, воздействуя, таким образом, на общественное мнение и развитие событий в желаемом направлении.

В своей работе мы опирались на труды Ф. Джефкинса [2], В. П. Королько [3], И. М. Синяевой [4], которые посвящены вопросам коммуникационного взаимодействия организации с ее целевыми аудиториями.

Целью данной работы является изучение организации специальных событий в сфере частного бизнеса на примере томской компании «Советы да Любовь». Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Провести анализ организации специальных событий на основе деятельности компании «Советы да Любовь».

2. Исследовать эффективность организационных моментов при проведении свадебной ярмарки «Охота на свадьбу» с помощью анкетирования.

Поставлена гипотеза: для успешного проведения специального события необходим тщательно продуманный организационный этап.

Проанализируем PR-деятельность компании «Советы да Любовь».

«Советы да Любовь» – это мультимедийный каталог свадебных компаний, необходимых для экономной и грамотной подготовки к свадебному торжеству (сайт svadbavtomske.ru), а так же дисконтная система и журнал «Организация и проведение свадьбы в Томске».

Данная компания уже 5 лет существует на томском рынке свадебных услуг. Она активно развивается и приобретает новых партнеров, которых на настоящий момент уже более двухсот.

Однако такие организации, как свадебный каталог «Жених и невеста» и свадебный портал «Зеркало» могут составить в будущем серьезную конкуренцию. Поэтому для поддержания интереса у общественности и привлечения новых клиентов компании «Советы да любовь» необходимо непрерывно развиваться, придумывать что-либо более привлекательное, чем у других. Работая в этом направлении, проведение специальных событий подходит как нельзя лучше.

«Советы да любовь» организует и проводит специальные события разных направлений. За последний год были проведены: семинар для невест, свадебный парад, презентация журнала, свадебная ярмарка. Последнее уже стало традиционным ежегодным весенним торжеством. На нем мы и остановимся более подробно.

Рассмотрим специальное событие свадебная ярмарка «Охота на свадьбу». Ярмарки с точки зрения связей с общественностью являются комплексными мероприятиями, объединяющими в себе целые группы достаточно эффективных PR-акций по взаимодействию с целевыми аудиториями (концерт, презентация продукции, дефиле, конкурсы).

Свадебная ярмарка проводилась как масштабное мероприятие для влюбленных пар, планирующих в ближайшее время официально оформить свои отношения в загсе. Организаторами ярмарки разработан ряд рекомендаций и предложений для влюбленных, их родителей и гостей по подготовке и проведению свадьбы. Грамотная и своевременная помощь в организации свадебного торжества: предоставление широкого спектра услуг, консультаций и практических рекомендаций сделало это событие незабываемым для гостей ярмарки.

Данное специальное событие по типу маркетинговой среды – культурное. По характеру взаимодействия участников – неформальное. По

масштабам целевой аудитории – городское. Свадебную ярмарку можно отнести к циклическим мероприятиям, так как проводится второй раз и планируется сделать это событие ежегодным. Ориентировано мероприятие на внешнюю аудиторию для привлечения внимания к своим услугам, прежде всего, на клиентов, а также на СМИ и партнеров.

Процесс подготовки к участию в ярмарке состоял из нескольких блоков: планирование участия, организация и координация подготовительных работ, обеспечение необходимых ресурсов для эффективного участия. Готовиться начали примерно за 2 месяца до мероприятия.

На первом этапе приняли решение об участии в ярмарке, выбрали подходящее место («Технопарк»), время проведения (17 апреля), назначили ответственных за подготовку и спланировали бюджет.

Активно велась работа с партнерами, которым предлагалось принять участие в ярмарке «Охота на свадьбу». Им рассылались приглашения с примерной программой мероприятия, а также приглашали по телефону.

Был произведен предварительный тщательный осмотр места проведения ярмарки (Технопарк), предусмотрены хорошее освещение, наличие достаточного места для демонстрации продукции фирм, а также для хранения верхней одежды гостей, наличие указателей.

Подготовкой компаний к ярмаркам занимались специализированные фирмы, предлагающие услуги по оформлению выставочных площадок, подготовке полиграфической и сувенирной продукции. Их работу сотрудники компании «Советы да Любовь» тщательно контролировали по срокам и качеству исполнения. В назначенные сроки была готова вся полиграфическая продукция (рекламные листовки, визитки, информационные пакеты, программки).

Особое внимание компания уделила анонсированию мероприятия. Информация рекламного характера размещена на сайте компании, где можно задать уточняющие вопросы, вести обсуждение, а также на других информационных порталах; в журнале «Организация и проведение свадьбы в Томске»; разосланы пресс-релизы; расклеены рекламные листовки формата А5, плакаты формата А2; поместили баннер на фасаде «Стройпарка», изготовили рекламный ролик, который показывали на цифровом экране «ДОМ» возле магазина «Тысяча мелочей», в кинотеатре «Киномир» и на пяти телевизионных каналах. А за день до ярмарки обзвонили все пары, которые заполнили заявку на участие, кратко рассказали программу и еще раз пригласили посетить данное мероприятие.

Сама программа разрабатывалась очень тщательно. Сценарий расписывался по минутам. Провели несколько репетиций с ведущими. А за две недели до события состоялся предварительный сбор всех фирм-участниц, чтобы решить до конца организационные вопросы.

Важным моментом организации ярмарки являлась подготовка сотрудников, которые будут на ней работать. Были определены сферы их ответственности: за встречу гостей, проведение опроса, работу с прессой, работу с приглашенными фирмами-участницами, работу техники и ответственных по оперативным вопросам.

Необходимо остановиться на том, что на ярмарке предусматривались ценные призы и скидки, лотерея, дегустации тортов и вин, мастер-классы по визажу, прическе, составлению букета, оформлению банкетного зала, презентации свадебных платьев и костюмов, фото- и видеостудий, консультации специалистов и многое другое. И вход при этом был для всех свободный.

Велась работа со СМИ. Была составлена база представителей СМИ, написан анонсирующий пресс-релиз и осуществлена его рассылка.

На ярмарке присутствовали репортер с канала ТВ2, представитель журнала «Дорогое удовольствие», несколько фотографов.

Таким образом, свадебная ярмарка «Охота на свадьбу» дала хорошую возможность распространить информацию о компании, привлечь к себе внимание целевой аудитории. Организация и участие в ярмарке дали компании «Советы да Любовь» и другие преимущества:

- провести исследование, изучить спрос и потенциальный рынок продукта (журнал, интернет-портал);
- установить партнерские отношения с компаниями-участницами, которых собралось около ста, провести переговоры с важными людьми;
- получить в СМИ публикации о компании как об организаторе ярмарки.

Для того чтобы изучить на сколько эффективно работала компания «Советы да любовь» при организации специального мероприятия было проведено исследование. Для сбора необходимой информации был использован метод социологического опроса, вид опроса – анкетирование.

Был выбран метод опроса, так как об исследуемом явлении нет достаточной документальной информации и оно не доступно непосредственному наблюдению.

В анкете было предложено 7 вопросов с закрытыми вариантами ответов. На некоторые из вопросов можно было выбрать несколько вариантов ответов. Всего было опрошено 198 пар.

Исходя из результатов анкетирования, получены следующие данные:

1. Большая часть респондентов знают о сайте svadbavtomske.ru, который является сайтом компании «Советы да Любовь» и о журнале «Организация и проведение свадьбы в Томске», который также выпускает данная компания, поэтому можно и в дальнейшем продолжать активно размещать там информацию о специальных мероприятиях.

2. При информировании о событии очень эффективными оказались такие средства, как реклама по телевидению (около 20%), размещение рекламного макета в журнале (19%) и информации в Интернете (17,7%).

Наиболее результативным оказался показ ролика по ТВ2 – практически 90% узнавших о ярмарке по TV, увидели рекламу именно на этом канале. Просмотр кабельного телевидения (каналы RUTV, РБК, ТВ-21, Восьмой канал) еще не так распространен.

В целом источники информирования о предстоящей ярмарке были самые разнообразные. Можно сделать вывод, что это явилось одним из факторов успешного проведения данного мероприятия.

3. Больше всего на ярмарке привлекла возможность выиграть подарки и скидки от организаторов – около 65% отметило этот пункт. Возможность ознакомиться за один день с большим спектром свадебных товаров и услуг (дегустации, показ свадебных коллекций, мастер-классы, консультации специалистов) оказалась заманчивой для 30% гостей.

Следует отметить, что обо всех этих возможностях постоянно сообщалось в рекламных сообщениях и во время проведения самой ярмарки.

После проведения ярмарки началось её активное обсуждение на сайте компании, готовятся выпуски журналов с информацией о событии, обзоры в передачах «Успеваем» и «Крупным планом».

Таким образом, наше исследование показало, что при подготовке к свадебной ярмарке «Охота на свадьбу» была тщательно продумана организация данного мероприятия, что способствовало ее успешной реализации.

Научный руководитель: канд. биол. наук, доцент Е. И. Черных.

Литература

1. *Быков, И. А.* Организация и проведение кампаний по связям с общественностью : учебное пособие / И. А. Быков. СПб. : СПбГУТ, 2003. 336 с.
2. *Джефкинс, Ф.* Паблик Рилейшнз : монография / Ф. Джефкинс. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 416 с.
3. *Королько, В. Г.* Основы паблик рилейшнз : монография / В. Г. Королько. М. : Рефл-бук, 2001. 528 с.
4. *Синяева, И. М.* Сфера PR в маркетинге : монография / И. М. Синяева, В. М. Маслова, В. В. Синяев. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 384 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ

Межличностные отношения в патронатной семье <i>Мелкозерова Е. А.</i>	5
Статус биографического метода в современной психологии <i>Миллер Ю. В., Белобрыкина О. А.</i>	10
Влияние тренинга на развитие коммуникативной компетентности у студентов технического вуза <i>Мишанькина А. В.</i>	19
Имеет ли запах цвет? (Ассоциативный эксперимент) <i>Москаленко Н., Павлова А.</i>	25
Проблема деятельности и поведения в психологии <i>Никитина Ю. В.</i>	29
Психологические особенности подростков, склонных к девиантному поведению с разным социометрическим статусом <i>Николаева М. Н.</i>	33
Сравнительный анализ психических состояний матерей из полных и неполных семей <i>Ольшевская Э. Н.</i>	37
Особенности психолого-педагогического сопровождения детей со сложными структурными дефектами <i>Пинчук Ю. Д., Воробьева Е. В.</i>	41
Одиночество как социально-психологический феномен <i>Полынянкина Н. Е.</i>	46
Социально-психологические причины отклонений в развитии и поведении <i>Постоева В. А., Борzych С. В.</i>	49
Особенности коррекции внимания у детей дошкольного возраста с ЗПП <i>Ревина Т. В.</i>	53
Проблема психологической селекции в определении готовности ребенка к школьному обучению <i>Рехлова А. И., Белобрыкина О. А.</i>	58

Особенности совладающего поведения воспитателей дошкольных учреждений <i>Семёнова Е. М., Усова С. Л.</i>	64
Смыслжизненные ориентации и склонность к виктимному поведению у девиантных подростков <i>Семенчук Е. С.</i>	68
Психологическая адаптация к фоносемантике японского языка русскоязычных студентов на первой ступени обучения <i>Сенаторова Е. К.</i>	73
Взаимосвязь толерантности и психического выгорания у педагогов-психологов дошкольных образовательных учреждений <i>Сехно А. А.</i>	79
Бессознательное в творческом процессе <i>Созорова А. О.</i>	84
Жизненный проект как характеристика личностно-профессионального становления предпринимателя <i>Стариченко О. Н.</i>	86
Психологический профиль группы как маркер ее успешности <i>Стремлина А. К.</i>	90
Проявление жизнестойкости у подростков из благополучных и неблагополучных семей <i>Толстыко Н. Я., Семёнова Е. М.</i>	93
Генезис эмоций человека и их связь с интеллектом <i>Урбанович Л.</i>	98
Особенности проявления способности к обнаружению и разрешению познавательных противоречий в разных образовательных средах <i>Федосеева М. В.</i>	103
Эмоциональный интеллект личности <i>Чекрыгина Ю. В.</i>	107
Особенности мотивации достижений у современных подростков <i>Черепанова А. Л., Цыремпилова С. В.</i>	111
Возможности гештальт-терапии в лечении невротических расстройств <i>Черепанова А. Л., Цыремпилова С. В., Оинчинова М. В.</i>	116

Преодоление кризисных, проблемных ситуаций в жизнедеятельности человека <i>Чернышев С. А.</i>	119
Возможности психотерапии и психокоррекции чувства вины у детей дошкольного возраста <i>Чулкова И. А.</i>	122
Феномен ревности <i>Шелехов И. Л., Ермакова Т. М.</i>	128
Психологический анализ улыбки <i>Шелехов И. Л., Медюха Е. В.</i>	132
Условия формирования психологической готовности к материнству <i>Шелехов И. Л., Слободчикова М. Ю.</i>	145
Развитие человека в условиях инновационных преобразований общества <i>Шмырёва М. А.</i>	149
Репродуктивные установки современных российских девушек. Обзор публикаций <i>Ясюкевич Ю. В., Шелехов И. Л., Берестнева О. Г.</i>	155

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ, РЕКЛАМА

Социальная реклама как отражение ценностных ориентаций общества <i>Галашова Н. Б., Галицкая В. А.</i>	163
Рекламные идентификаторы как фактор принятия решения о покупке <i>Галашова Н. Б., Дашина С. А.</i>	171
Креативная реклама: к вопросу об эффективности <i>Лупак В. А., Галашова Н. Б.</i>	175
Web-сайт как инструмент PR в сфере культуры <i>Хомутова А. В., Петров К. В.</i>	181
Организация специальных событий на примере компании «Советы да Любовь» <i>Шарапова М. М., Черных Е. И.</i>	187

Научное издание

I ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Всероссийская с международным участием конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых**

«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»

*г. Томск
25–29 апреля 2011 г.*

**ТОМ III
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ**

**ЧАСТЬ 3
ПСИХОЛОГИЯ, СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ, РЕКЛАМА**

Материалы конференции

Технический редактор: О. П. Крикунова
Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная.
Усл. печ. л.: 11,4.
Уч. изд. л.: 9,8.

Сдано в печать: 5.12.2011 г.
Формат: 64×80/16.
Заказ: 640/Н.
Тираж: 100 экз.

Издательство Томского государственного педагогического университета
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
Отпечатано в типографии Издательства ТГПУ
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93.
e-mail: tipograf@tspu.edu.ru